

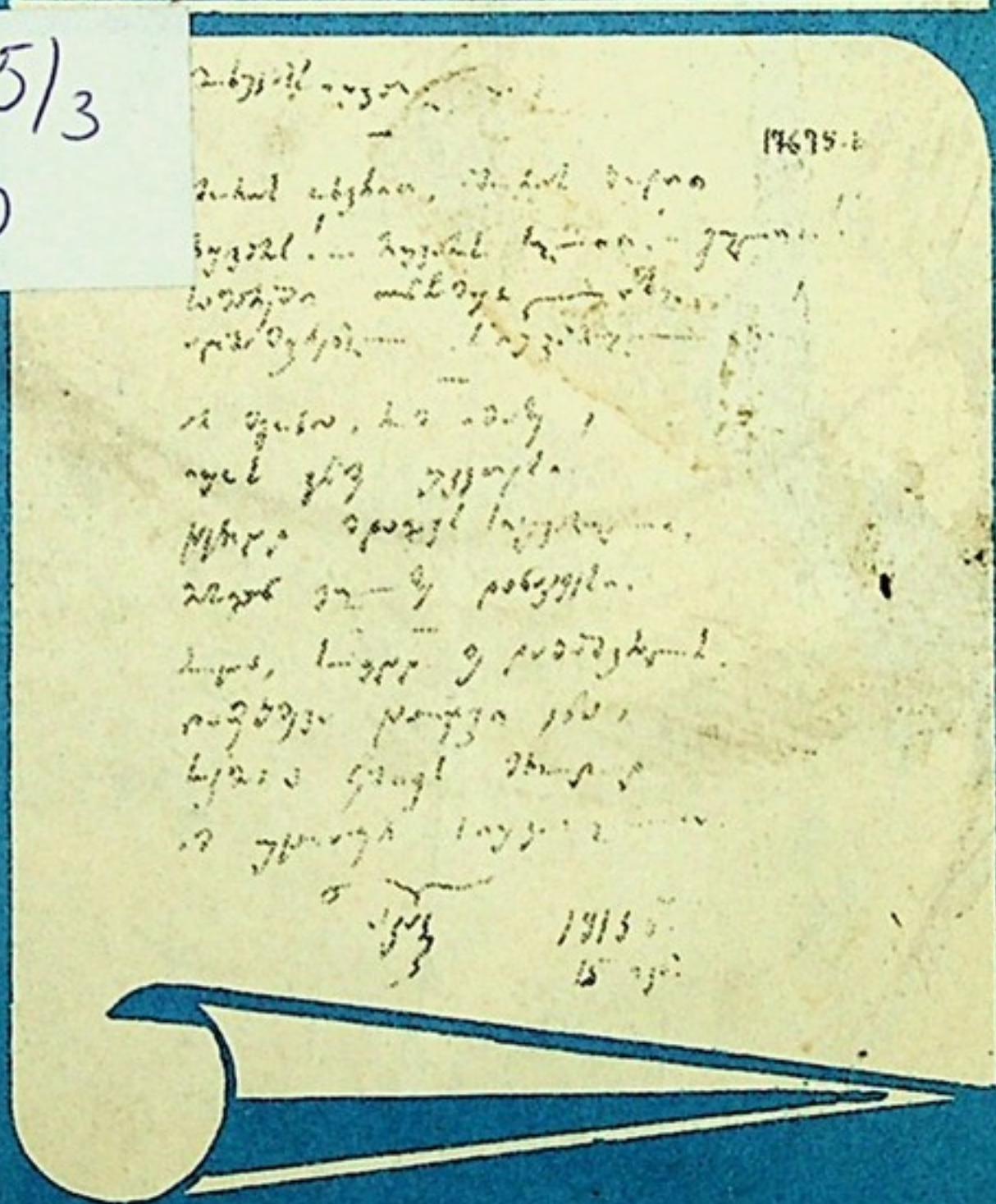

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1990

R 10335/3

1990

Handwritten text in Georgian script, including a date "1967-8" in the upper right corner. The text is arranged in several lines, with some words appearing to be part of a list or a series of notes. At the bottom of the page, there are two distinct dates: "1915" and "15 აპრილი".

ქართული
ენობრიობა

აკაკი

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ — 150

Полифония перевода

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ. Рассвет. Переводы Олега Боброва, Зураба Габуния, Георгия Настенко, Владимира Норакидзе	3
АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ. Воспитатель. Быль. Перевод Владимира Саришвили .	13
АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ. Грузин и армянин, или Хитрость за хитрость. Комедия в 5-ти дей- ствиях. Публикация и комментарии Иго- ря Богомолова	26
ИГОРЬ БОГОМОЛОВ. Запрещенная цензурой	80
АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ. «Пепо» в Хони. Пе- ревод Лианы Татишвили	86
ВАЛЕНТИНА БАЛУАШВИЛИ. «Нежной Гру- зии поэт...»	90
ЛЕЙЛА ЭРАДЗЕ. «Единство—наша святыня»	97

10

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

МАРИО ЛУЦИ. Стихи. Перевод с итальянско- го Эмили Сахаровой	113
НАНА КАНДЕЛАКИ. Новеллы. Перевод Ма- ки Имнадзе	115
ВАХТАНГ АХВЛЕДИАНИ. Зинет. Новелла. Перевод автора	133
НОДАР КОБЕРИДЗЕ. Корабли, вернувшиеся из дальнего плавания. Рассказ. Перевод Игоря Калашьяна и Юрия Чей- швили	139

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

МАРИЯ КШОНДЗЕР. Грузия в поэзии Пас- тернака	172
---	------------

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

«Кроме Руставели делаю и антологию». Письма Миколы Бажана Виктору Гольцеву. Публи- кация Н. Кюстенко	184
ВИКТОР ТЕРЛЕЦКИЙ. «Моя идея Кавказа»	195

РЕЦЕНЗИИ

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ. «Вперед-назад», или Как расшифровывается ужас	207
Д. РОБАКИДЗЕ. Под знаком добра	211

НЕКРОЛОГ

КАМИЛЛА КОРИНТЭЛИ. Прощание	216
ГЕОРГИЙ ЦИЦИШВИЛИ. Поэт остается с народом	218
К нашим читателям	222
Реклама еженедельника «ЮРМАЛА»	223

В нынешнем году исполняется 150 лет со дня рождения классика грузинской литературы, одного из наиболее выдающихся поэтов Грузии Акакия Церетели.

Празднование юбилея намечено на май 1991 года, но наш журнал отмечает эту знаменательную дату в октябрьском номере.

В юбилейной подборке читатель познакомится с полифонией перевода одного из известнейших и любимых в Грузии стихотворений Ак. Церетели «Рассвет», с новым переводом его поэмы «Воспитатель», со статьей «Пепо» в Хони», впервые публикуемой на русском языке, и с другими материалами.

აკაკი წერეთელი

განთიადი

მთაწმინდა ჩაფიქრებულა,
შეპყურებს ცისკრის ვარსკვლავსა,
მნათობი სხივებს მალლით ჰფენს
თავდადებულის საფლავსა.

დადუმებულა მთაწმინდა,
ისმენს დუდუნსა მტკვრისასა:
მდინარე ნანას უმღერის
რაინდსა, ურჩსა მტრისასა...

მთაწმინდა გულში იხუტებს
საშვილიშვილო სამარეს,
მამადავითსა ავედრებს,
აბარებს ქვეყნის მოყვარეს...

მგოსანი გრძნობამორევით
თვალს ავლებს არემარესა
და გულის-პასუხს ნარნარად
უმღერის ტურფა მხარესა:

152 697

„ცა — ფირუზ, ხმელეთ — ზურმუხტო.
ჩემო სამშობლო მხარეო,
სნეული დავბრუნებულვარ,
მკურნალად შემეყარეო!..

ვერ ავიტანე ობლობა,
სიხლის ცრემლები ვღვარეო,
წამძლია ხულმა და გულმა,
შენს ნახვას დავეჩქარეო.

წინ მომეგებენ ღიმილით
შენი მზე, შენი მთვარეო,
გუნდი და გუნდი ვარსკვლავი
მოკაშკაშ-მოელვარეო.

გულში იფეთქა სიამემ,
სევდები უკუვყარეო,
ია და ვარდი დამქკნარი
ხელახლად გამიხარეო!..

ცა — ფირუზ, ხმელეთ — ზურმუხტო,
სულის ჩამდგმელო მხარეო,
შენი ვარ, შენთვის მოვკვდები,
შენზედვე მგლოვიარეო!..

ნურც მკვდარს გამწირავ, ნურც ცოცხალს,
ზე კალთა დამაფარეო...
და, რომ მოვკვდები, გახსოვდეს,
ანდერძი დავიბარეო:

დედა-შვილობამ, ბევრს არ გთხოვ:
შენს მიწას მიმაბარეო,
„/ცა — ფირუზ, ხმელეთ — ზურმუხტო,
ჩემო სამშობლო მხარეო!“

Акакий ЦЕРЕТЕЛИ

Рассвет

(Подстрочный перевод)

Мтацминда задумалась,
Смотрит на звезду утренней зари,

Светило сверху стелет лучи
На могилу пожертвовавшего собой.

Молчит Мтацминда,
Слушает журчание Куры:
Река поет колыбельную
Рыцарю, не покорившемуся врагу.

Мтацминда прижимает к груди
Могилу, которая никогда не разрушится,
Церкви святого Давида
Передает любимца страны...

Певец с чувством
Оглядывает окрестности
И ответ сердца с нежностью
Поет милому краю:

«Небо—бирюзовое, земля—изумрудная,
Моя родная сторона,
Немощный я вернулся,
Стань моим лекарем!..

Не вынес я сиротства,
Лил кровавые слезы,
Душой и сердцем рвался,
Спешил увидеть тебя.

Встретили меня с улыбкой
Твое солнце, твоя луна.
Множество звезд,
Мерцающе-сияющее.

В сердце вспыхнула радость,
Печаль я отбросил,
Увявшие фиалки и розы
Вновь оживила мне ты.

Небо—бирюзовое, земля—изумрудная,
Животворный край,
Я твой, умру за тебя,
Печалющийся о тебе же!..

Ни мертвого, ни живого меня не отвергай;
Прикрой меня своим подолом...
И когда я умру, запомни,
Завещание оставил я:

Многого, мать, сын твой не просит:
Упокой меня в своей земле,
Небо — бирюзовое, земля—изумрудная,
Моя родная сторона!»

Гантиади

(Транскрипция)

**Мтацминда чапикребула,
Шехкуребс цискрис варсквлавса,
Мнатоби схивебс маглит пэнс
Тавдадэбулис саплавса.**

**Дадумебула Мтацминда,
Исменс дудунса мткврисаса:
Мдинарэ нанас умгерис
Раиндса, урчса мтрисаса...**

**Мтацминда гулши ихутэбс
Сашвилишвило самарэс,
Мамадавидса аведрэбс,
Абарэбс квекнис мокварэс...**

**Мгосани грдзнобаморэвит
Твалс авлебс арэмарэса
Да гулис-пасухс нарнарад
Умгерис турпа мхарэса:**

**«Ца—пируз, хмелет — зурмухто,
Чемо самшобло мхарэо,
Снэули давбрунэбулвар,
Мкурналад шемекарэо!..**

**Вер авитанэ облоба,
Сисхлис црэмлеби вгварэо,**

Цамдзлия сулма да гулма,
Шенс нахвас давечкарэо.

Цин момегебеч гимилит
Шени мзе, шени мтварео,
Гунди да гунди варсквлави
Мокашкаш — моэлварэо.

Гулши ипетка сиамам.
Сэвдеби укувкарэо,
Иа да варди дамчкнари
Хелахлад гамихарэо!..

Ца — пируз, хмелет — зурмухто,
Сулис чамдгмело мхарэо,
Шени вар, шентвис мовквдэби,
Шензедве мгловиарэо!..

Нурц мквдарс гамцирав, нурц цоцхалс,
Зе калта дамапарэо...
Да, ром мовквдэби, гахсовдэс,
Андэрдзи давибарэо:

Дэда — швилобам, беврс ар гтхов:
Шенс мицас мимабарэо,
«Ца — пируз, хмелет — зурмухто,
Чемо самшобло мхарэо!»

Размер: 8 — сложник.
Рифма: авсв

Рассвет

Печалью Мтацминда полна,
И предрассветною порою
Медленно гаснет звезда
Над могилою героя.

И колыбельной тихий звук,
Рожденьный между берегами,

Кура несет тебе, мой друг,
Непокоренному врагами...

Последний горестный приют
Лелеет Мтацминда сурово.
И лик Давидов светит тут,
Здесь тень присутствует святого...

Поэт, что смотрит с высоты
На сердцу милые просторы,
Поет — слова его просты,
И внемяют песне дол и горы:

«О, бирюзовый небосвод,
О, изумруд манящих далей,
Я болен, немощен, и вот —
Во власти скорби и печали!..

Я сиротой влачил вдали
Пустые дни. Земля родная,
Я море слез в тоске пролил,
С тобой разлуку проклиная.

Но верю я, что исцелят
Мои сомненья и страданья
Луны и солнца нежный взгляд
И звезд блистательных сиянье!..

В душе моей горят костры,
Сжигая прошлые печали.
Давно увядшие цветы,
Вы вновь пленительными стали!..

О, бирюзовый небосвод,
О, изумруд манящих далей,
Я — ваш, умру за свой народ,
Что тверже скал, острее стали!..

Не покидай меня, молю,
Храни меня, моя Отчизна...
Когда ж умру — в трудах, в бою —
Я встречу смерть без укоризны.

Одно прошу: предай меня
Твоей земле. И после тризны
Я буду вновь с тобой, земля
Моих отцов, земля Отчизны!»

Перевод Олега БОБРОВА

Рассвет

Дум полна гора Мтацминда,
Устремив вершину к зорям,
Лунный свет разлит на плитах
Над могилою героя.

Мрачным мыслям словно вторят
Ропот волн и шум чинары,
И баюкает героя
Колыбельной песней Мтквари.

Вековечную могилу
Обняла горы вершина,
Глядя в небо, просит милость,
Молит за страдальца сына.

Полон дивного горенья,
Зрит поэт при свете ясном
Цепи гор и вдохновенно
Песнь поет стране прекрасной:

«Небо сине-бирюзово,
Изумрудны дол и горы,
К вам я, скорбный, возвратился,
Милой родины просторы.

Одиночество терзало,
Слезы лил я на чужбине,
И надломленный печалью,
Я спешил к своей святыне.

Вот и вновь родные дали,
Солнце, звезды с небосвода

Мне в сияньи улыбались,
Ликовала вся природа,

Сердце радостно забилося,
Счастье осушило слезы,
И в душе моей раскрылись
Лепестки поникшей розы.

Мать-отчизна, край прекрасный,
Небо сине-бирюзово,
О тебе скорблю всечасно,
За тебя умру без слова.

Приюти родного сына,
Защити от злобной силы,
Завещанье пред кончиной
Написал я, край мой милый:

Не оставь меня без крова,
Пусть мои погаснут взоры,
Там, где небо бирюзово,
Изумрудны дол и горы».

Перевод Зураба ГАБУНИЯ

Рассвет

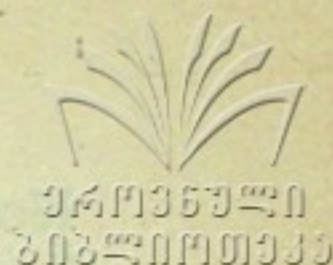
Мтацминда на звезды взирает
И думает думу свою.
Хранит мать-земля дорогая
Могилы погибших в бою.

Мрачнеет гора над Тбилиси,
Внимая гуденью Куры.
На склоне под высью лазурной
Для павших в рай доступ открыт.

Героев к себе прижимая,
Мтацминда их скрыла в гранит,
Давид ее просьбе внимает —
Их души Всевышний хранит.

Певец с вышины озирает
Просторы родной стороны.
И шлет он цветущему краю
Волшебные песни свои.

«Лазурное чистое небо,
Объятья родимой земли,
Я долгие годы здесь не был, —
Твой воздух меня исцелил.

Чужбина увечит и душит —
Зайдешься кровавой слезой,
Сломали мне сердце и душу
Чужие хлад, ветер и зной.

А дома в родстве все со мною!
И солнце мое! И луна!
И звездное небо иное.
Земля — она только одна.

Здесь нежностью сердце полнится.
Тоску я отбросил назад.
Цветов человечесие лица
С улыбкою смотрят в глаза.

Согретые солнцем долины
И неба лазурная высь!
Не смог выжить я на чужбине:
Мы с нею душой не срослись.

Завет мой последний исполни:
Небесною синью накрой.
Моя и Всевышнего воля —
Хочу быть навеки с тобой.

Немного у матери просит
О, Родина, любящий сын:
Умру — пусть мой холмик пологий
Укроет кладбищенский тын».

Перевод Георгия НАСТЕНКО

Рассвет

Ночь. Мтацминда задумалась,
Звездной любуясь россыпью;
Лунные блики стелются,
С трав на могиле росы пьют.

Мтквари поет, баюкает
В битве с врагами павшего,
Жизни не пожалевшего,
Чести не потерявшего...

Скалы, молясь за рыцаря,
Славой в веках увитого,
Препоручают дух его
В лоно Мамадавидово...

К звездам приблизясь, трогает
Струны певец, и с нежностью
Голос его разносится,
Льется над всей окрестностью:

«Небеса бирюзовые
И земля изумрудная,
Исцели меня, странника,
Родина моя чудная!..

Слезы я лил кровавые
В годы сиротства трудные;
Жаждал с тобой свидания,
Родина моя чудная!

Встречен тобой с улыбкою,
Звездные слышу лютни я,
С сердцем лучи сливаются
Солнечные и лунные...

Ожило сердце скорбное,
Радостью в прошлом скудное,
В стебель фиалки жизнь вдохни,
Родина моя чудная!..

Небеса бирюзовые
И земля изумрудная,
Знай — за тебя погибну я,
Родина моя чудная!..

Ты, словно мать, храни меня
Даже в минуты судные,
Сына завет единственный
Помни, родина чудная:

Прах не отвергни бренный мой,
Родина предков чудная,
Небеса бирюзовые
И земля изумрудная!»

Перевод Владимира НОРАКИДЗЕ

Воспитатель

БЫЛЬ

Посвящаю моим наставникам

1

Близ небес, к скале прижавшись,
Точно гнездышко чернеет;
Острый взгляд стрелка едва ли
Различить его сумеет.

Это лепится над гротом
Пацха — дом, сплетенный ладно,
Не страшит его ненастье —
В снег тепло здесь, в зной прохладно.

А когда грозит равнинам
Вешний ливень, пацхе-крохе
В туче, как в плаще, спасенье —
Шутки с молниями плохи.

А под полною луною,
В блеске солнца, под лучами
Вся природа перед нею
Расстилагается коврами.

И тогда пленяет пацха
Незатейливой красою,
Роскошь замков, зал дворцовый —
Все затмит она собою.

К ней тропа ведет крутая —
Не присесть, не опереться,
И всходящего спасут лишь
Зоркость ока, твердость сердца

Или конь, в горах возвращенный,
Осторожный и бесстрашный,
Для кого полет по скалам
Что другим прыжок пустяшный.

Кто хозяин этой пацхи —
Дома мирного над гротом?
Кто же в ней живет-не тужит,
Чьим поручена заботам?

Молодой абхаз-охотник,
Верный сын суровым скалам,
Суету он презирает
И довольствуется малым.

Добрый конь, ружье да бурка,
Сабля острая!.. Чего же
Человек, ему подобный,
Пожелать от жизни может?

Лишь любви, чей чистый светоч
Послан в мир земной из рая...
Без нее ведь не наполнить
Чашу радости до края.

Дар судьба ему вручила —
Юность, прелесть нареченной
И в ее лучистом взоре
Взор тонул его влюбленный:

Месяц лишь, как поселилась
В пацхе та, кого любил он,
В сердце чьем все поднебесье
Без остатка воплотил он...

И звезде, сверкнувшей в небе,
Озарившей рая кущи,
Не уступит красотой
Дочь Мегрелии цветущей...

Назиброла первой ласке
Приоткрыла робко двери...
Щеки свежи, как фиалки,
И нежна, как роза, пери.

Во плоти небесный ангел
Для нее супруг любимый!..
Души их, мечты, желанья —
Все едино, неделимо!..

Пьют небесное блаженство
Из одной супруги чаши!..
Их беседы — трепет взглядов,
Ни к чему им речи наши...

Но в суровом бренном мире
Можно ль долго длиться сказке?
Желчь в меду... Не пожелаешь
И врагу такой развязки!..

II

Тьма полночная. Не виден
Палец, поднесенный к глазу!..
И уснувшего медведя
Грома рев разбудит сразу!..

Ветер душу раздирает,
Хлещет дождь сплошным потоком;
И в ущелье змеи молний
Рассыпаются глубоко.

Точно вправду адский шабаш
Разыгрался буйным пиром!
Страх сковал долины, горы,
Страх повис над целым миром!

Черт — и тот бы юркнул в нору,
До утра бы в ней спасался,
Но смотри — какой-то путник
В дверь к абхазу постучался!..

И воскликнул: «Отворите!
Гость Господний у порога.
Мой скакун и я устали,
Измотала нас дорога!»

«Кто пришел в такую бурю?!» —
Был абхаз в недоуменье.
Но зажег свечу и двери
Распахнул в одно мгновенье.

Ввел промокшего до нитки,
Усадил к огню поближе,
У того на каламанах
Затрещали сгустки жижи.

Гость молчит. И кабалахи,
И набади он снимает,
В темный угол их относит
И смеется, но скрывает

Смех довольный от абхаза.
А когда башлык повесил,
Он внезапно обернулся
И сказал беспечно-весел:

«Какова, хозяин, шутка, —
Удалось ведь, право слово!..
Не узнал? Не ждал, наверно,
Гостя позднего такого?»

«Ты, Сафар?.. Мой брат молочный...
Грудью вскормлены одною,
Выше радости не знаю,
Чем увидеться с тобою...»

Обнялись, расцеловались,
Разбудил абхаз супругу:
«Приготовь скорее ужин
Гостю-брату, гостю-другу.

Утомят кого угодно
Наши скользкие тропинки.
Не держал во рту, пожалуй,
Даже маковой росинки?»

«Нет, Бату, не обессудь, но
Нынче ужинать не сяду.
Утолить чем сердца голод?
Ни управы с ним, ни сладу...

Расскажу о наболевшем:
Не искал пути кривые,
На бесчестное деянье
В жизни я решусь впервые!

С Иналипа Алмасхитом
Ты знаком самолюбивым?
Нет цены его оружию,
Чисто золото — конь ретивый.

Ловкий всадник, статный воин,
Богатырь непобедимый!..
Но... соперник мой невольный,
Горек путь непримиримый.

Он гостит у нас нередко,
Славою не обделенный;
Сколько девушек чудесных
Дарят взор ему влюбленный.

Лишь Зия-ханум не взглянет,
Холодна и равнодушна,
Не из тех он, кто желает
Ей прислуживать послушно.

Знаешь сам — она прелестна,
Несравненна чаровница,
Кто, ее увидев, может
В миг единый не влюбиться?

Как луна, недостижима, —
Льет лучи, сердец не грея;
Услаждает совершенством
Всех любующихся ею.

Приручить она сумеет,
Держит в рабстве, в черном теле,
Даст испить страданий чашу.
А потом — проверит в деле!..

И меня околдовала
Красотою — дивным даром!
Мог ли думать я, что дева
Верх одержит над Сафаром...

Говорит мне: «Если любишь,
Будет слово с делом слито, —
За три дня добыть сумеешь
Лошадь — гордость Алмасхита!»

Кто отнять решится силой?
Всех мечом своим изрубит,
Подобру же поздорову
Скакуна он не уступит.

Знаю — гордому мужчине
Даже думать так постыдно,
Только... кроме похищенья,
Брат мой, выхода не видно.

Вот зачем, Бату, пришел я,
(Надо ж доле тяжелой выпасть!)
Должен я у Алмасхита
На рассвете лошадь выкрасть».

Молча выслушал хозяин
Неожиданные вести.
Стал лицом мрачнее тучи —
Брат решился на бесчестье...

Молвил: «Кража недостойна
Брата моего и друга,
Но раз ты, Сафар, страдаешь
От любовного недуга,

Сам возьмусь за службу эту
(Что случится, то случится),
Чтоб тебе перед любимой
Не пришлось стыдом умыться.

Пусть затмит могильный холод
Жизни сладкие мгновенья,
Долг твой — избранной исполнить
Все желанья, все веленья.

Не подросток ты безусый,
Мне Сафара не пристало
Поучать, что лишь отваги
В богатырском сердце мало!

В испытании нелегком
Нужен разум осторожный,
Сгоряча ведь ненароком
След попутать может ложный.

Подлый страх и осторожность
Лишь наружностью — как братья,
Но по сути разны, точно
Божья милость и проклятье.

Ты собрался в путь опасный,
Смел, решителен и зорок,
Но с тропы собьешься, только
Первый перейдешь пригорок.

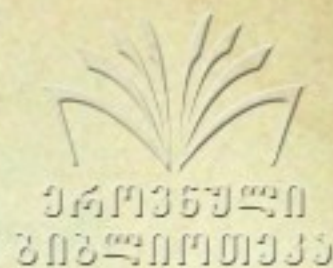
Я ж места родные знаю,
Привести коня сумею,
Или голову сложу я
За тебя — не пожалею!

Оставайся с миром в доме,
У огня поспи немного.
Как вернусь, устроим праздник,
Попируем вволю. С Богом!

Улыбнулся, снарядился,
Дверь на двор открыл. И сразу —
Ветра вой... Зигзаги молний
Осветили путь абхазу.

III

Ветер стих, светлеет небо,
Дружбы долг исполнен свято;
Скакуна ведет красавца
Под уздцы Бату для брата.

Дверь открыл. Неслышно входит,
Привязав коня к ограде
Спит Сафар в тепле, в уюте,
С головой укрыт набади.

Обошел он гостя тихо
(Спящего будить негоже)
И взглянуть спешит на ту, кто
Жизни для него дороже.

«Как сдержать мне трепет сердца
И душевное смятенье, —
Думал Бату, — ведь в разлуке
Веком кажется мгновенье...»

Он порог переступает,
Входит к ней, благоговей...
Тихо плачет Назиброла,
Исцарапав щеки, шею!..

Бьется головой об стену,
Стонет, словно бы в недуге...
Разворочено, измято
Ложе молодой супруги!..

Муж застыл в оцепененье,
Вдруг догадкой обожженный,
Рухнул, не сказав ни слова,
Точно громом пораженный.

А когда очнулся, молча
На жены взирал он муки
И страдал; но долг мужчины
Взять себя немедля в руки.

Он к рыдающей подходит,
Говорит ей, утешая:

«Все забудь, забудь скорее,
Все, что было — сон, родная!

Не ропщи — ведь наказание
За грехи — земная доля.
Испытанье нам досталось,
Что ж, на все — Господня воля.

Не померкнет чистый светоч,
Единящий души наши,
Вылей черную отраву
Навсегда из горькой чаши».

Нежной лаской, поцелуем
Слез росинки осушая,
Успокоил он супругу,
Боль свою не выдавая.

Подошел потом к Сафару
И сказал ему: «Доколе ж,
Брат, сегодня спать ты будешь.
Просыпаться не изволишь?!»

Вмиг набади гость отбросил,
Перепуган, взгляд отводит!..
Но в лице Бату намека
На суровость не находит,

Про себя Сафар смекает:
«Не заметил, слава Богу,
А иначе б сабля, пуля
До меня нашли дорогу!

Умолчала... Что ж, ужиться
С совестью ей легче будет.
О моем грехе теперь уж
Кто узнает, кто осудит?»

Так он думал. Вслух же молвит:
«Вижу, Бату, ты с удачей,
Мне заветное желанье
Ты исполнил — не иначе?»

«Угадал — конь там, за дверью.
Время. Уходи спокойно!
И прости, коли не смог я
Послужить тебе достойно!»

Чуть еще поговорили —
То и это, так и эдак,
И воды для умыванья
Вынес Бату напоследок.

Снарядил, чем нужно, гостя,
Как велит обычай древний,
Чтоб ни в чем он не нуждался
На пути к родной деревне,

Оседлал коня, и стремя
Придержал — помог взобраться.
Сам — на краденого. Плетью
Ну хлестать — и мчатся, мчатся,

Мчатся кони. Пар—клубами
Из ноздрей. По хитрым тропам
Сгоряча, как по опушке,
Скачут бешеным галопом

Вниз, к поляне изумрудной.
Там поводья бросил Бату
И сказал, возвысив голос,
Опозоренному брату:

«В злодеянье обвиняю
Я тебя, Сафар, безмерном!..
С этих пор послом меж нами
Только пуля будет верным!

Замолчи!.. И не спрошу я:
Есть грехи не для признанья,
И прощенья им не будет.
И не нужно покаянья!

С глаз долой! Уйди! Запрячься!
Схоронись! Не попадайся,
Чтобы кровь твою не пролил,
Избегать меня старайся!»

Как мертвец, иссохший, бледный,
Слова вымолвить не смея,
Сафар-бек глаза потупил,
От смущенья каменея.

Еле выдохнул: «Попутал
Бес меня!.. Попался бесу,
Клюнул, черту на потеху,
На заброшенную лесу!..

Я твой пленник!.. Я виновен,
И оружие бросаю...
Смерть — мой выбор. Перед нею
Сам я голову склоняю...

Смерть от мук меня избавит,
Грех без крови не искупишь...
Видишь, я готов. Стреляй же?
Или саблею разрубишь?!»

«Нет! Не выстрелю. И саблей
Не притронусь — будь спокоен:
Мать моя тебя взрастила,
Молоком ее ты вспоен...

Ты нарушил то, что чтимо
Выше веры и закона,
И содеянного хватит
Целый век тебе на стоны.

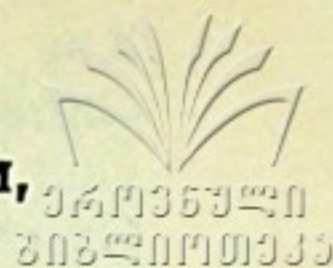
Уходи же, мной прощенный,
Но — бесследно должен скрыться!..
С чистым сердцем друг на друга
Мы не сможем положиться!

Лишь один наказ исполни —
Не посмеешь отпереться:
В Кабарде найди того, кто
Воспитал тебя, младенца,

Кто взрастил тебя, как сына,
Кто взлелеял мне на горе,
Все поведай без утайки
О стыде своем, позоре!»

Соскочил с коня. Поводья
Передал Сафару. Сам же
Вверх вскарабкался по скалам,
Не оглядываясь даже.

IV

Нет, не доблестью, не знатным
Родом Хадж Юсуф известен —
Не богатством, не дворцами —
Тем, что мудр, и тем, что честен.

Делят люди без остатка
С ним и радости, и беды;
На ладони начертал он
Магометовы заветы.

Обошел моря и горы,
Поднебесные державы;
И, хотя немало прожил,
Бодрый он и молодежавый.

Руки крепки, зорки очи
(Не бросаю слов на ветер),
Ныне славные джигиты —
Им воспитанные дети.

И Сафар, его питомец,
Шариата знал веленья,
Но природой обделенным
Не помогут наставленья.

Вот Сафар к Юсуфу входит,
Узы братства разорвавший,
Свет учения презревший
И святой закон поправший.

Рассказал, глотая слезы,
Что случилось поневоле
За хребтом; клокочет в горле
Горький ком стыда и боли.

Помрачнел Юсуф, услышав,
Что стряслось под дальним кровом:
На глазах измены пропасть
Углублялась с каждым словом.

Наконец спросил со вздохом:
«Муж смолчал, узнав об этом?»
«Он, как брат и друг, простил мне
Тяжкий грех перед Заветом!..»

Лишь одно велел исполнить,
К воспитателю явившись,
От него ответ услышать,
До конца во всем открывшись!»

«Понимаю. Дам ответ я
На рассказанную повесть,
Кровь пролью своей рукою,
Но зато очищу совесть!..»

Взял оружие. Покорно
Грудь питомец подставляет;
И расплаты справедливой —
Пули молча ожидает.

Но сказал Юсуф Сафару:
«Только тот достоин смерти,
Кто тебя взрастит мужчиной
Не сумел на этом свете!»

На курок нажал. Горячей
Пулей раздробил висок он!..
В облаках седого дыма,
Дух его взлетел высоко...

1898 г.

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

*Грузин и армянин,
или
Хитрость за хитрость*

КОМЕДИЯ В 5-ТИ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

Ольга Ивановна, богатая вдова, 25 лет, ищущая жениха.

Князь, Дмитрий Александрович Кокиев, грузин.

Артемий Никитич Кузов, армянин.

Павел Степанович Гусин, квартирный хозяин Кокиева.

Петр Иванович Хвостов, литератор.

Александра Павловна, жена его.

Костя
Федя
Коля

} петербургские франтики, молодые люди.

Квартальный надзиратель.

Почтальон.

Алексей, лакей Кокиева.

Гриша, казачок
Петр, лакей

} Ольги Ивановны.

Маша, горничная Александры Павловны
и Гости.

(Действие — в Петербурге)

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА I

ЯВЛЕНИЕ I

Богато меблированная комната в доме Ольги Ивановны.

Ольга Ивановна (медленно расхаживая взад и вперед, рассеянно). Весь вечер ходила с ним, а все

Публикация и комментарии Игоря БОГОМОЛОВА.

толку не добилась!.. Сперва он меня принял за какую-то Александру Павловну, и был очень весел; но потом как я ни старалась, как я ни притворялась, а все-таки он меня узнал, с досадою отошел от меня и больше ни с кем не ходил!.. (Задумывается.) Непонятный, право, он человек: в нем есть что-то особенное, за что именно я его и люблю. Его ничем нельзя покорить! Как я ни стараюсь, а он все как будто надсмехается надо мною! (Принимая обиженный вид.) О! Я бы ему никогда этого не простила, если бы он не был так... (переменив тон, нежно)... так молод!.. (Задумывается. Решительно.) Нет, во что бы то ни стало, а его покорю! Он будет мне принадлежать! Сумею уничтожить его какую-то Александру! (Задумывается.) (Вспылчиво.) Мальчишка! Смеется надо мною! Ему против меня устоять?.. Не буду жалеть ни чести, ни совести, ни богатства своего; издержу тысячу, две, три, четыре, пять, десять и больше, но куплю право быть его женою, и тогда (грозно) берегись, Дмитрий Александрович!.. Прижму я вас и покорю!.. (Раздается звон колокольчика.) Ах, это, верно, Артемий Никитич! (Берет газету и садится на диван).

ЯВЛЕНИЕ II

Ольга Ивановна и лакей.

Лакей. Николай Федорович! Прикажете принять?

Ольга Ивановна. Я тебе приказала никого не принимать, кроме Артемия Никитича!..

Лакей. Я им сказывал-с, да меня можно, говорит, — я с новостями, говорит!

Ольга Ивановна. С новостями?.. С какими?..

Лакей. Не могу знать!

Ольга Ивановна. Верно пустяки, ...проси его!

Лакей. Слушаю-с...

Ольга Ивановна. Постой... воротись!

Лакей. Что прикажете-с?..

Ольга Ивановна. Что, Гришу отыскали?

Лакей. Никак нет-с!

Ольга Ивановна. Где он?.. Как вы об нем раньше не подумали?..

Лакей. Мы думали, что он здесь, у вас (Улыбается).

Ольга Ивановна. Что ты, дурак, смеешься!

Лакей. Ничего-с!.. Долго дожидаются-с...

Ольга Иванова. Кто?

Лакей. Николай Федорович.

Ольга Ивановна. Ах, да, я и забыла. Проси его.

Лакей. Слушаю-с! (Уходит с улыбкой).

ЯВЛЕНИЕ III

Николай Федорович входит на цыпочках. **Ольга Ивановна** читает газету и как будто его не замечает.

Николай Федорович. Мое вам почтение, Ольга Ивановна!

Ольга Ивановна. А, bonjour monsieur Nicolas! Прошу садитесь!

(Указывает на стул.)

Николай Федорович. Чем это вы заняты, Ольга Ивановна?

Ольга Ивановна. Я читаю «Домашнюю Беседу». Ее я всем прочим журналам предпочитаю. Здесь все о нравственности говорится; а других журналов и в руки нельзя брать...

Николай Федорович. Совершенно справедливо! Совестно даже их читать! Я их никогда не читаю!.. А вы слышали, Ольга Ивановна, что «Современник» запретили?

Ольга Ивановна. Как запретили?

Николай Федорович. Да так, больше его не будут издавать.

Ольга Ивановна. Не слыхала! (С любопытством.) А зачем?..

Николай Федорович. Говорят, что графиня Б... жаловалась Цензурному Комитету, и потому запретили его издавать.

Ольга Ивановна (радостно). Как! Неужели ее там в карикатурном виде выставили? Достаньте мне, пожалуйста, номер, в котором она выставлена. (С насмешкою.) И поделом ей: она ужасно горда!.. Знать никого не хочет.

Николай Федорович. Нет, ее там не выставляли, но она так была перепугана.

Ольга Ивановна. Перепугана?! Как перепугана?..

Николай Федорович. Да, перепугана, — и очечь даже!

Ольга Ивановна (с нетерпением). Да скажите поскорей? Как? Чем? И когда?

Николай Федорович. Вот извольте видеть как: с некоторого времени в «Современнике» начали помещать сцены из народной жизни... Как-то раз, одну из таких сцен прочла от скуки графиня Б... И что же? Как вы думаете?.. С нею чуть дурно не сделалось! Ей сделалось тошно, она занемогла и легла в постель, даже не [от]ужинавши...

Ольга Ивановна. Она слишком нервная барыня (Смеется) Ах, бедняжка!

Николай Федорович. В ту же ночь ей приснились русские мужики в лаптях, с огромными бородами, и это так продолжалось почти целый месяц... То ее мужики ловят, то за горло хватают ее, то платье на ней рвут, и Бог знает еще что... (Смеется). Она не могла вынести всего этого и решилась [по]жаловаться...

Ольга Ивановна. Вот что!.. (Смеется). Это очень забавно!.. Я сама так думаю, что «Современник» давно еще следовало запретить не потому, что графиня жаловалась, а потому, что журнал в самом деле не был *comme il faut*. Ни одного порядочного романа нельзя было найти в нем... Герои все были или студенты, или же простые чиновники; а героини — или гувернантки, или же дочери чиновников, даже и горничные попадались! Фи, это из рук вон. Проповедуют свободу женщин, да разве это хорошо?..

Николай Федорович. И я тоже говорю: разве это хорошо? По-моему, свободою должны пользоваться только вдовы, а девушки и замужние женщины должны знать приличие.

Ольга Ивановна. Именно так! Вдова совсем другое дело: она свободна, никому не принадлежит, но теперь и девушки, и замужние, черт знает, что не делают! Даже и по маскарадам шляются!.. *Fil!* Как это не *comme il faut!*..

Николай Федорович. Ах, кстати, я и забыл вам сказать, что вчера был великолепный маскарад!

Ольга Ивановна. Маскарад?! Где?

Николай Федорович. В дворянском собрании, и очень много было публики: нас было там четыре человека в компании: я, Федя, Костя и Дмитрий Александрович. Очень весело провели время, просто так и отгоняли от себя маски: приставали, как смола... Ей-Богу, даже надоели...

Ольга Ивановна. И Кокиев там был?

Николай Федорович (с удивлением). Да разве вы его знаете?.. (Переменив тон.) Он отличный малый, но очень скрытный! Настоящий Азияец! Впрочем, знает и дружбу... Он мне хороший друг, и потому мне одному только все свои тайны поверяет, — больше никому, никому! Так и вы его знаете?

Ольга Ивановна (в сторону.) Значит, он все знает!.. (В слух). Да, я его знала прежде; он часто ко мне ездил, но потом я ему отказала и не велела принимать.

Николай Федорович. Вот как!.. А я в воскресенье ему говорил об вас, и показывал вас ему в театре, но он уверял меня,

что не знает вас, что первый раз вас видит... Хе! Хе! Хе!.. Теперь я понимаю... Ха! Ха! Ха!.. Значит, совестно было ему сознаться.

Ольга Ивановна (в сторону). Неужели он ему ничего обо мне не говорил? Это очень благородно с его стороны... (В слух). Да, я его знавала прежде; он ко мне часто ездил и ухаживал за мною, но мне он не нравился, — очень стар был. А что его жена, молода? Хороша? Ведь он после женился?..

Николай Федорович (с удивлением). Кто?.. Он не женат! И какой же он старый?.. Вы, верно, ошибаетесь, — это не тот.

Ольга Ивановна. Как не тот!.. А как вы его назвали?

Николай Федорович. Кокиев!..

Ольга Ивановна. Кокиев! Ах, виновата! Ошиблась! Я знала Кобиева, а не Кокиева!

Николай Федорович. Ну, это другой, я и Кобиева знаю, — старик, с большими усами.

Ольга Ивановна (в сторону). Я соврала, чтоб его разуверить, а он уже пойдет теперь поддакивать. (В слух). Нет, без усов!

Николай Федорович. Ну, так верно после отрастил, а то я его знаю!.. Именно того самого, о котором вы говорите. Это не Кокиев! Кокиев... Кокиев — молодой человек, очень хорош собой, только, бедный, сильно влюблен!

Ольга Ивановна (с любопытством). В кого?

Николай Федорович. В Александру Павловну!

Ольга Ивановна. А кто такая эта Александра Павловна?

Николай Федорович (с гримасою). Очень хорошенькая дамочка, миленькая.

Ольга Ивановна (с досадою). Да кто она такая? Княгиня, графиня, баронесса или кто? Она должна же иметь какое-нибудь титло!

Николай Федорович. О нет! Она — жена одного отставного чиновника и плохого литератора Петра Ивановича Хвостова...

Ольга Ивановна. Только-то? (С презрением). Жена чиновника отставного, плохого литератора, какого-нибудь борзописца, и вдобавок madame Хвостова!.. Фи! Порядочный человек по этому одному не стал бы ее любить. (С презрением). Хвостова... Фи! (В сторону). Вот кто мне предпочтена!..

Николай Федорович. Вчера они вместе были в маскара-

---

¹ Титул. — И. Б.

де. Кокиев весь вечер от нее не отходил, все вдвоем ходили.

Ольга Ивановна. Она и по маскарадам шляется? Должно быть, она не *comme il faut!*..

Николай Федорович. Не *comme il faut!*.. Совершенно не *comme il faut!* Я видел даже, как они сидели в углу вдвоем и бессовестно целовались!.. Ей-Богу, видел!..

Ольга Ивановна (в сторону). Ах, как он врет! Не будь это я сама, он бы уверил меня. (В слух). Верю, верю! Значит, она его также любит?.. Они взаимно влюблены?

Николай Федорович. Какой любит?! Она всех так любит, кто только ей понравится. Она и меня очень любит, я даже могу ее отбить у него, если захочу. Но зачем? У меня и других много; не хочу огорчать Кокиева. Бог с ним, — пусть себе пользуется любовью, — он мой хороший приятель...

Ольга Ивановна. Отчего же не отбивать, если можете? Дружба дружбой, а это своим чередом... Но, верно, не можете, а только так говорите. Или разве имеете с ее стороны доказательство какое-нибудь?

Николай Федорович. Как не имею?! Ей-Богу, имею, Ольга Ивановна. Вчера, например, когда они сидели вместе, я подошел к ним, узнал ее и слегка ее этак с боку ущипнул, и она то же самое мне сделала, ущипнула, ей-Богу, правда! Ущипнула, да еще как!.. Просто...

Ольга Ивановна (в сторону). Ну, это из рук вон бессовестно врет! (В слух) Ущипнула?! Как это неприлично... фи!..

Николай Федорович. Досталось же ей сегодня, бедной!

Ольга Ивановна (с живостью). Как досталось?

Николай Федорович. Да так, просто: в нее наш Костя был сильно влюблен; но она и слышать об этом не хотела, а Костя с досады-то и решился отомстить ей...

Ольга Ивановна. Ну-с?

Николай Федорович. Вчера мы были у Кокиева, его не застали дома, но на столе нашли анонимное письмо женского почерка и сейчас же догадались, что это было от Александры Павловны...

Ольга Ивановна (в сторону). Это, верно, мое письмо! (В слух) Ну-с...

Николай Федорович. Костя схватил его и понес мужу. Бедный мой Петр Иваныч взбесился, и давай жену к допросу!.. Она как ни закирчалась, но муж и слышать не хотел! Запретил принимать у себя Кокиева, а жену запер на замок, как турчанку, ей-Богу, запер (хохочет).

Ольга Ивановна. И поделом ей! Так и следует! На что это

похоже, в самом деле? Замужняя женщина забывает долги, приличие света, влюбляется, да еще в азиатца! Фи! Свет совсем испортился!.. (Зевает).

Николай Федорович. Испортился, Ольга Ивановна, ей-Богу, испортился!.. Однако уж мне пора! Я у вас долго засиделся, — мне нужно в кое-какие семейства заехать... Прощайте!..

ЯВЛЕНИЕ IV

Ольга Ивановна одна, потом Гриша.

Ольга Ивановна (расхаживает медленно). Все, что этот дурак говорил, если это хоть на четверть правда, то значит и судьба мне помогает; пойду интриговать его! (Зевает) Вчера очень мало спала! Что же Артемий Никитич нейдет так долго? Он обещал сегодня быть у меня. (Входит в спальню и вдруг вскрикивает.) Это что такое — ты здесь! А? Что я вижу! (Выводит за уши Гришу.) Ах ты, пострел!.. Тебя ищут, я целый день беспокоюсь, думаю Бог знает что, — а ты здесь в спальне спишь себе спокойно!..

Гриша (плаксивым тоном). Вы сами мне приказали не пачкаться в лакейской!..

Ольга Ивановна. Да, но я не приказывала тебе целый день пропадать и спать здесь!..

Гриша. Я был болен.

Ольга Ивановна (испугавшись). Болен?! Что с тобой?

Гриша. Голова болит и слабость чувствую после вчерашнего!..

Ольга Ивановна. Что ты! Поди сюда ко мне, покажи голову... (Прикладывает руку ко лбу). Жару нет! Высунь-ка язык!.. Нет, ничего!.. Надо послать за доктором, — все-таки он даст лекарство от слабости, — это необходимо! А ты сам ничего не говоришь до сих пор!..

Гриша. Я выспался и теперь ничего не болит... Все прошло!..

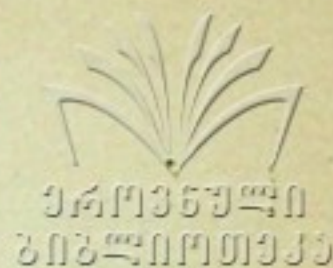
Ольга Ивановна. Прошло? Ну, слава Богу! Гриша, береги себя, опять повторяю: ты знаешь, что, кроме меня, никого ты не имеешь, — ты сирота... (гладит по голове).

Гриша (расчувствовавшись). Чувствую, барыня! Знаю... (Целует руку. Раздается звонок).

Ольга Ивановна. Ах, это верно Артемий Никитич!.. Гриша, ступай в спальню! (Гриша уходит; она садится серьезно).

ЯВЛЕНИЕ V

Ольга Ивановна и Артемий Никитич (входит.)

Артемий Никитич. Здравья желим! (Кланяется всем корпусом).

Ольга Ивановна. Здравствуйте, Артемий Никитич! Прошу садиться! Как ваше здоровье?..

Артемий Никитич. Благодарим пукурно! Слава Богу, живом пунимногу.

Ольга Ивановна. Что нового скажете, Артемий Никитич?

Артемий Никитич. На свите ничего няту новых, всо старий. (Долгое молчание. В сторону.) Жалька, что я не франт-человек; француски-мранцуски не знаим. С таким большой госпожа нада все француцкий говорит; ва! Тогда можно било сахарны разговор начинал!.. Попробуим по-нашиму, по-тифлисскому. (Кашляет, вслух.) Сегодня отлична пагода, Ольга Ивановна, как ви думаете, а?..

Ольга Ивановна. Что вы говорите, Артемий Никитич?..

Артемий Никитич (опять кашляет). Сегодня стличны погода...

Ольга Ивановна. Что вы, шутите, Артемий Никитич!.. Какая отличная?! Дождь ливнем льет..

Артемий Никитич (сконфузившись смотрит в окошко. В сторону). Ва! Что я зделил, видно здесь по-тифлисскому не годица... (Вслух.) Ва! Так скоро дождь пошооол? Давича солнце бильо!

Ольга Ивановна (удерживая смех). Что вы говорите! Сегодня целый день дождь идет, еще с самого утра. (Хочет.) Вы просто шутите...

Артемий Никитич (тоже хохочет). Я вас расмешил хотел, да этит штук видумаль! Ха, ха, ха!

Ольга Ивановна (удерживая смех). Право, вы шутник, Артемий Никитич!

Артемий Никитич. Что делить! Энт свет такой, нада смеяться. Если плакаать, никто ничего ни даст; луче смеяться.

Ольга Ивановна. Разумеется, лучше, но не у всякого такой характер, как у вас.

Артемий Никитич (вздыхает). Ех, я тожи много горе-море видал, да не умер, слова Богу. (Молчание.) Правда, [в] России очень гадки климат!

Ольга Ивановна. Конечно, не такой, как у вас.

Артемий Никитич (в сторону). А-а, теперь по-нашему,

по-тифлисскому вишло. (Кашляет. Вслух.) Ва! Какой-такой?! У нас, когда утром солнце, — через минут дожд не будит, а когда дожд, сонца ни будит. Один месяц только есть у нас, немношка капризны месяц — март месяц... (Смеется.) Очень похож на женщина...

Ольга Ивановна (смеется). Вы на нас нападаете, Артемий Никитич, — мы не все такие непостоянные.

Артемий Никитич. Кто гаварит, что ви? Например, ви! Кто скажит, непостоянны...

Ольга Ивановна. Вы все шутите. Шутки в сторону, а скажите лучше, как наше дело?

Артемий Никитич. Ни сависем харашо.

Ольга Ивановна. Как?.. Что он говорит? (Встает и в волнении ходит взад и вперед.)

Артемий Никитич. Он гаварит, что он вас очен лубит, но женится ни хочит, я, гаварит, молод...

Ольга Ивановна. Значит, он меня не любит, когда замуж не берет!

Артемий Никитич (в сторону). Я думаю! (Вслух.) Ва! Как не лубит? Разве мущина можит вас не лубить! Пасматрите зеркало: ви такой красавица, настоячи царица [...] Ва! (Указывает на нее рукою.) Пасматрите, вы как хороши спереди, а сзади да еще луче!.. Разве можна вас не лубить?..

Ольга Ивановна (с самодовольною улыбкою). Полноте шутить, Артемий Никитич. Я серьезно с вами говорю, а вы все шутите.

Артемий Никитич. Ва! Ей-Бог, не шучу. (Молчание. Кашляет.) Ольга Ивановна, бросимте этот сумашедши грузин! Для вас у меня есть очень хороши мущина.

Ольга Ивановна (с досадою). Благодарю! Об других я, кажется, вас не просила.

Артемий Никитич. Ви не знайте, энт что за мущина!

Ольга Ивановна. И знать не желаю.

Артемий Никитич. Богаты князь, храбры. Егора¹ имеют.

Ольга Ивановна (рассеяннo). Так что же?

Артемий Никитич. Сам большой, один сажень будит!

Ольга Ивановна. Ну что же?

Артемий Никитич. Плечи такой широки... (Показывает рукою.)

Ольга Ивановна. Ну что же?

Артемий Никитич. Глаза черны таки больши, как на быку!

---

¹ Георгиевский крест. — И. Б.

Ольга Ивановна. Так что же?

Артемий Никитич. Барада до сих пор, усы такие, — ва!

Ольга Ивановна. Ну, так что же из этого?

Артемий Никитич (с досадою). Ну так что же? Ну так что же? Так что же! Да нада лубит такой красивы мущина... ва!

Ольга Ивановна (вдруг рассердившись). Что вы, Артемий Никитич, разгорячились? Я и слышать ни о ком другом не хочу! Вы взялись за одно дело, и я вам обещала пять тысяч, — можете устроить, так я дам еще пять тысяч, а нет, — так прошу не беспокоить меня. (Кланяется и уходит).

ЯВЛЕНИЕ VI

Артемий Никитич. Ва, сумашечи женщин! Чиго она сердится, — разве его чаловек, што ли? (Задумывается.) У женщина в сердце ум: другой не хочит. Ва, как-буто всяки мущина ни есть мущина!.. (Встает.) Однако же она мне обещал 10 тысяч; поидем, попробуим уговорить энт сумашечи грузин... Тогда у меня... У! Сколько деньги будит! Здесь лавки открою, в Москве две лавки будут; будим торговайть. Через год 30 тысяч будит... Через два 300 тысяч будит, а через пять год — миллион будит. У! У!.. миллион будит... Тогда всем нашим купцам: московским, маздокским да тифлиским армянам, — все от зависти глаза лопнут. (Расхаживает важно.) Надену по утрам китайски халат. Ко мне министр на визит придот, руку даст, скажет: как поживаешь, Артемий Никитич!.. а я... (Представляет.) Благодарим пукурно, садитесь, пажалуста, не угодно ли цигару. У! Какой я тогда большой человек буду. Вечером тятр поедим, все балеты будем смотреть. Тогда все женщины скажут (дразнит), какой душка Артемий Никитич, красавица; а теперь знать не хотят... Тогда и я знать не хотим; знаим ми вас, скажим... (Улыбается.) Нада стараться, пойду уговорим энт сумашечи грузин. (Уходит).

СЦЕНА II

Со вкусом мебелированная комната

ЯВЛЕНИЕ I

Кокнев (перебирая все на столе). Нет его!.. И здесь нет!.. И тут нет! (Выдвигая ящик.) И здесь тоже

нет! (Смотрит под столом.) Не видать его! (В раздумии окидывая комнату взором.) Куда я его мог положить?! Мне помнится, что вчера я его здесь положил; именно на этом самом месте! (Бьет кулаком об стол.) Может быть, Алексей спрятал; надо его спросить. (Звонит).

ЯВЛЕНИЕ II

Алексей. Что прикажете, ваше сиятельство!

Кокнев (озабоченно). Алексей, не знаешь ли, куда девалось письмо?

Алексей. Какое письмо-с?

Кокнев. Что вчера получил; я его тут положил.

Алексей. Не могу знать-с... (Пожимает плечами.) Не изволили положить в шкатулку?

Кокнев. Не помню! А может быть! Поди, принеси мне ее! (Алексей приносит.) И ключ дай. (Подает.) Ну, теперь можешь уйти!

Алексей. Слушаюсь. (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ III

Кокнев (роется в шкатулке и перебирает поодиночке письма). Это не то! И это не то!.. Все нет! Нет! Нет! А вот это?.. Пстой-ка, посмотрю! (Берет одно письмо и раскрывает.) Ах, нет, это тоже не то; но одной с ним типографии. (Читает и улыбается.) Душка! (С жаром целует его.) Это от Александры Павловны; его надо получше спрятать. (Прячет его и опять перебирает другие.) Вот это тоже от Александры Павловны! (Читает и улыбается.) Здесь она грозитя, что мне уши подерет; и в самом деле она это исполнила... (Смеется.) Но уверяю вас, что это было гораздо приятнее, чем [неразб] поцелуев тысячи других красавиц! Она везде подписывается «Саша», а вчера не подписалась, да и почерк не был похож!.. Это странно. (Звонят.) Ах, черт их подери... Я забыл сказать, чтобы никого не принимали... (Поспешно запирает шкатулку и прячет ее под диван. В передней раздаются голоса. Поют фалишон).

ЯВЛЕНИЕ IV

Кокнев, потом Коля, Федя и Костя подбегают к нему, поют фалишон и канканируют.

Коля. Здравствуй, голубчик!

Федя. Вонjug, душечка!..

Костя. Здравствуй, топ cher.

Кокнев. Здравствуйте, господа! (Подает им руку.) Что вы, как сумасшедшие, забежали ко мне. Хорошо, что теперь у меня никого нет...

Федя. Ну так что же, если б даже и был кто-нибудь...

Кокнев. Как, что же? Что бы они об вас подумали?

Федя. Пустяки!..

Коля. Ничего бы не подумали.

Костя. Да нынче всякий мало-мальски развитой человек и поет и танцует фалишоны. Ну, едем, что ли?..

Кокнев (с удивлением). Куда?

Коля. Как куда?.. К Излеру!

Кокнев. К Излеру?! Что вы это вздумали?

Федя. Мы все там будем, нам там randevу назначен. Там будут Берта, Саша, Амалия и Ольга, — ты ее не знаешь, она недавно приехала из Ярославля. Ну, знаешь, брат, какая она штука! Ну просто... (целует кончики своих пальцев) бамбошка! Едем! Мы тебя с нею познакомим!..

Кокнев. Нет! На что она мне? Бог с нею! Я и прежних не знаю.

Все вместе. Ну, полно, Дмитрий, отговариваться! Ну, душка, поедem! Ведь у тебя тоже там randevу?..

Кокнев. Что вы говорите! Кто вам это сказал?

Все. Ну, полно притворяться и скромничать! Признайся, что вчера в маскараде тебе тоже назначили randevу.

Кокнев. Да уверяю вас, что нет!

Все (пристают). Ну, нет. Сознайся! Сознайся! Сознайся, Дмитрий! Знаем мы.

Кокнев. Что вы так пристааете? Если вы хотите, чтобы я непременно сказал «да», так извольте, скажу.

Все. Ну, вот, браво! (Аплодируют.) Так едем, конечно, решено!

Кокнев. Да что я там буду делать?

Коля. Как что?! Будем кутить, например.

Кокнев. Но ведь я не пью! Значит, я буду лишний...

Костя. Нет, не лишний. Ты будешь смотреть, как мы кутим. Там ведь и Ольга новая будет...

Все. Ну, решайся! Пожалуйста! Голубчик! (Целуют его.) Душечка, едем! Там и Ольга будет! (Умоляют.)

Кокнев (вырывается из их объятий). Хорошо! Хорошо! Еду! Еду!

Все. Едешь? Едем! Bravo!.. (Аплодируют, поют фальшон и канканируют.) Так едем, скорее!

Кокнев. Садитесь покуда! До вечера еще много времени...

Федя. Нет, сейчас надо ехать! Мы нарочно к тебе заехали, коляски на дворе нас дожидаются. Едем! (Тащут его).

Кокнев (с удивлением). Ну, так дайте мне срок, пять минут, покуда оденусь! Нельзя же так ехать! А вы посидите тут... (Уходя.) Черт их подери! Надо ехать! Кстати, я заеду в Лесной [Лесную] нанять дачу. И Александра Павловна всегда там живет...

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, кроме Кокнева.

Костя (с досадою). Посмотрите! Что в нем хорошего. Он и ходить не умеет порядочно, — а ведь все влюбляются.

Федя. Тише, он может [у]слышать.

Костя. Пусть себе слышит.

Коля. Плохо тебе будет.

Костя. Это мы посмотрим. Рассерди только он меня, и я его сам вызову на дуэль.

Коля. Полно при нас горячиться, а небось при нем замолчал раз: помнишь, когда он тебя раз вытолкал из гостиницы? Он скромн, но и не тронь его. Шутить не любит!

Костя. Но это было тогда, а теперь я его не боюсь!.. Нет, я ему и в лицо скажу, что я его не боюсь!..

Коля. Бояться нечего, но я думал, что ты струсил. А теперь я вижу, что ты даже сам готов...

Костя (зажимает ему рукою рот). Цс! Тише! Кажется, он идет!..

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Кокнев.

Кокнев. Я готов!

Все. Ну, так едем! (Встают).

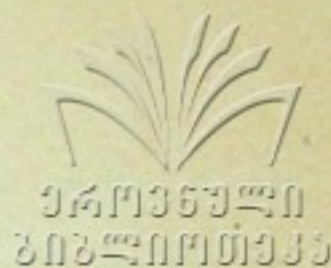
Кокнев. Только с условием: там я на несколько часов расстанусь с вами.

Все. Ну хорошо! Только знаешь что: мы забыли бумажник, и не можешь ли нам одолжить целковых 50, а [в] другой раз и ты [с] можешь от нас получить; да и что за счета между нами, — между друзьями!..

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, и Алексей (входит).

Алексей. Ваше сиятельство! Хозяин желает с вами видеться.

Кокнев. Проси!

Алексей. Наедине хочет поговорить с вами.

Кокнев. Хорошо! (Алексей уходит.) Господа, поезжайте вы, а я после к вам приеду.

Коля. Честное слово?

Кокнев. Я своих слов на две категории не разделяю!.. Сказал, что приеду, — и буду!

Все. Хорошо! Хорошо! Мы там будем тебя ждать (Поют фалишон, и, канканируя, удаляются).

ЯВЛЕНИЕ VIII

Кокнев (долго смотрит им вслед, в раздумии). Если богатство и знатность не могут ужиться с личными качествами человека, то будь они прокляты. Вот будущие представители известного класса! Но что они? Какова цель их жизни? Желал бы я знать: кого-нибудь из них занимало ли, хоть когда-либо, слово «будущность»?.. Нет! (Ходит медленно.) А как жалко и страшно жить только настоящим!.. Муравьи и те заготавливают себе на зиму корм; белки закапывают в землю орехи, прячут их в норы, хоть и инстинктивно, — значит и они думают о будущем... А человечество в лице их неужели до того дошло, что ниже белки и муравья?

ЯВЛЕНИЕ IX

Кокнев и Гусин (входит).

Гусин (вежливо). Наше вам почтение, ваше сиятельство! (С чувством жмет его руку обеими руками).

Кокнев. Прошу садиться! Что скажете нового?

Гусин. Я к вам на минуточку-с, ваше сиятельство! Кажется, вы на дачу изволите переезжать?

Кокнев. Да, я намерен.

Гусин. И надолго-с?

Кокнев. Не знаю! Может быть, на один, может быть, на два месяца, а, быть может, и больше. Как придется!

Гусин. А квартиру за вами прикажете оставить? Если вам

не угодно будет, то я имею охотников на нее-с. Они даже цену за наем прибавляют.

Кокнев. Я хотел оставить за собою, но когда так, — извольте, я совсем перееду.

Гусин. Нет, ваше сиятельство! Я другого жильца не желаю! Лучше вы извольте остаться!.. Бог с их лишними деньгами. Я вас от души уважаю, ваше сиятельство...

Кокнев. Благодарю вас! Но тут совсем другое дело, тут расчет и выгода; кто больше даст, тому и отдайте. К тому же, у нас и контракта нет. Лучше я перееду.

Гусин (с беспокойством). Зачем изволите переезжать? Они мне еще и задатка не давали, а, может быть, что и совсем раздумают... Пусть за вами остается!..

Кокнев. Хорошо-с. Я перееду только на лето.

Гусин. В таком случае, позвольте вас побеспокоить насчет денег-с: нужно будет теперь же заготовить дровами на целую зиму, чтоб вам же тепло было...

Кокнев. Хорошо! Завтра получите. А теперь пора, до свидания.

ДЕЙСТВИЕ 2-ое

СЦЕНА I

Комната довольно большая, мебель простая

ЯВЛЕНИЕ 1

Алексей (обтирает мебель). Что это с барином случилось?.. С тех пор, как это проклятое письмо получил, окончательно переменялся: запирается по целым дням в комнате и никого не принимает. Слава Богу, теперь только удалился на одну секунду. Хотел я пригласить к себе Марью Николаевну, да нельзя — целый день он дома. Эх, эх, эх!.. Завидно, кажется, барское житье, да не совсем. У них горя еще больше нашего... Странны эти господа! Иногда глупее нас, ей-Богу. Мы хоть люди и маленькие, не ученые, да такой глупости не сделаем; например, они сами в городе живут, а барыни их здесь гуляют. Как хотите, воля ваша, а я бы не отпустил свою жену жить одну на даче... (Кокнев входит).

ЯВЛЕНИЕ II

Кокнев и Алексей.

Кокнев. Самовар поставил?

Алексей. Нет еще-с! Рано-с!

Кокнев. Какой рано! Семь часов.

Алексей. Прикажете ставить?

Кокнев. Поставь; а молоко есть?

Алексей. Нет-с.

Кокнев. Так поди и купи; на тебе деньги! Только цельного, слышишь!..

Алексей. Слушаюсь! (Удаляется).

ЯВЛЕНИЕ III

Кокнев (вынимает письмо из кармана, читает и потом говорит). Никак не могу понять, что все это значит! Это только женщина в состоянии сделать: любить так сильно, и, потом, в одно прекрасное утро, без всякой причины вдруг разлюбить... Что я сделал такое; чем ее обидел? Кажется, ничем! Просит, чтобы я избегал даже встречи с нею, и не кланялся... Ну, что же! Бог с нею! Хоть и тяжело, да исполню ее желание. Она даже почерк переменяла. Это письмо очень похоже на то, которое она перед маскарадом писала. Значит, у женщин два почерка: когда любят — один, а когда перестают любить — другой. Право, я в недоумении; хотел все это узнать, поехал раз к ней, — она меня не приняла. Другой раз — не застал, — говорят они уехали на лето в губернию! Чудеса да и только! Не понимаю! (Кричит.) Алексей! Алексей! А, Алексей!..

ЯВЛЕНИЕ IV

Кокнев и Алексей (входит).

Алексей. Что прикажете, ваше сиятельство?

Кокнев. Был кто-нибудь сегодня у меня?

Алексей. Были, да не принял. Артемий Никитич три раза был; говорит, прямо к вам приехал. Через час опять будет. Прикажете его принять?

Кокнев. Нет, не надо!.. Впрочем, прими его... (Алексей уходит).

ЯВЛЕНИЕ V

Кокнев один.

УДК 82.09

Кокнев. Надоел этот [...] армянин... У меня и без того в душе ад, а он тут лезет с предложением. Нельзя никак укрыться [...] Пойдите, надо с ним такую штуку сыграть, чтоб он мне и носу никогда не показывал. (Звонит).

ЯВЛЕНИЕ VI

Кокнев и Алексей (входит)

Кокнев. Алексей, где мой пистолет?

Алексей. У вас в спальне, ваше сиятельство.

Кокнев. Когда я потребую, ты принеси мне его скорее.

Алексей. Слушаю-с...

Кокнев. Одним словом, что ни скажу, — делай все...

Алексей. Слушаю-с! Больше ничего не прикажетс?

Кокнев. Нет! Да, пожалуйста, не давай свежего молока. (Алексей уходит.) Вымещу на нем всю мою досаду. (Звонок. Смеется.) Это должно быть он.

ЯВЛЕНИЕ VII

Кокнев и Артемий Никитич (входит).

Артемий Никитич (весело). А-а-а-а, ваше сиятельство, князь, мое почтение! Куда вы переехали, давно вас не видал! Как поживаете?..

Кокнев. Слава Богу, Артемий Никитич! Прошу садиться.

Артемий Никитич (садится). Ва, какой хороши дачи у вас, все хорошо, князь, ей-Бог, маладец, ваше сиятельство! Одно только нету (Смеется.) Вы такой красивы, маладец мужина, а жена нет; нада, князь, жениться.

Кокнев (смеется). Я еще молод, Артемий Никитич!

Артемий Никитич. Ва! Когда молод, тогда нада для себя жениться, а старику зачем? Старик никогда для себя не женится...

Кокнев. Трудно жениться! Где же я найду невесту?

Артемий Никитич. Ва, как трудно! Женитесь на Ольга Ивановна, — она вас очень лубит, богата, красавица, учени, французки-мранцуцки, — все знают! Что еще нада?..

Кокнев. Этого недостаточно.

Артемий Никитич. Ах, как она танцует, князь!..

Кокнев. Этого все мало...

Артемий Никитич. Как она на фортопьян играет! **Ва!**
(Подражает.) Трам, трам, та, та-тру!

Кокнев. Мало.

Артемий Никитич. Вах, как поет! Как настоящи тифлиски салавей!..

Кокнев. И этого мало! Все мало, Артемий Никитич!

Артемий Никитич. Ва, как мальо, что больший еще нада?

Кокнев. Надо влюбиться.

Артемий Никитич. Влубитса? (Громко.) Нет, князь, деньги нада! Деньги! Деньги есть — любить успеешь. Вах, грузин никагда не знаит, что значат деньги!..

Кокнев. А что значит?

Артемий Никитич. Что значит?.. Деньги — это большой царь и малинки Бог. Когда деньги есть, тагда все есть: ты и князь, и ум есть, и честь есть... Деньги няту — ничего няту. (Переменяя тон.) Князь, я вас лублю; для ваас, ей-Бог, всо готов зделать, — как отец скажу... Женитесь на Ольга Ивановна...

Кокнев. Но я ее не люблю, а так жениться будет бесчестно.

Артемий Никитич. Князь! Что такой честь? Я тоже так говорил, когда жизни не знал, и копеек не было, и честным никто не звал: теперь, слава Богу, деньги да есть, и честным да называют. (Вынимает деньги и показывает).

Кокнев. Оставим все это, пожалуйста. Лучше поговорим о другом: я имею к вам просьбу, не можете ли мне одолжить денег?..

Артемий Никитич. Ей-Бог, у меня нету, князь...

Кокнев. Как нет! Вы сейчас их мне показали...

Артемий Никитич (в сторону). Ва, что я зделил!
(Вслух.) Эти, ей-Бог, не мой.

Кокнев. Нечего отпираться, пожалуйста, давайте их...

Артемий Никитич. Не могу, князь, ей-Бог, не могу!..

Кокнев. Давайте сами, а то все равно, я их отниму...

Артемий Никитич. Ва! Как отнимешь! Грабить хочешь, что ли?..

Кокнев. Это мы знаем. Дай! Лучше для тебя!

Артемий Никитич. Ва! Ни дам, ой, деньги; насильно разви можна?..

Кокнев. А нельзя, так посмотрим!.. (Кричит.) Эй, Алексей!..

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, и Алексей.

Кокнев. Алексей, где мой пистолет?

Алексей. У вас, ваше сиятельство!

Кокнев. Принеси мне его.

Артемий Никитич. Ва! Зачем теперь пистолет? (Пугается).

Кокнев. Заряжен?

Алексей. Заряжен, ваше сиятельство!

Кокнев. Запри двери!.. Ну, Артемий Никитич, прсщайся теперь с жизнью и вынимай-ка деньги!

Артемий Никитич (встает и становится посреди комнаты, принимая геройскую позу). Ва! Убьешь! Разве я цифленок што ли? Я, да, мущина, у меня, да, усы есть! Убьешь?! У меня рук нет, што ли! Ва!..

Кокнев. А! Ты и защищаться вздумал! Хорошо! (Подходит к нему и приставляет к лицу пистолет).

Артемий Никитич (пугается и, бледнея, закрывает лицо обеими руками). Ва! Что вы делит! Буду жаловать полицию...

Кокнев. Разве там чертям будешь жаловаться, а здесь тебя не спасут! Ну! (Поднимает курок).

Артемий Никитич (кричит). Помогите! Караул! Караул! Караул!

Кокнев. Что ты кричишь! Здесь дача, никто тебя не услышит!.. Да, впрочем, не стоит в него стрелять, лучше задушить его... Алексей, принеси веревку!

Алексей (приносит). Готова-с!..

Кокнев. Ну-ка, возьми его за ноги, да надень на шею веревку! Живо!..

Артемий Никитич. Ва, князь, вазьми денги! Пожалуста, не убей меня... (Плачет и целует колени его).

Кокнев (хохочет). Ха! Ха! Ха! Вставайте, Артемий Никитич! Я пошутил с вами! Ха! Ха! Ха!

Артемий Никитич (бледный встает, в сторону). Ва, сумашечи грузин! Палавина человек испортил! (Вслух, стараясь вдруг засмеяться.) Князь, я знал, что знт был штука. Я сам таки штуки зделил... вас хател смешить... (Хочет.) Ва, харошу я штукил?

Кокнев (смеется). Это хорошо, особенно на даче, ап-

петит прибавляется! Алексей, подай нам чаю! Садитесь, Артемий Никитич, вы устали.

Артемий Никитич (садясь, в сторону). Грузин да сумашечи, его штука да сумашечи! Глотка обсохла, чай-нада пить! (В слух.) Прикажи скорее чай, пожалуйста...

Кокнев. Сейчас подадут. Как вы себя чувствуете?

Артемий Никитич. Много шутил! Галова болит!

Кокнев. После такой шутки это всегда так.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, и Алексей подает чай.

(Они выпивают его молча)

Кокнев. Вы очень скоро выпили, Артемий Никитич.

Артемий Никитич. Очень хороши чай, князь!

Кокнев. Да, хороший, а вкуса не было особенного? Вы ничего не чувствуете?

Артемий Никитич. Нет! Хороши чай!

Кокнев (вопросительно). Что это значит? Алексей, ты не всыпал в его стакан?..

Алексей (удивленный). Чего-с?!

Кокнев. Как что! То, что я приказал... (Алексей смотрит, выпучив глаза.) Да, мышьяку?..

Алексей (опомнившись). Мышьяку-с?.. Высыпал-с!..

Кокнев. И много?

Алексей. Два порошка-с.

Кокнев. Ну, это довольно, ...даже много.

Артемий Никитич (с удивлением). Ва, как мышьяк? Что энт такой?..

Кокнев. Ничего! Это яд... Я велел положить его в ваш стакан.

Артемий Никитич (испуганный). Шутишь?..

Кокнев (серьезно). Нет, не шучу! Застрелить тебя, или задушить — не стоит хлопот, а теперь лучше! ...Ты должен через несколько минут умереть!

Артемий Никитич (вскакивая в испуге). Ва, нет, князь... Скажи, что шутишь! Пожалуста, скажи!

Кокнев. Если ты не чувствуешь, так, пожалуйста, скажу.

Артемий Никитич (прислушивается, хочет приложить ухо). Ва... кричит! Ей-Бог, кричит. Правда болит. ...Ва! (Жалобно.) Отравил, отравил! (Хватается за живот и мечется по сторонам.) Человек, пожалуста, при-

неси молока! Копейк нада?.. (Алексей не трогается с места.) Два... три... пять... ва! Принеси, пожалуста! (Умоляет.) У тебя Бога няту.

Кокнев. Во-первых, нечего тут копейку подавать, когда и без того все твои деньги наши будут; а, во-вторых, молоко не поможет. Но, впрочем, подай ему, Алексей, — исполни предсмертное желание его. (Алексей приносит и ставит на стол горшок с молоком).

Артемий Никитич. Подай, пожалуста, скорей! (Бросается к сосуду и пьет из него, но обжигается, роняет сосуд на пол и кричит.) Ва! И молоко, да, сумашечи!..

Кокнев (хохочет). Bravo! Артемий Никитич, bravo! Это вы хорошо сыграли; ведь это все шутка, вас никто и не думал отравлять!.. У вас аппетит усилится к ужину... Ха! Ха! Ха! Пойду гулять! Теперь отдохните, я сейчас приду, — пройдуь только. (Уходит).

Артемий Никитич (бессмысленно глядит на него). Ва... Какой аппетит! У меня желудок испортил! (Стоит долго молча.) Как грузин сумашечи, так и его штук сумашечи...

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, кроме Кокнева.

Артемий Никитич. Человек, как ты можешь жить таким сумашечи человеком?

Алексей. Чем же-с? ...Они хороший барин-с.

Артемий Никитич. Какой хороши! ...Ты видал, какой штуки со мной зделил. Палавина человек спортил...

Алексей. Они с вами пошутить изволили.

Артемий Никитич. Ва! Разве с пистолет шутить можно? Один трах зделать, — да прощай Артемий Никитич!..

Алексей (смеясь). И теперь очень испугались?

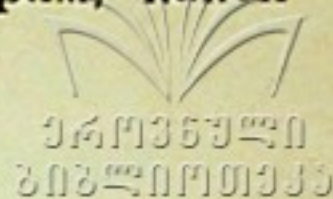
Артемий Никитич. Ва, как не испугал! Пять минут желудок сгорит. (Собирается уходить).

Алексей. Куда, Артемий Никитич? Дилижанс давно отправился.

Артемий Никитич. Отправился? Так возьми мне, пожалуста, извощик... дошово, пожалуста! (Алексей уходит.) Нада уехать, ночью, чтоб штука не зделил! Ва, какой он шту-

ки зделил!.. Посмотрим теперь, и мы, да, штуки зделим! (С угрозой.) Наши штуки ему зделим [...] Посмотрим, какой луче!

ДЕЙСТВИЕ 3-е

(Через 8 месяцев)

СЦЕНА I

Комната у Кокиева

ЯВЛЕНИЕ I

Алексей, и потом Кокиев.

Алексей (чистит пистолет). Вот вам и Юрьев день!.. Молодцы мы, — нечего сказать! Позаложили все, что только имеем, а теперь, заложить нечего... Одного платья сколько позаложили, и все за пустяки... Благо, давали бы еще хоть десятую часть, — нет! Платье стоит сто рублей, а под заклад дают только десять или пять... Эх, эх, эх! Если бы он не был хороший барин, я бы его давно оставил; да жалко его, — и без того он горюет. А сам виноват! Что за беда, что у него денег чет! Доставай! В том-то и вся штука!.. Я прежде его брату служил... И тот бывал без денег; случалось, когда в карты проигрывал, или во что-нибудь другое, — но сейчас же доставал и ничего не закладывал... (Молчание.) Скажет, бывало: ну-ка, Алексей, поди-ка, достань мне денег!.. А я: Слушаюсь, ваше сиятельство, скажу, и пойду, бывало, к той, которая к нему равнодушна; а таких было много... Сначала, бывало, заиграюсь с горнишными и засижусь в кухне, — пока барыня зачем-нибудь не выйдет туда к нам. А уж, как увидит меня и спросит, бывало: (дразняя ее) Здравствуй, Алексей!.. Что князь делает, здоровы ли? Что нас забыли? А я: Болен-с, нездоровы-с, говорю; и сам улыбаюсь... А она, о, женщины хитры, сейчас и смекнет, в чем дело, — позовет к себе, бывало, и даст целкачей сто, двести и даже больше, и просит, чтобы я не говорил ему, от кого... Хе, хе, хе! (Смеется.) Да! Мы делывали штуки!.. А этот? Этот скорей того мог бы сделать все это, да не хочет... Ну, не хочет, так воля его... Сиди и кряхти себе, коли так нравится... А хорошо вычистил!.. (Поворачивает пистолет.) Кажется, мы и его скоро заложим. А славная штука! (Кокиев входит, грустен и задумчив).

ЯВЛЕНИЕ II

Кокнев и Алексей.

Кокнев (берет у него пистолет и рассматривает). Ничего! Ты его порядочно вычистил...

Алексей. Не прикажете ли заложить его?..

Кокнев. Нет, ни за какие блага! Лучше я с жизнью расстанусь! Он мне на память подарен. (Снимает с себя сюртук.) На, возьми его!

Алексей. Прикажете заложить?

Кокнев. Дурак! Как заложить! В чем же тогда останусь, в рубашке что ли?

Алексей. Сегодня нам нечего есть-с!

Кокнев (с удивлением). Как нечего?!

Алексей. Хозяин больше не хочет давать!

Кокнев. Это что за новости! Как не дает! Проси его сюда, ко мне...

Алексей. Я говорил, да он нейдет...

Кокнев. А что он сказал?

Алексей. Эк, важная птица, говорит, твой барин, может, говорит, и сам придет...

Кокнев. Должно быть, он пьян был.

Алексей. Не могу знать-с!..

Кокнев. Так проси же его!

Алексей. Слушаю-с! (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ III

Кокнев один.

Кокнев (ложится на диван, берет книгу, начинает читать, но тотчас же бросает ее). Черт побери! Не лезет в голову... Как будто деньги и рассудок отнимают у человека!.. Читаю, — и все ничего не понимаю... Третий день, как и уснуть не могу... Чувствую жар, голова болит, в костях ломота... (Встает.) И что со мной сделали!.. Зарезали меня, окончательно зарезали! Шестой месяц, как денег не высылают. Хоть бы предупредили меня, что больше не будут высылать: тогда я знал бы, и жил поскромнее, и не рассчитывал бы, что завтра получу... завтра! А то рассчитываешь на это завтра, и Бог знает, как путаешься!.. Да и трудно ли тут запутаться?.. Стоит только задолжать немного, а там уж пойдет и пойдет путаница!.. Долги за долгами, долги за долга-

ми: смотришь, а тут уже и профертился!.. И вот я столько времени сижу здесь, как арестант, и при всем моем сильном желании до сих пор не могу уехать в Грузию!.. (Алексей входит).

314135340
3084010133

ЯВЛЕНИЕ IV

Алексей и Кокнев.

Алексей. Хозяин сейчас будет!

Кокнев. Хорошо!.. Подай мне сюртук! (Надевает).

Алексей. Приходил портной к вам.

Кокнев. Что же?

Алексей. Сказал, что завтра...

Кокнев. Завтра?.. А завтра что нам с ним делать?..

Алексей. Прикажете его в шею?

Кокнев (с упреком). Алексей, будь хоть раз человеком... Мы же ему должны да еще его же и в шею!..

Алексей. Он может ждать-с; нынче все так делают... Кредит тоже деньги-с!

Кокнев. Мало ли что другие делают!

Алексей. Так как же прикажете?

Кокнев. Попроси, чтоб подождал немного.

Алексей. Слушаю-с! Артемий Никитич тоже приходил к вам.

Кокнев. Артемий Никитич?.. Ах, этот [...] всегда перед каким-нибудь несчастьем ко мне приходит... (Алексей уходит).

ЯВЛЕНИЕ V

Кокнев и Гусин.

Гусин (сухо кланяется. Полунасмешливо). Ваше сиятельство! Как ваши обстоятельства? Что прикажете?

Кокнев. Скажите, пожалуйста, правда, что Алексей мой говорит?..

Гусин. Не знаю-с... А что он говорит?

Кокнев. Что вы не хотите мне давать обеда!

Гусин. Да, правда-с.

Кокнев. Что это значит?

Гусин. А то, что не могу вам больше доверять... Вы не платите!

Кокнев. Но отчего же до сих пор не сказали?

Гусин. Все равно-с, теперь узнаете...

Кокнев. Но вы недавно еще получили вексели!

Гусин. У меня его нет!

Кокнев. Как нет?..

Гусин. Я его продал Артемию Никитичу, и **ничего не** знаю. А вас прошу переехать завтра же отсюда...

Кокнев. Куда я перееду без денег?.. Двадцать градусов мороза, а меня из дому гоните!

Гусин. Я ничего не знаю-с, я не виноват!

Кокнев. Но вы получили вексель... Я вам вдвое там написал, и вы обещались подождать...

Гусин (дерзко). Долго ждали-с! Вексель по востребованию...

Кокнев. Я вам дал его по востребованию, потому что поверил вашему честному слову, и неустойку записали; теперь как же? Артемий Никитич и неустойку с меня будет требовать?..

Гусин. Я ничего не знаю-с! Не наше дело! Попросите Артемия Никитича!..

Кокнев (вспыльчиво). Но это бесчестно с вашей стороны!..

Гусин. Прошу не забываться... Бесчестно нанимать и не платить! (Уходя). Прошу вас переехать отсюда завтра же, иначе я принужден буду беспокоить полицию...

Кокнев (закрывая глаза). Боже мой, до чего я дошел. Чем меня называют, и я должен все это терпеть!.. (Уходит налево).

ЯВЛЕНИЕ VI

В передней раздаются голоса Алексея, Артемия Никитича и какой-то бас.

Алексей. Нельзя, не приказано принимать, и никого нет дома...

Артемий Никитич. Не приказано! Здесь теперь я сам хозяин!

Бас. Закон всюду входит!.. (Входят Артемий Никитич, квартальный надзиратель и за ними Алексей).

Квартальный (валится на диван). Мы его здесь пождем...

Артемий Никитич (расхаживая гордо. К публике). Энт штуки всю я видумал: домой его отцу письмо напи-

сал, донос зделил; теперь ему деньги нету... вексель я купил... скажем, что долговой посадим: он, горды грузин, долговой не захочит; тагда Ольга Ивановна его выкупить зделит... а он и женица будит!.. Хорош штук знаим мы... Мастер я чаловек... десять тысяч, да, будим иметы!.. (Самодовольно улыбается.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, и Кокнев входит. Надзиратель встает лениво и слегка приподнимает фуражку.

Кокнев (смотрит на них с удивлением). Уж так скоро успели занять квартиру!..

Надзиратель. Я к вам пришел объявить...

Кокнев (не обращая на него внимания). Алексей! (Грозно.) Что это значит, — ты не снимаешь с них ни калош, ни пальто? Что за невежество! Разве ты не мог им сказать, что здесь у меня не кабак!

Квартальный (нахально). На несколько минут я к вам зашел объявить, что, если вы не заплатите долгов, — скоро принужден буду взять вас в долговую; а покуда дайте мне расписку, что вы никуда не убежите отсюда...

Кокнев (удерживая бешенство). Милостивый государь! Вы можете таким образом обращаться с таким негодяем [...], как он, но со мною вы должны знать приличие!.. Кто вам дал право так заходить ко мне? Где у вас такой закон?..

Надзиратель (испугавшись, снимает фуражку). Извините, князь, я только... я только... я только...

Артемий Никитич. Ва! Что вы много кричит, князь; как ни пляши—вас долговой посадим... (Показывает ему вексель.)

Кокнев (бешено бросается на него). Что?! Вон отсюда!.. Ах, вы...

Артемий Никитич (бежит, испуганный). Ва! ва! ва!..

Надзиратель. Силой закона-с, силой закона-с... (Уходит, почти дрожа).

Кокнев (после некоторого молчания). Кварташка! [...] Змея только недоставало!.. (Ходит долго.) Надо будет заложить пистолет! Что из того, что он на память дан,

если я скоро и память потеряю!.. Алексей, на, заложь его! А я постараюсь занять деньги у кого-нибудь... (Уходит).

Алексей (один). Куда его понесу!.. Я и давеча без приказания носил, да ничего не дают...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Он же и Маша (входит).

Алексей. А, наше вам почтение!

Маша. Здравствуй, Алексей. Никого нет?.. Ты один?..

Алексей. Я думаю, — барин сейчас ушел.

(Подходит к столу.)

Маша (рассматривая картины). Эти картины ваши?

Алексей. Конечно, наши! А что же?

Маша. Ах, это кажется, твоего барина карточка!

Алексей. Да, его.

Маша. Хорошенький...

Алексей. А мой [портрет] ты видела, Маша?

Маша. Как же, много раз.

Алексей. Нет, теперь у меня совсем иначе...

Маша. Ах, покажи, пожалуйста!

Алексей (приносит и показывает). На, посмотри...

Маша (рассматривая). Очень похож.

Алексей. Целуй [его]!..

Маша (плюет). Целуй, какой гадкий...

Алексей. Ты сама гадкая девчонка... (Смеется).

Маша (надувает губки). Я сердита на тебя...

Алексей. За что же это?

Маша. Да ты так долго к нам не приходишь. Заставил меня самой придти... (Отворачивается и садится к нему спиной).

Алексей. Полно, Маша, дуться. (Умоляет ее). Ей-Богу, не мог, нельзя, некогда было...

Маша. Ты меня не любишь!

Алексей. Ну полно! Моя красавица! (Хочет поцеловать).

Маша. Пусти, пусти меня! Закричу!..

Алексей. Душечка!.. (Обнимает ее).

Маша (слабо защищаясь). Пусти, пусти! (Раздается звонок.) Ах!..

Алексей. Это, верно, барин.

Маша. Что нам делать? Засиделась я! Алексей, выпусти меня...

Алексей. Теперь нельзя выпустить, неоткуда... Лучше полезай под диван! (Прячет ее).

ЯВЛЕНИЕ IX

Алексей и Кокнев (встревоженный).

Кокнев. Ну, что! Принес?

Алексей. Ничего не дали-с! Пять рублей только дают за серебро; а за ствол ничего не дают... Нам железо-то, говорят, не нужно.

Кокнев (желчно смеется). Так дай его сюда!.. (Алексей уходит).

ЯВЛЕНИЕ X

Кокнев (после долгого молчания). Все конечно! И последняя надежда исчезла!.. Не то чтобы занять у кого-нибудь, но и своих-то мне не возвращают... Все от меня отворачиваются, даже кланяться не хотят... (С желчной насмешкой.) А где же прежние мои друзья, мои знакомые?! Меня завтра возьмут в долговую... (Вздрагивает.) Кому же я после покажусь? Стыд! Срам! Никто не захочет знать, — за что я сижу, а все будут порицать, осуждать меня! Да и нет мне оправданья!.. Нет, лучше разом покончу с собою... отравлюсь! (Думает.) Фи! Что я говорю! Это будет низко, отравиться... И примера нет, чтобы кто-нибудь из моих предков умирал таким постыдным образом: их большею частью поражала пуля!.. И я застрелюсь!.. (Заряжает пистолет.) Прощай, жизнь! Прощайте, молодые надежды и силы! (Ходит.) Да, мне не суждено спокойно умереть! Другие умирают на мягком ложе: у изголовья сидит мать, нежит и украдкой плачет... Отец с любовью на него глядит; тут и сестры и другие родные его, которые принимают в нем искреннее участие... Или же умирают на руках любимой особы... А я?.. Здесь всем я чужой, — родные за 2000 верст... А та, та, которую я люблю и которая тоже любила меня когда-то... Увы... может быть, и не вздохнет обо мне! Никто меня не пожалеет, когда увидят меня застрелившегося. Улыбнется только коварный армянин, и захохочет нахал квартальный... Один разве

Алексей пожалеет меня... Я не забуду его в завещании... (Садится писать.) Не могу, рука трясется. Этак, пожалуй, хорошо не [с]могу застрелиться!.. Надо будет освежиться!.. Пройдусь по двору [в] последний раз!..

ЯВЛЕНИЕ XI

Алексей и Маша.

Алексей (входит). Маша! а Маша!.. Вылезай-ка... Что ты так долго не выходишь!..

Маша (вылезая в испуге). Ах, Боже мой!

Алексей. Что? Что с тобой, Маша?... Ты бледна!..

Маша. Ах, твой барин-то хотел застрелиться... Я чуть не умерла от страху...

Алексей (в испуге). Застрелиться?! Неправда!..

Маша. Правда! Ей-Богу, правда! Я все слышала, он ушел, и хочет себя застрелить... Пойду и все скажу барыне! (Убегает).

Алексей. Что она говорит?.. Да, вот и пистолет здесь... Верно, он пробовал его, — хорошо ли вычищен, а она перепугалась!.. Пойду, ворочу эту дуру... (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ XII

Кокнев (входя). У!.. Сколько народу на дворе!.. Встречают новый год!.. Странное стечение обстоятельств: сегодня мне ровно двадцать лет... Я родился, как говорят на новый год, ровно в полночь!.. Моя мать всегда таинственность какую-то придавала этому случаю... (Желчно смеется.) Вот и таинственность! Бедная мать!.. Мне жаль моих родителей; они этого мне не желали, а думали исправить меня, и дали урок! Дорого же им этот урок обходится! Странно... теперь я знаю, что приговор страшнее самой смерти: давеча я трусил, когда решался застрелиться, а теперь совершенно спокоен! Ко всему я хладнокровен... У меня теперь есть одно желание — умереть... (Смотрит на часы.) Полночь! Пора! (Берет пистолет и становится возле дивана.) Вот здесь лучше... чтоб на пол не упасть... (Прикладывает к груди пистолет.) Раздается сильный звонок, потом все чаще и чаще; он роняет пистолет и выходит на середину.) Кто это идет?!

Кокнев и Александра Павловна.

Александра Павловна (встревоженная **вбегает**).

Мой друг! Дмитрий...

Кокнев. А!.. (Стоит и смотрит пораженный.)

Александра Павловна (подходит). Дмитрий! Ты не ждал меня?.. Ты удивлен?

Кокнев. Признаюсь, я никогда не думал видеть больше вас, а еще более услышать от вас это слово: «друг»...

Александра Павловна (грустно). Я знаю! Ты меня больше не любишь! Ты разлюбил меня... (Берет его за руки, садится и его сажает.) Даже избегаешь со мной встречи, даже кланяться не хочешь...

Кокнев. Я исполняю ваше желание.

Александра Павловна. Мое?..

Кокнев. Да, ваше! Вы мне писали...

Александра Павловна. Я?.. Я писала!.. (Вдруг.) Тебя интриговали, мой друг... Теперь я понимаю, почему ты на меня сердит, и почему такие письма ты писал на меня моему мужу...

Кокнев (удивленный). Письма!! Мужу?! Я никогда и не думал! Что все это значит?!

Александра Павловна. Так ты не писал? Значит, это все подлоги... Нас интриговали!! Ох, Боже! Благодарю тебя, что я зашла сюда [в] последний раз! Умру, по крайней мере, любя...

Кокнев (удивленный). Как, [в] последний раз!

Александра Павловна. Да, [в] последний раз! (Плачет). Я решилась отравиться...

Кокнев (пораженный). Отравиться?! Зачем?..

Александра Павловна. После того, как все узнал, — меня муж тиранит, преследует! Я несчастна! Лучше умереть!..

Кокнев. Неужели других средств не имеете?..

Александра Павловна. Никаких! Желаю погибнуть! (Плачет).

Кокнев (вспыльчиво). Как! Вы можете бежать...

Александра Павловна. К кому?..

Кокнев. К кому?.. К кому?.. Да к родным... к знакомым...

Александра Павловна. Но это бесчестно: бежать от мужа!

Кокнев. Как бесчестно!? Когда вас принуждают, вас преследуют, — вы должны защищаться.

Александра Павловна (грустно). Но это не может меня оправдать!

Кокнев. Как не может? (С увлечением.) Благородная цель во многом оправдывает поступок.

Александра Павловна. Это только теория, мой друг!

Кокнев. Нет, не теория... Я слышал, что если человек случайно попадает в компанию, где все пьяны, — он и сам должен хоть притвориться пьяным; иначе его будут преследовать, потому что пьяные не терпят трезвого. Кто говорит, зло надо заранее избегать; но если попались уж как-нибудь случайно, то должны выйти каким бы то ни было образом... Нет, Александра Павловна!.. Скорей бесчестнее лишиться себя жизни, так как она дана нам не для того, чтобы по прихоти распоряжаться ею, но чтобы с пользой ее употреблять...

Александра Павловна. Да! (Переменяя голос, нежно.) Так отчего ты этого не делаешь, мой друг!..

Кокнев (опомнившись, пораженный). Как! Что я?.. (Сконфуженный, смотрит на нее с удивлением).

Александра Павловна (нежно). Дмитрий! Мой друг! Я все знаю... (Берет его за голову, целует в лоб и прижимает его к груди.) Мне сказали!.. Я все узнала! Ты болен! Ты расстроен! Тебе нужно развлечение, надо рассеяться... (Берет за руку.) Поедем в маскарад со мною вместе! Я еду!.. (Надевает маску и уводит с собой).

ДЕЙСТВИЕ 4

СЦЕНА I

Кабинет Кокнева.

ЯВЛЕНИЕ I

Алексей (входит на цыпочках, подходит к спальне, смотрит потихоньку в двери и, потом отходя, весело говорит). Ну, слава Богу! Он все еще спит!.. (Обтирает стол.) Говорят, что есть одна штука, которая может вылечить человека от сорока болезней; ее все доктора ищут и не находят до сих пор. А по-моему, эту штуку женщины нашли, — право!.. Потому они вылечивают от всех болезней! Ей-Богу, правда! Вот вам пример — мой барин! С которого времени это он хворает! Никакое лекарство ему не помогало, так угасал, как свечка; дурно ел, совсем не

спал, скучал без причины, и чего-чего ни делал!.. А теперь кажется, совсем другим стал: приехал из маскарада весел, потрепал меня по плечу по-прежнему; лег спать и до сих пор дрыхнет себе... Ну, слава Богу!.. И кто же всему этому причиной? Конечно, никто, кроме женщины, кроме Александры Павловны!.. Она взяла его в маскарад, и... (Раздается звонок в спальне.) Вот и он проснулся!.. Я желал бы знать, что все это значит!.. (Раздается опять звонок.) Ну, ничего, — позвонит, позвонит, да и оденется сам, я его знаю... А желал бы знать, что она вчера с ним сделала таксе?.. А вот что: он имеет привычку говорить сам с собою, — я спрячусь за ширмы, и услышу все!.. Вот и он идет... (Прячется).

ЯВЛЕНИЕ II

Кокнев (выходя из спальни, меланхолически). «Утро вечера мудренее», — говорит пословица. Совершенно справедливо!.. Я еще жив и здоров! Кто мог думать вчера все это?.. Чуть не застрелился! И зачем, спрашивается?.. Потому что я дурак! Я был сумасшедший!.. И кто же вылечил меня? Кто образумил меня? Женщина! Александра Павловна! Она образумила меня моею же теориею... Ах, теория, теория, как ты глупа, когда тебя не применяют к жизни! И что я такое после этого, с своею теориею? — Пустой фантазер!.. Глупый теоретик — и больше ничего! Чуть себя не погубил... (Задумывается.) Да и что за подлость обмануть других, когда они сами на это вызывают меня. Нет, подлее сносить их обманы и низости, и тем лишь поощрять их к новым обманам и низостям!.. Нет, я опережу их нападение равным же оружием, и тогда-то попадешься ты, хитрый армянин... Докажу, что твоя узкая башка далеко не умна!.. Ты грузинское великодушие считаешь следствием простоты грузинской... Нет, ошибаешься! Докажу, что грузин, когда захочет, в состоянии натянуть тебе нос [...] ...Нет, нет! Я сам примусь за обман! Алексей мне поможет... Он малый — плут!

ЯВЛЕНИЕ III

Он же и Алексей (выскакивает из-за ширмы).

Алексей (обнимая его колени). Ну, слава Богу, ваше сиятельство! Давно бы так!..

Кокнев (вздрагивая). Ах, дурак, ты испугал меня...

Алексей. Нет, ваше сиятельство, обманем других, а то все нас обманывают, и проходу не дают мне все знакомые лакеи и горничные: в лицо мне смеются; у твоего барина, говорят, верно и трех баранов нет, говорят...

Кокнев. Ну, ну, ну, полно! Не говори глупости!..

Алексей. Да, как же-с, а музыку не разыграем, значит?

Кокнев. Как?.. Что значит — музыку?

Алексей. Обмануть других, барин!.. Разве не будем? Передумали?..

Кокнев. Нет, решено! (Задумчиво оглядывается кругом.) За этим дело не станет!.. Что это там на столе валяется?..

Алексей. Повестка, барин, которую вы недавно получили.

Кокнев. И прекрасно. Давай ее сюда, для начала и она годится...

Алексей (в недоумении). То есть, сударь, вы хотите почтайт надуть, потому она пустая, ...не страховое письмо¹.

Кокнев. Нет; но я тебя научу, как и что мы сделаем из этой повестки! (Шепчется с ним). Теперь ты понял?..

Алексей. Отлично, ваше сиятельство!.. Понял! Понял!..

Кокнев. Ну, смотри же!.. (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ IV

Алексей расхаживает важно, покуривая сигару. **Гусин** входит.

Гусин. Дурак! Что ты тут наделал?

Алексей. Ничего-с!..

Гусин. Как ничего-с?! Надымил так, что ничего не видеть!..

Алексей (грубо). А вам что за дело?

Гусин. То, что ты болван и дурак.

Алексей. За что это? Что вы так лаете? Вы не можете меня ругать!

Гусин. Молчи, дурак! Не смей говорить...

Алексей. Да что вы пристаёте и называете дураком; и я могу вам тоже сказать, — и дурак, и болван! ...да-с.

Гусин (удивленный). Что?

Алексей. Да-с, и дурак, и болван...

¹ Подчеркнутые слова вписаны рукой А. Церетели, — И. Б.

Гусин. Да ты пьян!

Алексей. Никак нет-с! Да, с чего это вы взяли ругать меня... Я... не какой-нибудь нищий и бродяга... У нас тоже есть амбиция!.. Да-с! (Ходит важно).

Гусин (насмехаясь). Вот что!.. и амбиция! Ха-ха-ха, ха! Амбиция... Да вы с вашим барином хуже всякого нищего! По моей милости жили до сих пор, и еще напрашиваетесь...

Алексей. Никак нет-с! Теперь вы сами нищий, а не мы, и никогда не напрашивались жить у вас...

Гусин. Да вчера еще умоляли меня...

Алексей. Да-с; но это вчера, а не сегодня! Сегодня мы сами не бедны... Да, впрочем, что тут понапрасну тратить время с вами, — лучше уйти. (Собирается уходить).

Гусин (в сторону). Прошу покорно, — это что-нибудь да значит; он так поднимает нос и важничает, а барин его что-то особенно весел, против обыкновения!.. Не получили ли денег! (Вслух.) Послушай, Алексей, куда ты собираешься?

Алексей. Иду квартиру нанять на Невском проспекте...

Гусин. Квартиру? На Невском? Да как же без денег-то?

Алексей. Нет, не без денег-с!.. Барин вчера получил депешу, что ему давно высланы из дому деньги.

Гусин. Деньги? А много ли?

Алексей. Немного! Покуда пять тысяч...

Гусин (пораженный). Пять тысяч?! Недурно!.. А мою квартиру оставляете?..

Алексей. Известно оставляем, — стоит еще теперь жить в таких дрянных квартирах!.. Как не так... (Уходит важно.) Прощайте!

Гусин (озабоченный). Вот тебе и на! Если это все правда! — Он получит деньги, не останется у меня, — ни за что не останется; я сам их обидел, вексель продал, выгонял их из дому... Да кто мог предвидеть?.. Дурак, я, дурак, — испортил дело!.. А такого жильца никогда не найду: с него за все втрое получал! А все это проклятый армянин виноват. Он меня попутал, черт этакой!.. (Раздается звонок.) Пойдите, кто-то идет, и никого нет отворить! Пойду сам отворю... (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ V

Он же и почтальон, входит.

Гусин. Скажи, что тебе надо?

Почтальон. Не к вам-с, а к князю Кокиеву!

Гусин. Письмо?

Почтальон. Нет! Повестка на 5.000 рублей серебром..

Гусин (в сторону). Ну, так и думал; значит, правда, и я дурак; он переедет отсюда!.. (Задумывается.) **Вслух.** Дай мне ее сюда!..

Почтальон. Нет, нельзя-с, сударь!

Гусин. Как нельзя!.. Я его хозяин... Он у меня живет!

Почтальон. Не могу. Все равно — после зайду.

Гусин (в сторону). Черт этакой! **Вслух.** Ну, так любезнейший, — на тебе три рубля, только не приноси эту повестку раньше, как через неделю...

Почтальон. Да как же, этого нельзя, — узнают...

Гусин. Нет, не узнают. На тебе еще рубль.

Почтальон (с улыбкой берет). Хорошо-с, но право боюсь... Да уж нечего делать! Благодарим покорно! Слушаю-с! **Уходит.**

Гусин. Ну, слава Богу!.. Обделаю, ей-Богу, обделаю все... Одурачу этого добряка. **Смеется.** Вот оно, что значит ум!.. Бегу, и назад возьму сейчас же вексель от Артемия Никитича!.. **Уходит.**

ЯВЛЕНИЕ VI

Кокнев **входит.**

Кокнев. Ух, как я устал!.. Раза два по Невскому прокатил на лихаче, столько же по Большой Морской, по набережной... Прогулялся с шиком в Летнем Саду, и, довольно... Снова я для моих знакомых и, так называемых, друзей — cher ami, душечка, милашка и прочия. **Подходит к столу.** А вот и визитные карточки появились!.. И сколько их!.. Раз... две... три... четыре! **Берет их поодиночке.** Так скоро они захотели приехать ко мне, после шестимесячной отставки... Вот они-то... вот они, истинные-то друзья, приятели!.. Ха! Ха! Ха!.. Бедняжки, воображают, что я разбогател, получил деньги. **Стучат в двери.** Это еще кто? Верно, опять приятель! Кто там?.. **Входите!..**

ЯВЛЕНИЕ VII

Он же и Гусин.

Гусин (низко кланяется). Здравствуйтесь, ваше сиятельство!

Кокнев (с удивлением). Здравствуйтесь, Павел Степа-

нович! Это вы так стучали? А я вас сегодня, признаюсь, с полицией ждал...

Гусин (с к о н ф у ж е н н ы й). Помилуйте, за что это за кого же меня после этого принимаете. Я пришел...

Кокнев. Знаю, знаю... За деньгами! Но вы их получите на днях, будьте уверены...

Гусин. Нет-с... Помилуйте... Я и не думал, ваше сиятельство, — я принес вексель... (В ы н и м а е т и з к а р м а н а).

Кокнев. Да, вы не хотите уже, чтобы по этому векселю Артемий Никитич получил, а сами желаете? Ну, что же, извольте, мне все равно...

Гусин. Нет-с, по этому векселю ни он не получит, да и я не желаю получать; и для доказательства, вот вам я вексель! (Р в е т е г о)... Извольте теперь!

Кокнев (п р и т в о р н о о б и ж е н н ы й). Это что значит? Вы хотите мне сделать милость! Это еще новая обида, которой не ожидал!.. Или что это значит?..

Гусин. Помилуйте, ваше сиятельство! Кто смеет вас обидеть?.. А это значит то, что я вашему слову больше верю, чем векселю... Но не в том дело... Я желаю с вами поговорить о другом, весьма важном деле, и прошу позволения...

Кокнев. Извольте, прошу садиться.

Гусин. Но позвольте прежде запереть двери... (З а п и р а е т).

Кокнев (с о в н и м а н и е м). Я готов слушать, садитесь ближе! (Г у с и н с а д и т с я.)

Гусин (п о с л е д о л г о г о м о л ч а н и я). Прежде позвольте мне спросить вас, за кого вы меня принимаете?

Кокнев (у д и в л е н н ы й). Как за кого? За того самого, кто вы есть...

Гусин. Нет! Не в том дело!.. За кого вы меня принимаете, то есть кто я такой в ваших глазах? Подлец или честный человек?

Кокнев. То есть как, кто вы! Право, не знаю как.

Гусин. Знаю, знаю: подлец, — да?.. Иначе и не может быть... Я подлец в ваших глазах; но я скоро вас разуверю... Только позвольте мне быть с вами откровенным, князь?..

Кокнев. Извольте! Откровенность я всегда уважаю.

Гусин. Ну, так выслушайте меня до конца, и не перебивайте, ваше сиятельство...

Кокнев. Извольте, я готов. Ну-с...

Гусин. Год тому назад, из далеких стран вы приехали сюда, в Петербург, где не имели никого, — ни родных, ни

знакомых, и вы остановились у меня, заняв несколько комнат за умеренную цену.

Кокнев. Так-с.

Гусин. Имея порядочные средства, вы скоро обзавелись знакомыми, начали выезжать, принимать других, и у вас скоро появились и друзья, и приятели...

Кокнев. Правда.

Гусин. Извольте видеть! Вас это восхищало, вы были детски доверчивы; вы давали им займы деньги, кутили с ними и не замечали, как они за глаза насмехались над вами щипали вас и шеромыжничали!.. Вы не могли догадаться, и не удивительно! Вы были неопытны, новичок... Но я...

Кокнев (с притворным вниманием). Ну-с!

Гусин (с жаром). Но я видел все это! От меня не могло все это укрыться!.. Предупредил вас, но вы жаловались мне на свою слабость, и отдали мне ваши деньги на сохранение...

Кокнев. Правда.

Гусин. Я и начал давать вам понемногу, и дело пошло совсем иначе, — вы были довольны; но тут, к несчастью, при отчетах, которые я вам давал, так как этого требует долг всякого честного человека, — я несколько раз запутался в счетах: раз недоставало 100 рублей, другой раз — 30, а третий раз, не помню сколько...

Кокнев. Я помню, 147 рублей.

Гусин. Да, что-то около этого... Право, я до сих пор не могу понять, как это случилось: украли ли у меня, обсчитали, или я издержал для вас, но в счете не поставил, что вероятнее всего, — не помню; но результатом этого несчастного случая было то, что после вы сами начали распоряжаться вашими деньгами, мимо меня.

Кокнев. Совершенно справедливо...

Гусин. Вы начали кутить опять, по-прежнему, принимать гостей, и не слушали меня!.. И что же?.. Верно, родные ваши узнали как-нибудь все это — рассердились, перестали вам высылать деньги... И вот шестой месяц, как вы без копейки...

Кокнев. К чему все это вы говорите? Насмехаетесь, что ли?..

Гусин. Нет, — выслушайте до конца!.. Признаюсь, я радовался этому, потому что при всем вашем благородстве, при всем уме...

Кокнев. Благодарю за комплимент!

Гусин (горячо). Нет! Нет! Ваше сиятельство!.. Я не

люблю льстить! Я человек простой и прямой... Я столько лет верую и правдою живу на белом свете, прошел огонь и воду, и потому мне нечего бояться за правду... Итак, при всем вашем уме, вам не доставало опытности, знакомства с жизнью; и потому я рад был тому случаю... В это короткое время бы узнали жизнь; друзья отвернулись от вас, и все то, что прежде представлялось вам в розовом виде, вы увидели, наконец, в настоящем его виде; в черном, и начали раскаиваться... Но я все это видел, за всеми следил, и радовался; но так как всему есть конец, то и вашему испытанию нужен был конец, и я, огорчив вас в последний раз, — покончил все; и потому вы можете теперь мною располагать, а покуда вот вам и 300 рублей, — расплатитесь с мелкими долгами, а если нужно, и еще достану! Мне не нужно этого презренного металла; вы можете мне их отдать когда-нибудь... Итак, я исполнил свой долг, как следует честному человеку, вы теперь узнали жизнь, и я... вы хоть сердитесь на меня, — я доволен собою...

Кокнев (притворно растроганный, бросается к нему и обнимает). Благодарю! Вы честный человек!.. Вы спасли меня, вы дали мне урок, который никогда не забуду!.. Вы мне открыли глаза! Благодарю, благодарю! Вы доказали мне дружбу, и я постараюсь доказать... (Обнимает снова.) Я не забуду никогда... И я благодарю вас не за эти деньги, но за урок... (В сторону.) О, отчего я не вправе задушить этого мерзавца!.. (В слух.) Благодарю!..

Гусин (в сторону). Он опять мой, пижончик!.. (В слух.) Ничего, ваше сиятельство, все к лучшему! Бог даст, теперь не ошибетесь в друзьях!..

Кокнев. О, нет, уж, надеюсь! Теперь я знаю, где мой друг и кто, — это вы, Павел Степаныч! Вы!.. Поверьте, и я умею понимать людей, — я теперь понял вас, и вы отныне мой друг... У меня нет от вас секрета, и не буду делать ничего без вашего совета...

Гусин. Князь, я надеюсь оправдать всякое доверие ко мне.

Кокнев. Я имею важную тайну, которую должен вам открыть!

Гусин. Извольте! К вашим услугам... Я весь заш, ваше сиятельство!..

Кокнев. Вы знаете, что я на днях получу из дому пять тысяч рублей серебром?

Гусин. Нет, не знаю-с, ваше сиятельство!

Кокнев. Да, я получу... И очень кстати, они мне весьма необходимы при моем верном деле...

Гусин (заинтересовавшись). В каком ^{верном?}..

Кокнев. Я хочу жениться на Ольге Ивановне; признаюсь, давно имел желание; но мое самолюбие не позволяло согласиться и сделать ей предложение при тех обстоятельствах, в каких я находился...

Гусин. Неужели это правда! Нет, ваше сиятельство, — вы умны, и счастливейший человек... Поздравляю вас, но предупреждаю, будьте осторожны, не доверяйте никому, и особенно Артемию Никитичу, а то он вас непременно обманет... Теперь вы будете иметь огромное богатство, и вам надо иметь хорошего управляющего, опытного и честного... Да! Отлично! Умно! Что умно, то умно! Пользуйтесь случаем, — женитесь и будьте счастливы!.. (Раздается звонок.) Да, недурно!.. Это, верно, кто-нибудь к вам, — а я уйду, ваше сиятельство!.. А не будет ли каких-нибудь приказаний мне? .

Кокнев. Никаких, только дайте мне честное слово, что вы никому об этом не скажете, покуда дело не кончится!..

Гусин. Помилуйте, ваше сиятельство! За кого же вы меня после этого считаете?.. Прощайте! (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ VIII

Он же и Федя.

Федя (бросается на шею). Дмитрий, мой друг! Здравствуй, голубчик! Сколько зим, сколько лет мы не виделись!.. Как живется, мой милый друг?.. Как я рад, что ты здоров!..

Кокнев (серьезно). Благодарю, мой друг! Где это ты пропадал до сих пор?

Федя. Эх, не спрашивай! Шесть месяцев пролежал в постели, доктора отчаивались в спасении; несколько раз составляли консилиум, но все напрасно; меня вылечило одно чудо...

Кокнев. Чудо?! Нельзя ли сказать, какое?

Федя. Извольте: в меня была сильно влюблена одна прекрасная особа, но я занят был другими красавицами, еще лучшими и не обращал на нее никакого внимания... Она присылала письма за письмами, плакала, умоляла меня, но все напрасно... И что же вышло? Как ты думаешь? — Утопилась.

Кокнев. Но это чересчур жестоко с твоей стороны; но где же тут чудо?..

Федя. Постой, слушай дальше!.. Не прошло и двух месяцев после этого, как и я захворал... Об дальнейшем ходе болез-

ни я тебе говорил, как был опасен, — даже доктора отчаялись. Не могли угадать причины; но я сам догадался: после одного консилиума думаю: ведь я убийца, я был причиной того, что одна дама утопилась! Тут я раскаялся и дал себе обет — впредь никогда не поступать так жестоко с дамами... Только что это решил я — и выздоровел. Итак, решено, теперь я буду обращать внимание на всех дам; хоть и скучно иногда, да что делать!..

Кокнев. Да, тебе-то скучно, но им-то каково! Я думаю, после твоей болезни они удивлены твоим вниманием.

Федя (самодовольно). Что же делать!.. Ведь я не хочу быть эгоистом... Я тоже с ними любезничаю. На прошлой неделе одна мне говорила, что меня трудно узнать, — таким любезным я сделался...

Кокнев. Еще бы! Не то, что мы...

Федя (улыбаясь). А что, где теперь твоя Александра Павловна?

Кокнев. Почему же моя!.. Я не знаю, где...

Федя. А помнишь, брат, как она за тобой ухаживала?.. Да и ты, кажется, равнодушен был к ней... Что, брат, признайся! И как бы не муж, и теперь бы ты ее любил!..

Кокнев. Чудак муж!.. Если бы он знал меня, то не стал бы ревновать к жене...

Федя (с любопытством). Отчего же это?

Кокнев. Потому, что я неопасен...

Федя. Да скажи, мой друг, — почему неопасен?

Кокнев. Это моя тайна! Секрет! (Смеется).

Федя. Секрет?.. И от кого! От друга — от меня!..

Кокнев. Да, это такая тайна, что никто не должен знать, кроме меня.

Федя. Но я могу составить исключение! (С упреком.) И как тебе не стыдно скрывать что-нибудь от меня! Ну скажи же, пожалуйста!..

Кокнев. Ну, так и быть, но с условием: дай честное слово, что никому не откроешь моей тайны...

Федя. Нет, нет!.. Честное благородное слово... Вот тебе крест, что нет!..

Кокнев. Потому я неопасен, что ранен, и ранен довольно странным образом...

Федя. Ничего не понимаю... Так что же, что ранен?..

Кокнев. Ну так... Дай сюда ухо... (Шепчет ему). Ну что, теперь понял?

Федя. Понял! Понял! Ха, ха, ха, ха!.. Неужели правда?.. Это забавно!..

Кокнев. Ну, вот, пойдешь теперь ведь разглашагы!

Федя. Нет... Что ты говоришь, — полно!.. Ха, ха, ха, ха! Да как же, братец, у тебя борода и усы?..

Кокнев. Да они были у меня, когда рану получил, так и остались.

Федя. Вот что! Теперь я понимаю твою скрытность... Ну, adieu!.. Я иду, мне некогда.

Кокнев. Прощайте! Но, пожалуйста, никому не говорите!..

Федя. Ну полно тебе! За кого же ты меня после этого принимаешь!.. Прощай!.. (Уходит).

Кокнев (один). Если хотите, чтоб вашу тайну [разгласили], то откройся подобным друзьям и бери с них честное слово никому не говорить... Ха, ха, ха, ха! Теперь я уверен, что Павел Степаныч успел все передать Артемию Никифичу... А вот этот дурак бежит с этой новостью к мужу Александры Павловны!.. Пусть себе... Нам того и надо!..

СЦЕНА II

Небольшая комната в доме Хвостова; в шкафу, на этажерках книги; на столе разбросаны бумаги и тетради; вообще комната не чистая: на полу валяются бумажки разные, перья и пол возле стола весь в чернильных пятнах.

ЯВЛЕНИЕ I

Петр Иванович в халате и туфлях; на голове ночной колпак; сидит и пишет, рассуждая вслух.

Петр Иванович (кончая). Ну, слава Богу, наконец-то кончил; и сколько труда стоило?.. (Расхаживает задумчиво.) Да и нельзя иначе, — труд серьезный!.. Он требует много времени, знаний, ума, принципиальности; — нельзя же сразу... Вопрос новый, идея новая. Шутка ли, — я пишу об эмансипации женщин как вообще, так и в частности. Да, вопрос важный и еще никем у нас не решенный!.. (Приходя в азарт.) От него зависит судьба всех женщин и, наконец, [...] всего человечества! Шутка ли!.. (Задумчиво ходит.) И я исполнил это бесподобно, я разрешил этот вопрос; я трудился над ним... Мое перо водилось вдохновением; я всегда его чувствовал, и даже теперь чувствую; вся голова кругом идет, в глазах рябит... И для чего?.. Для кого трудишься, спра-

шивается? Для нашего народа! (С досадою.) Да разве он это поймет, неблагодарный. Вот уже 47 лет, как я им служу, а они и до сих пор меня не оценили, — извольте видеть! А какой-нибудь мальчишка пишет без вдохновения, безо всего, а все-таки — в славе... Да что же делать, — меня поймут лишь после смерти, да поздно будет! Вы посмотрите, будут сами раскаиваться!.. Ну, хорошо, что я имею состояние благодаря моей жене; но не будь его у меня, тогда все погибло; никто бы и не знал, что я пишу, и народ не имел бы моих сочинений!..

ЯВЛЕНИЕ II

Он же, и Александра Павловна.

Александра Павловна. На кого это вы так сердитесь?..

Петр Иванович (недовольным тоном). Да это я так себе рассуждаю!..

Александра Павловна. Какой рассуждали!.. Вы кричали, на вас и лица нет, — вы бледны!.. Что с вами, скажите!

Петр Иванович. Да, ничего... Отстань, матушка, Бога ради, не мешай мне... Я пишу об эмансипации... Не мешайте здесь...

Александра Павловна. Вы опять за глупости, верно, принялись!..

Петр Иванович. Как! Что!.. Я важный вопрос решаю, об эмансипации, под влиянием неведомой силы, под вдохновением!.. А она, — прошу покорно, называет глупостями... Я тут потею... Голова болит...

Александра Павловна. Немудрено, потому что у тебя страшный угар...

Петр Иванович. Что! Где угар? Какой угар! Нет, — это от вдохновенья... да-с.

Александра Павловна. Вот от чего... Верно, бумаги бросил в печку... Пойдем в другую комнату...

Петр Иванович. Да оставь же, пожалуйста, — не твое дело! Не мешай мне! Тут никакого угара нет; ты только мне мешаешь своими рассуждениями... Бабье ли дело рассуждать...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, и Федя, вбегает.

Федя. Здравствуйте, Петр Иванович! Мое вам почтение, Александра Павловна! Как поживаете? Я к вам на одну минуту заехал, Петр Иванович, — хочу сообщить новость...

Петр Иванович (в сторону). Ах, это верно насчет вчерашней моей статейки... Верно, фурор произвела?.. (В слух.)
Говорите! Говорите!..

Федя. Нет, нельзя теперь!.. После!

Петр Иванович (в сторону). Нет!.. Это, верно, что-нибудь другое... (В слух.) Саша, душечка, оставь нас одних; мы дело имеем...

Александра Павловна. Прощайте: только здесь нехорошо, угар...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, кроме Александры Павловны.

Петр Иванович. Говорите, Бога ради, поскорее!

Федя. Сейчас, сейчас... Вы знаете Дмитрия Александровича Кокиева?

Петр Иванович. Знаю!.. Ну, что с ним?..

Федя. Ранен.

Петр Иванович (обрадованный). Ранен! (В сторону.) Ну, слава Богу, теперь нечего его бояться!.. (В слух.) Опасно? Умрет?..

Федя. Нет, не опасно!.. Но смешно...

Петр Иванович. На дуэли, верно, за проказы какие-нибудь! И поделом вору и мука! Скажите, пожалуйста, когда он ранен и кем?..

Федя. Его ранили черкесы, давно еще, на Кавказе!

Петр Иванович. Полно балагурить; меня что ли дурачите!.. Это что за новости!.. Он ранен, как сами говорите, давно, еще на Кавказе.

Федя. В том-то и дело, что он давно ранен, а мы и не знали этого.

Петр Иванович. Да кому какое дело: ранен он или нет...

Федя. Да смешно! Вы знаете, что его многие мужья боятся, — считают хорошим, да опасным?..

Петр Иванович. Знаю, знаю! Что же из этого!

Федя. А то, что он хорош, да нехорош; кажется опасным, да неопасен... потому что ранен.

Петр Иванович. Что из этого? Кто не был ранен! И меня чуть не ранили за одну статью, вызвали на дуэль...

Федя. Но он иначе ранен!.. Смешно! Дайте мне ухо: я вам скажу... (Шепчет).

Петр Иванович (сердится). Ай, да щекотно! Не могу...

Федя. Полноте, слушайте... (Шепчет).

Петр Иванович. Неужели!.. Не может быть!..

Федя. Я сам видел своими глазами, ей-Богу, правда. (Дует на ладонь своей руки.) Фуй... Как здесь, ничего нет!..

Петр Иванович. Да, это довольно смешно! Кто же это мог [по]думать! Это забавно!

Федя. Да!.. Ну, до свиданья! Мне некогда... Я думаю захватить еще в кое-какие семейства... (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ V

Петр Иванович, один.

Петр Иванович (в раздумьи). Ну да, — это прекрасно! Он ранен, и слава Богу: значит, мне бояться нечего... (Задумывается.) (Вдруг.) Постойте, постойте! Умный человек из всего должен пользу извлекать... Ведь моя жена мною недовольна, дуется, называет меня ревнивым... Постойте, я сделаю с нею штуку... Я ей навяжу сам Кокиева... Мне его бояться нечего!.. (Кричит.) Александра Павловна, пожалуйте ко мне!..

ЯВЛЕНИЕ VI

Он же, и Александра Павловна.

Александра Павловна. Что вам угодно?..

Петр Иванович (ласково). Ничего, душечка!.. Посиди со мною! Ты никогда со мной сидеть не хочешь!..

Александра Павловна. Вы сами меня всегда гоните...

Петр Иванович. Неправда, давеча — это я так.. Голова болела... Не в духе был... Теперь голова прошла...

Александра Павловна. Немудрено, — потому что я велела открыть отдушник.

Петр Иванович. Нет, это не оттого; а оттого, что я отдохнул после занятия... Ну, знаешь, в чем дело?.. Не хочешь ли поехать куда-нибудь? В собрание или в театр? Или куда вздумается?..

Александра Павловна. Как же я одна поеду!.. Вам некогда, — вы все заняты, а с другими не позволяете...

Петр Иванович. Правда, мне некогда; но ты можешь попросить других... Вот, например, [...] князя Кокиева: он очень рад будет провожать вас... Да что ты так на меня смотришь?..

Я знаю, знаю, ты удивляешься... Ты меня считаешь ревнивым...
Вздор, мой друг, я не из тех мужей!.. Ты можешь с ним вы-
езжать... Он отличный малый.

Александра Павловна (целует его). Благодарю! Но по-
сле того, как мы ему отказали, он не захочет и знать нас! Я
лучше другого кого-нибудь попрошу!

Петр Иванович. Нет, нет, душечка, с другим я не советую...
Он согласится... Я сам поеду к нему, извинюсь и попрошу его;
он добрый малый, незлопамятный, надеюсь согласится... Сей-
час поеду... Оденусь, а ты напиши сама письмо, на случай, ес-
ли дома не застану!..

ДЕЙСТВИЕ 5-ое

СЦЕНА I

Прежняя комната Кокиева.

ЯВЛЕНИЕ I

Кокиев (один). Начало сделано, — надо выдержать до
конца! (Подходя к столу.) Ага, это еще что?.. И письмо
очутилось у меня!.. Но от кого? (Распечатывает и чи-
тает.) «Добрейший и милейший князь! стыдно и грешно за-
бывать старых друзей! Так давно вы у нас не были... Кажется,
и совсем забыли нас. Нехорошо, право, нехорошо! «Кто ста-
рое помянет, тому глаз вон!» — вы знаете эту пословицу? Ну,
не будьте же упрямым, — приезжайте к нам. Сегодня я еду
на бал и, надеюсь, что вы будете моим кавалером... Уважаю-
щая вас Александра Павловна». Отлично! Нам того и надо!
Но какой странный тон письма?.. Желал бы знать, кто его ко
мне принес!.. Оно не по городской почте, без штемпеля... Это
еще что за записка?.. (Берет лист бумаги и читает.)
«Князь! Я был у вас, но, к сожалению, не застал вас; — че-
рез час опять заеду. — Готовый к вашим услугам, Петр Ива-
нович Хвостов»... Прекрасно! Вот кто мне доставил письмо!
Теперь я понимаю, почему таким тоном написано оно — Алек-
сандра Павловна, верно, боялась, что муж распечатает и проч-
тет его... Пойдите, что-то приписано! (Читает.) «P. S. Ста-
тью свою о[б] эмансипации женщин я кончил, и кончил бли-
стательно»... Да, ты кончил одну статью, но в твоём доме нач-
нется другая статья... (Стучат в двери.) Кто там?..

(Голос **Артемия Никитича**). Князь дома? Я! Артемий
Никитич!..

Беларуская нацыянальная бібліятэка
Нацыянальная бібліятэка Рэспублікі Беларусь

Кокнев. Дома, дома! Заходите, прошу вас!..

Артемий Никитич. Нет, князь, не могу, скажите прежде — вы не сердит на меня?..

Кокнев. За что это!.. Да заходите, пожалуйста!

Артемий Никитич. Штук не зделаешь со мной?

Кокнев. Что за вздор, войдите!

Артемий Никитич. Не обманивашь?

Кокнев. Нет.

Артемий Никитич. Нет?

Кокнев. Да нет, говорю! Боже мой!..

Артемий Никитич. Говори, князь, честни слова!

Кокнев. Ну, полноте! Честное слово, я на вас не сержусь.

Артемий Никитич. Скажи, — ей-Богу, князь!

Кокнев. Говорю же — нет! Ну, ей-Богу, честное слово — не сержусь! Ну, довольно вам?..

Артемий Никитич. Честны, благородны, княжеска слов?..

Кокнев. Да убирайтесь, пожалуйста, или же войдите!.. Вы мне надоели!..

ЯВЛЕНИЕ II

Он же, и **Артемий Никитич**, входит.

Артемий Никитич. Здрасти, князь, — вы на меня не сердит, князь!..

Кокнев. Да полно вам! Мое почтение, **Артемий Никитич**! Садитесь!

Артемий Никитич. Ва! Значит, правда, вы не сердит?

Кокнев. Зачем же я буду сердиться?

Артемий Никитич. Ва! Разве не помнишь?

Кокнев. Я не злопамятен! Кто старое помянет, тому глаз вон, говорят русские; и мы должны их слушаться.

Артемий Никитич. Ва, князь, такого умного пословицу другого нет.

Кокнев. Правда! Но надо признаться, вы нехорошо поступили со мною... Так не следовало...

Артемий Никитич. Ва, князь, ви еще хуже зделали мне, помнишь, князь, какой со мной штук зделали... Я после долга боли бил; 4 рубли лекарство ушло!

Кокнев. Но это была шутка!

Артемий Никитич. И энт, да, штука била.

Кокнев. Как, это была шутка?

Артемий Никитич. А как думаешь! Разве сурозна возможна такой подласть зделит!.. Разумеца, шутка била!..

Кокнев. Вот что! Это была шутка, браво! Признаюсь!..

Артемий Никитич. Шутка била; я хотел штукить; но ви сам мне спугал; а квартальный еще больше спугался... После мне сказал: ах, какой, гаварит, грузин, гаварит, маладец, гаварит, храбра, гаварит...

Кокнев. Признаюсь, удачная шутка была!.. Право, люблю вас за эти штуки... (Молчат).

Артемий Никитич (в сторону). Слава Бог, он поверил: теперь нада узнать: правда он хочет женится? Правда лубит Ольга Ивановна? Если спрашу, не скажит. Нада випитать его. (Вслух). Кназь, ви слыхал новость?..

Кокнев. Какую?..

Артемий Никитич. Что Ольга Ивановна замуж идот...

Кокнев (притворно встревоженный). Ольга Ивановна! Замуж идот?! Да-да, за кого?..

Артемий Никитич (в сторону). Правда, значит! Как он тревожил!.. (Вслух.) Да, идот, кназь... за один большой генерал... Ва! Зачем вы так тревожил, кназь?..

Кокнев. Я, я!.. Нет; да, разве я встревожен?..

Артемий Никитич. Ва, кназь, что ви, ви что ли хотел жениться?..

Кокнев. Теперь уж поздно!.. Да, я ее любил!

Артемий Никитич. Ва!.. От грузин человек!.. Когда его просили, тогда молод, говорит, не хочу говорит; а когда дело спортил, тогда жалька, говорит... Ва!..

Кокнев. Да, нельзя было, тогда у меня денег не было!..

Артемий Никитич. Зачем, кназь, мне ни сказал, что ви зделил!.. (Встает, ходит в волнении.) Жалька, кназь! Очин жалька!.. (Ходят оба молча и скоро.) Кназь, если энт дело я поправим, что ви тогда скажит?..

Кокнев. Нет, невозможно это! Теперь все кончено!..

Артемий Никитич. Не ваша дельо... Энт ми знаим!.. И тагда, что вы зделите?..

Кокнев (обрадованный, бросается к нему). Все, что вам угодно...

Артемий Никитич. А... теперь! А да сих пор вы мне не хотил слушать. Ну, ничего, денги сегодня жи достаним, а через неделю вы должны жениться кназь... Согласны?.. Я всо устрою... Но мне, кназь, что дадишь?

Кокнев. Сколько хотите!..

Артемий Никитич. Я, князь, ничего не хотим; я вас люблю, князь, вы только возьмите мене управляющий, чтоб вас никто не мог обманывать, а я ничего не жалаим... Я пайду, все устрою, и деньги принесем, 5 000 рублей; а вы вексель мне напишите на один год... 40 процент... Я достану вам, князь... (Входит Петр Иванович).

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, и Петр Иванович.

Петр Иванович. Здравствуйте, князь! Как вы поживаете? Давно я не имел удовольствия видеть вас; вы нас совсем забыли, князь!..

Кокнев. Мое вам почтение! Честь имею представить...
Артемий Никитич Кузов!

Артемий Никитич. Здравия желаем, ваше превосходительство, генерал! (Дает руку).

Петр Иванович (немножко сконфузившись). Петр Иванович Хвостов, — титулярный советник...

Артемий Никитич. Ва, ни генерал! А как вы похож на генерал. У вас, да, такое умное, важное лицо, как на генералу. Очень похож на генералу.

Петр Иванович (в сторону). Какой симпатичный господин... И прямой, откровенный, как ребенок... (В слух.) Очень рад! Очень рад с вами познакомиться! Очень приятно!

Кокнев. Я слышал, что вы кончили вашу статью? .

Петр Иванович. Мою статью?.. О эмансипации женщин?.. Да, я кончил, и очень блистательно!..

Кокнев. А теперь чем вы заняты?

Петр Иванович. Покуда ничем! Но знаете, что мне пришло в голову сейчас?.. Недурно было бы познакомить наших с кавказцами, особенно с грузинами... Мы их так мало знаем... Почти совсем не знаем... И я с нетерпением примусь за этот труд; знакомство с вами поможет мне в этом; зная вас и характер ваш, проницательный человек может составить себе представление о целой нации!.. Да, я этим серьезно позаймусь!..

Кокнев. Это хорошо; но, зная меня, вы не можете судить вообще о грузинах...

Петр Иванович. Почему же?

Кокнев. Потому что я не принадлежу вполне к грузинам.

Петр Иванович. А к кому же?

Кокнев. Сам не знаю!.. Я принадлежу к особенному клас-

су грузинов, который недавно образовался... Я не грузин, и не русский! А если вы хотите узнать грузинов, то поезжайте в Грузию! И я вам могу дать совет, как их там узнавать...

Петр Иванович. Но, князь, вы, верно, знаете много легенд и сказок грузинских; а это больше всего знакомит с характером нации...

Кокнев. Нет! Не знаю; по мне вам нечего судить о грузинах... А вот, если хотите узнать армянина, вот узнайте вы его!.. (Указывает на Артемия Никитича). [...]

Петр Иванович. Очень рад! Очень рад! Вот вы, вероятно, много сказок и легенд знаете?

Артемий Никитич. Сказки знал, да забил, и песни много знайль...

Петр Иванович. Характеристические?..

Артемий Никитич. Да, всяческой знайм.

Петр Иванович. Нельзя ли послушать, будьте так добры, пропойте хоть одну; и пение ваше, и мотив желательно знать...

Артемий Никитич. Изболите, — я вам «Джан гулум» будим петь...

Кокнев. Да как же, по-армянски мы не пойдем!

Артемий Никитич. По-русски перевод сделал. По-русски будим петь: перевод я сам сделал.

Петр Иванович. Стихами же вы перевели?

Артемий Никитич. Стихам, — избольте слушать! (Поет и после каждой строки припевает: «Джан гулум! Джан! Джан!»):

В Тифлизе да река есть,
Бистра река Кура есть;
Возле реку сад да есть, —
А в саду да домик есть.
В этом доме две сестрицы
Жили, мужа ожидали.
У старшаго деньги било —
Яблоко прадавала,
Младши сестра бедни была —
Яблук не прадавала.
Но младши хороша была, —
Старши не хараша была.
Два жениха явились, —
Один богату взял, да,
Другой харошинкаго;
Один жених грузински был,

А другой — армянски.
Отгадай, кто из них биль
Грузински и армянски?..

Кокиев. Bravo, Артемий Никитич! Это ваш собственный перевод? (Смее т с я).

Артемий Никитич. Собственны, князь, ей-Бог, я перевадила, князь. Хотите еще другой?

Петр Иванович. Сделайте ваше одолжение, — только так скажите, не нужно петь!

Кокиев. Нет, довольно, Артемий Никитич!.. Прежде сделайте то, что мы знаем, а потом пой себе, сколько угодно!..

Артемий Никитич. Правда, и то правда!.. Слушаем, князь!..

СЦЕНА II

Спальня в доме Ольги Ивановны

ЯВЛЕНИЕ I

Ольга Ивановна и Гриша.

Ольга Ивановна. Нет, Гриша, невозможно... Напрасно ты просишь... Ты должен в деревню отправиться, по крайней мере, на шесть месяцев... А там вернешься и можешь опять жить у меня.

Гриша (печально). Воля ваша! Когда прикажете?..

Ольга Ивановна. Скоро, скоро!.. А куда пойдешь и погуляй на прощанье; на тебе деньги!

Гриша (целует руку). Благодарим покорно!..

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, и Алексей.

Алексей. Барин мой приказал вам кланяться, просили узнать о здоровье! Хотели сами заехать, да гости им помешали...

Ольга Ивановна. А кто у них?..

Алексей. Куда Артемий Никитич, а других ждут!..

Ольга Ивановна. Слава Богу, я здорова! Поблагодари князя...

Алексей. Они с согласия Артемия Никитича прислали вам 5000 рублей; и просят передать князю вексель, который вы от

Артемия Никитича получили; и сделать на нем надпись: «без оборота на меня»... (Отдает деньги).

Ольга Ивановна. Хорошо, с удовольствием... Отнеси им... (Делает надпись и отдает.) А это тебе 10 рублей...

Алексей. Покорнейше благодарим! Больше ничего не прикажете-с?..

Ольга Ивановна. Ничего... Поклонись князю!..

Алексей. Слушаю-с... (Уходит).

Ольга Ивановна (к Грише). Ступай и скажи всем, чтобы у меня все было чисто и опрятно: в субботу у меня бал... Ступай!.. (Гриша уходит. Ольга Ивановна ходит одна долго.) Итак, мое желание исполнилось! Я одержала победу. У меня титула только недоставало и я теперь сама — княгиня... Я предполагаю, что баронесса Г. с ума сойдет с досады, что я княгиня; а графиня Б. — об ней и говорить нечего — захворает от злости! Теперь я сама княгиня!..

СЦЕНА II

Зала, освещенная, в доме Ольги Ивановны.

ЯВЛЕНИЕ I

Ольга Ивановна, Артемий Никитич и Павел Степанович Гусин составляют одну группу и расхаживают, рассуждая между собою; гости — кавалеры и дамы, одни сидят, а другие прохаживаются также группами.

1-я группа:

1-я из них. Macher, я не понимаю, что Кокиев нашел в ней хорошего, что прельстился ею!..

2-я. Как прельстился?..

1-ая. Разве ничего не слышали?..

2-ая. Слыхала, да не верится...

1-ая. Как не верится! Сегодня будет их обручение.

2-ая. И потому-то у нее бал сегодня?..

1-ая. Да, она хотела, чтоб это было торжественно. (Уходят).

2-я группа:

3 дамы и один кавалер.

1-ая дама. Скоро, я думаю, и князь приедет!..

2-ая. Должно быть, скоро!

З-ья. Я не люблю больше князя: он скомпрометировал
этим себя!..

Кавалер. Зачем осуждать его?.. У всякого свой взгляд!..

З-я группа:

Артемий Никитич, Ольга Ивановна и Павел Степанович.

Артемий Никитич. Поздравляю, княгина! Ей-Бог!

Ольга Ивановна. Что делать! Не могла отказать! Я сжалась над ним; он так сильно влюблен, бедный... Хоть и молод, но я рискнула... Уж так и быть...

Павел Степанович. Молод, но могу вам доложить... Ум необыкновенный, а душа! Это невообразимо, что такое, что за душа, княгиня! Могу вас уверить в этом...

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, и Петр Иванович, вбегает впопыхах.

Ольга Ивановна (подходя к нему). Bonjour, Петр Иванович, очень рада видеть вас у себя; я рада, что вспомнили нас...

Петр Иванович. Благодарю вас! Благодарю! Но... моя... я... извините, что прихожу; но... позвольте узнать, где князь?..

Ольга Ивановна (с удивлением). Князь? Его нет здесь, но, я думаю, скоро приедет...

Петр Иванович (встревоженный). Его нет!.. Его нет!.. А моя жена!.. Жена моя!..

Ольга Ивановна. А что ваша жена?! Что такое!..

Петр Иванович. Да она поехала сегодня утром кататься с князем... Я сам его просил.. И вот до сих пор не видать их... Я их весь день ищу!.. Обегал всех знакомых, и нигде их нет... И теперь научили к вам идти и у вас справиться!.. И я...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, и лакей.

Лакей (к Ольге Ивановне). Алексей желает видеть вас.

Ольга Ивановна. Алексей?!. Проси его скорее... Верно, он все скажет!..

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, и Алексей.

Ольга Ивановна (с живостью). Где князь?.. Где они?..
Алексей. Князь приказал вам кланяться!..

(Все собираются в одну группу).

Ольга Ивановна. А здесь когда будут?..

Алексей. Никогда-с. Они совсем уехали-с!

Ольга Ивановна. Как уехали! Куда?.. Не может быть!..

Алексей. Сказывали, что на Кавказ...

Петр Иванович. Как, уехал!.. А где же моя жена?..

Алексей. С ними уехали...

Петр Иванович. Как?.. На Кавказ!.. Неправда! А я что... что я... Что же они мне оставили?..

Алексей. Вам, сударь, приказали кланяться, и письмо вам оставили... (Дает письмо).

Петр Иванович. Дай его скорей!.. Что за шутки!.. (Читает.) «Многоуважаемый и почтеннейший Петр Иванович!.. Поздравляю с блистательным окончанием вашей замечательной статьи о эмансипации женщин!.. Я сочувствую вашему успеху и будущей славе... Чтобы вы заслужили славу эмансипатора, вам недоставало только осуществить вашу теорию, приложив ее к практике... Вы забыли это, но я вам помог: увез вашу жену в Москву, к родным, — так как она не желает жить с вами, а хочет остаться у родных... Я уверен, что вы будете мне очень благодарны; но не за что... Я исполнил только желание Александры Павловны — ее завезу в Москву, а сам уеду на Кавказ... Остаюсь ваш», и пр.

...Ах, я дурак! Я сам навязывал ему мою жену... Дурак я этаким! Болван!.. (Закрывает руками глаза).

Ольга Ивановна. Не может быть... Неправда!..

Алексей. И к вам есть маленькое письмецо-с!..

Ольга Ивановна. Подай его! (Читает.) «Многоуважаемая Ольга Ивановна!.. Я еду на Кавказ в той лестной надежде, что никогда не придется видеть вас!.. И слава Богу... Вы мне надоели... Артемий Никитич обманывал вас... Я вас никогда не любил». (С ней делается дурно, роняет письмо; одна из дам берет его и продолжает читать): Вы только рассчитывали на ваше богатство, но ошиблись!.. На ваши деньги вы можете купить многих, недостатка не будет!.. С истинным почтением», и пр.

Павел Степаныч. Неправда! Не смеет уехать! Он мне должен...

Алексей. Они уже уехали-с!.. А вам приказали сказать, что все, что должны, по чести пришлют, а что вы лишнее приписывали, предадут забвению... Но если хорохориться — начнете — и совсем ничего не получите, так как никаких доказательств не имеете...

Павел Степаныч. Дурак я!.. Сам разорвал вексель своими руками, да и деньги дал без расписки!.. Дурак я!..

Артемий Никитич. Ва! Что энт он зделил, сумашечи грузин!.. Уехал! Ва! Как уехал, мне денги должен... Пягь тысяч должин!.. Ва! Куда пошел...

Алексей. Они должны, но сказали, что пришлют через год, и вы раньше не имеете права требовать... А что касается до вас, то приказано мне взыскать с вас денежки... Да-с!..

Артемий Никитич. Что ты говоришь, какой денги?!

Алексей. Да, сударь, по тому векселю, который вы изволили дать Ольге Ивановне, по востребованию... Он теперь в моих руках, мне передан.

Артемий Никитич. Тебе какой дели! Что ты хочешь!..

Алексей. А то, сударь, что если не заплатите сегодня же — завтра вас в долговую посажу... Честь имею кланяться...

Артемий Никитич. Ва! Муж дурак, хазайн дурак! (Показывает на всех)¹. И я, да, большой дурак! Ва! Что зделил энт сумашечи грузин!..

---

¹ Подчеркнутое слово вписано рукой А. Церетели. — И. Б.

ЗАПРЕЩЕННАЯ ЦЕНЗУРОЙ...

А. С. Пушкину принадлежит мысль о том, что любая известная дотоле строка великого писателя является бесценным приобретением для потомков, ибо дополняет их представления о его жизненном или творческом пути. Ну, а что можно сказать, если речь идет не о строке, а о большом и законченном произведении, написанном, к тому же, самим Акакием Церетели?

В 1963 году вышел в свет последний, 15-й том Полного собрания сочинений А. Церетели, в который вошли и произведения, написанные им на русском языке, в том числе впервые опубликованные пьесы «Разбойник Арсений» и «Семейная революция». Пьесы эти были найдены в 1948 году в Ленинграде проф. Е. Б. Вирсаладзе¹.

В комментариях к 15-му тому Е. Б. Вирсаладзе писала о том, что в 60-х гг. в Москве А. Церетели создал на русском языке еще одно драматургическое произведение — комедию «Грузин и армянин, или Хитрость за хитрость», которая «построена на грузинском материале: это бытовая комедия. Действие происходит в Петербурге. Главными персонажами являются князь — грузин, живущий в России, и торговец-армянин. Остальные персонажи и их окружение — целиком русские»². Эта комедия (как и другие пьесы А. Церетели, написанные на русском языке) была запрещена цензурой.

Вот, собственно, и все, что мы знали об этом произведении А. Церетели. Почему оно осталось неопубликованным, сейчас трудно сказать, ибо ни Е. Вирсаладзе, ни главного редактора Полного собрания сочинений Г. Абзианидзе, ни членов редколлегии Л. Асатиани, И. Гришашвили, П. Ингороква и Ш. Радиани уже нет в живых.

Поскольку в комментариях не был указан точный адрес

---

¹ Впервые об этом было сказано в статье Е. Б. Вирсаладзе «Неизвестные пьесы Акакия», газ. «Литература да хеловнеба», 950, № 25 (на груз. яз.).

² Церетели Акакий. Полн. собр. соч. в 15-ти томах, т. XV, Тб., 1963, с. 701 и 702 (на груз. яз.). Далее ссылаюсь на это издание и этот том с указанием страницы в скобках.

хранения комедии, пришлось предпринять новые поиски, которые привели в Ленинградскую государственную театральную библиотеку им. А. В. Луначарского. Именно здесь при любезной помощи директора библиотеки Р. А. Михалевой и ее сотрудников (за что приношу им огромную благодарность) удалось наконец получить копию комедии А. Церетели.

Конечно же, произведение это требует серьезного анализа в контексте той эпохи и всего творчества А. Церетели. Здесь же я позволю себе высказать лишь несколько предварительных соображений.

Прежде всего о самой рукописи. Она переписана тем же каллиграфом, что и пьесы «Разбойник Арсений» и «Семейная революция». В тексте комедии есть несколько авторских правок. На верхней части титульного листа имеется авторская надпись: «Имею честь просить принять эту пьесу на условиях поспектакльной платы. Князь Церетели». На нижней части титула той же рукой указан адрес: «На Сенной площади у Страстного бульвара в собственном доме». Кроме того, на титуле имеются две цензурные приписки. Первая вверху: «По Реестру Н: Р: Ч: от 10 ноября 1864 года за № 1358» (и подпись). Вторая — ниже: «По журналу Т.-Л. [Театрально-литературного] комитета 29-го июля 1867, не одобрено к представлению. Председатель Комитета» (подпись)».

Касаясь адреса, указанного на титульном листе, Е. Б. Вирсаладзе писала, что «Сенная площадь находится только в г. Ленинграде, а Страстной бульвар — в Москве. Однако, как выяснилось после изучения соответствующих источников, Сенная площадь в прошлом, до 1872 года, действительно существовала в Москве и находилась именно на углу Страстного бульвара. Итак, комедия А. Церетели была послана в Театрально-литературный цензурный комитет из Москвы.

Период этот (1861—1866 гг.) является одним из «белых пятен» в биографии А. Церетели. Сам поэт в воспоминаниях «Основание грузинского театра» писал: «В 1862 [году] я на время приехал в Кутаиси и жил здесь... Весной я вновь отправился в Россию и несколько лет оставался там» (с. 701). «В 1864 году, — писал Л. Асатиани, — А. Церетели некоторое время жил в Москве. Двадцать четвертым июня этого года датирован его акrostих «В альбом невесте». Есть основание думать, что, покинув Грузию весной 1863 года, А. Церетели провел осень и зиму в Петербурге и представил в университет свою кандидатскую работу «Об оригинальности «Витязя в тигровой шкуре» (он начал писать ее еще на роди-

не, как явствует из письма Кириллу Лордкипанидзе). В «Пережитом» А. Церетели пишет: «Покончив с университетом, я перебрался в Москву, где в том же году женился»¹.

Как известно, поэт женился на Н. П. Базилевской в 1864 году. О том, что он в этот период занимался творческой деятельностью, свидетельствует и его стихотворение «Охота», которое имеет следующую авторскую датировку: «1864 года, Москва». В Москве А. Церетели задержал процесс, связанный с наследством жены. «В 1865 году, — писал Л. Асатиани, — Акакий все еще в Москве. «Я начал процесс и совершенно разорился, — пишет он в своих воспоминаниях, — дело не кончилось так быстро, как я рассчитывал...» Он вынужден был передать ведение процесса поверенному, а сам с женой выехал на родину»².

Все это надо учитывать, когда читаешь комедию А. Церетели, в которой говорится о власти денег, о том, как легко опытные дельцы и махинаторы обволакивают паутиной свои простодушные и пассивные жертвы.

И все же думается, что свою комедию, как и другие ранние драматургические произведения, А. Церетели писал в Петербурге. И дело не только в том, что именно в столице империи происходит действие двух его произведений (действие третьей пьесы «Разбойник Арсений» происходит в Грузии), а в том, что еще 16 августа 1860 года студент А. Церетели писал матери из Петербурга: «Я больше не буду печатать своих стихотворений в «Цискари» и, если желаете, буду посылать [их вам]. Так наберется у меня восемьдесят листов различных стихотворений и комедий...» (с. 700). Надо полагать, что в дальнейшем А. Церетели продолжал дорабатывать свои драматургические произведения, окончательно отделав их в Москве. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что комедия «Грузин и армянин...» была послана в цензуру осенью 1864 года. Решение же цензурного комитета последовало три года спустя. Видимо, автор все эти годы хлопотал о разрешении на постановку комедии, «беспокоил» цензурный комитет, но так ничего и не добился.

Что же представляет из себя комедия А. Церетели и почему цензура запретила ее? Прежде всего потому, что это глубоко социальное произведение подрывало устои современного поэту строя, подвергало резкой критике тогдашнее дво-

¹ Асатиани Л. Жизнь Акакия Церетели, Тб., 1971, с. 181.

² Там же, с. 183.

рянское светское общество. Комедия интересна во многих отношениях. Начать с того, что это один из ранних драматургических опытов поэта (первая грузинская драма А. Церетели датируется 1867 годом). Далее. До сих пор мы всегда подчеркивали, что в Петербурге «тергдалеулни» приобщались к идеям русской революционной демократии, к передовой русской культуре (об этом в «Пережитом», в многочисленных статьях и воспоминаниях А. Церетели имеется немало строк). И как бы замалчивали тот явный факт, что они прекрасно видели типичнейшие пороки пореформенной русской действительности. Именно обличению этих пороков и посвящается церетелевская комедия. Автор создает сатирическую картину нравов дворянско-чиновнического общества с его скудостью мысли, погоней за золотом и т. д.

Комедия А. Церетели — первое произведение в грузинской литературе, в котором реалистически воспроизводится жизнь России в переломную эпоху. Ее действие относится к 1862 году (ниже я объясню, почему так думаю).

А что происходит в это время в дворянско-чиновническом Петербурге? По сути дела ничего. Все остается по-прежнему. Церетелевские персонажи отнюдь не излечились от тех общественных и нравственных пороков, какими были наделены их собратья из грибоедовского «Горя от ума», лермонтовского «Маскарада» и других произведений. В то же время «новая волна» в общественной жизни дает о себе знать в комедии А. Церетели, в которой явственно ощущается биение пульса эпохи 60-х гг., когда в России начинают интенсивно развиваться капиталистические отношения. Персонажи комедии — продукты новой экономической обстановки, когда деньги становятся всемогущей силой (и это сближает их с персонажами Г. Эристави). Они отлично понимают это и потому так стремятся к стяжательству. Сила денег определяет поведение и взгляды этих людей.

В центре комедии — столкновение интересов Кузова и князя Дмитрия Александровича Кокиева, обладающего многими привлекательными качествами, умом, образованностью. Однако, несмотря на все это, автор резко обличает и Кокиева, прежде всего потому, что тот, понимая, что живет в обществе, где царит закон «человек человеку — волк», вместо того, чтобы бороться с пороками этого общества и со строем, породившим их (что делал в 60-х гг. каждый порядочный человек и патриот, в том числе и «тергдалеулни»), находит простой и легкий путь, выражающийся в философии — с вол-

ками жить, по-волчьи выть». Истоки же этой философии роются в его индивидуализме. Основной конфликт в комедии, конфликт дворянства с буржуазией, носит **социальный, а не национальный** характер.

В комедии, на первый взгляд, нет положительных персонажей, как и в гоголевских творениях. Говоря словами Н. В. Гоголя, здесь «мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет». Конечно, опять же говоря словами Н. В. Гоголя, А. Церетели мог бы сказать: положительный герой моей комедии — смех. Ведь отсутствие положительного героя вовсе не свидетельствует об отсутствии положительного идеала у самого писателя. Всегда что-то отвергается во имя чего-то. Но Акакий Церетели не был бы Акакием Церетели, если бы не смог очень тонко, как бы вторым пластом, но в то же время очень убедительно показать, что где-то рядом с этой уродливой, уходящей Россией живет и действует Россия молодая, которой принадлежит будущее.

Как известно, в 1862 году, после ареста Н. Г. Чернышевского, закрыли «Современник», и лишь 8 месяцев спустя он был возобновлен, после долгих и настойчивых хлопот А. Н. Некрасова. В комедии об этом говорится как о свежей новости. Следовательно, действие ее происходит в 1862 году. Скорее всего, именно в этот период создавалась комедия, которая содержит первый художественный отклик на арест Чернышевского, закрытие журнала, а также характеристику его революционно-демократической платформы, звавшей Русь к топору. Конечно, А. Церетели не мог сказать об этом прямо по цензурным условиям, но и восприятие платформы «Современника» глазами графини Б. тоже весьма убедительно.

В комедии А. Церетели затронуты немало и актуальнейших проблем той эпохи. Причем проблемы эти решаются во внешне легкой и смешной форме. Автор удачно строит сложнейшие коллизии, которые в определенной мере напоминают мольеровские (скажем, «Проделки Скапена»). Финал комедии, где персонажи поочередно читают письмо уехавшего Кокиева, напоминает гоголевского «Ревизора». Но все это только черты отдаленного сходства. Вполне естественно, что молодой А. Церетели учился у классиков мировой драматургии, кроме того, у Георгия Эристави. Но в комедии при всем желании нельзя найти и следов «ученичества». Это законченное и вполне зрелое художественное произведение.

Как ни старался А. Церетели скрыть за внешней незначительностью происходящего, занимательностью и комичностью

положений истинный идейный замысел своей комедии, обойти цензурные рогатки ему не удалось.

А. Церетели написал свое произведение на русском языке. Это был не первый и не последний случай в его творческой практике. И на это были, разумеется, свои причины. Когда, скажем, он написал и опубликовал свои статьи, посвященные Некрасову и Шевченко, на русском языке, он сделал это для того, чтобы его задушевное слово донеслось до Москвы и Киева, чтобы об отношении передовой грузинской общественности к корифеям русской и украинской литератур узнало как можно больше людей. В данном же случае он, видимо, желал, чтобы именно русский зритель познакомился с его воззрениями на процессы, происходящие в русской действительности.

Комедия А. Церетели — значительный факт в истории грузинской литературы и в многогранном наследии классика.

Игорь БОГОМОЛОВ

„ПЕПО“ В ХОНИ

Одинокая жемчужина к чему ее ни прикрепи — к парчовой ли одежде богача, к лохмотьям ли бедняка — не утрачивает своей ценности...

25 июля любители сцены показали в народном театре Хони «Пепо», и я случайно оказался среди присутствующих.

Хонцы вообще — типичные имеретинцы: они жизнерадостны, неугомонны, подвижны, говорят скороговоркой, а выведенные в «Пепо» горожане степенны, рассудительны. Как сумеют воплотить их на сцене любители, иные из которых никогда не покидали деревни и не то что городских купцов и кинто, самого города в глаза не видели?! Так с сомнением думал я про себя, но ошибался. Даже если бы наш любимый и добрый автор присутствовал на представлении, он непременно бы сказал: да это же настоящие мои крестники, только выговор у них иной.

Роль Пепо исполнял местный средних лет лекарь, и большинство пришло на представление ради него, но не потому, что он — известный актер, а потому, что им странно было видеть его на сцене.

И вправду это удивительно: в наше время мало кто из интеллигентов снизойдет до участия в подобных представлениях, дабы не изменить собственной солидности. Они думают, что такие мелочи, пусть даже с благотворительной целью организованные, не стоят их внимания. Литературные вечера, представления, различные общественные мероприятия для них — бремя. Им не до всего этого, у них и своих дел предостаточно: проверить пульс больным, попросить высунуть язык, вытряхнуть их карманы, либо остричь без ножа жирных клиентов. А если это служащие, то тем паче: они надуваются, как индюки, и, чертя крыльями землю, распускают веером хвост и важно при этом покрикивают, чтобы не показаться остальным легкомысленными.

Доктор Чхиквишвили не из таких. Только его попросили: «Ты нам должен помочь... У нас на роль Пепо нет никого», он тут же согласился: «Пожалуйста! Разве я могу вам в этом отказать! Пепо так Пепо!»

И он действительно вышел на сцену, но не смог воплотить образ привычного нам Пепо — кинто и рыбака. Взамен показал нам замечательный тип сегодняшнего Пепо-интеллигента.

Пепо — типичный представитель нашего общества; редкий грузин свободен от черт «пеповства», в той или иной степени они характеризуют почти каждого — в любом кругу, в любом сословии. Основа «пеповства» у всех одна, различны только фасадные стороны, т. е. воплощение в соответствии с кругом или сословием происходит по-разному. Кто же такой вообще Пепо? Правоверный христианин, который согласно велению Спасителя не тревожится, не заботится о завтрашнем дне, довольствуясь только днем сегодняшним. «Этот день в моих руках, а наступит завтра, поведем себя соответствующим образом!» — говорит он. И уповает сперва на Бога, а потом на себя, на свои силы, довольствуясь тем, что заработает и пожнет сегодня. Мало будет — все равно удовлетворится. Много? Раздаст другим и в душе еще попоет:

Пока я жив, я так живу,
собираю розу и фиалку...
А умру, так возрадуется
моей могилы червь*.

Честный кусок сладок, и он действительно ест сладко. Не травит сегодняшней хлеб своей мыслями о завтрашнем куске! Он и завтра будет надеяться на свои силы и, если судьба не обманет его, а руки не предадут, все будет в порядке! Соберет, что дал займы, бесприютным не останется. Этот заем — его собственные сердце и любовь, розданные друзьям. Он не забывает только подготовиться к смерти; он сам себя должен похоронить: на нем серебряный пояс, его снимут, когда он умрет, обратят в деньги и похоронят... Все! Кончено!..

Пепо любит свое ремесло — рыбную ловлю. Его место отдохновения — «омут Петрэ». Когда он бросает сеть, стоя в холодной воде, а грудь его овеивает прохладный речной ветерок и над головой перемигиваются звезды, тогда он счастлив, тем более, что в основе его чувства лежит благородное дело.

В этом отношении Пепо-кинто г-на Сундукяна очень отличается от кутилы Лопиана, который только тогда испытывает блаженство, когда его «возлюбленная сидит на кончике его ресниц, и он пирует в садах Ортачала!» А Пепо везде Пепо, где он движим честным трудом. Он знает себе цену. Он никому не отдавит ногу, но и не позволит никому раздавить себя. Он ве-

---

* Перевод подстрочный.

рит в Бога на небесах, и в Человека на земле. Его действия — молитва, обращенная к Спасителю — «Отче наш».

А теперь поговорим о его друге Какули. Кто он? Он также кинто, единомышленник Пепо, во всем сочувствующий ему. в горе ободряющий, в беде готовый пожертвовать собой. Он не жалеет для Пепо и последнего — серебряного пояса, этой платы за смерть, завещания души: «На, возьми его, продай, если тебе не хватает, вместе с другими вещами, только не позволяй ага Арутину притеснять себя».

Сегодня, когда старинный наш быт изменился, сам феномен кинто поблек и люди типа Пепо и Какули редко встречаются; прежде же им было вольготно.

Кто-то может подумать: что общего между кинто и деятелем-интеллигентом? Ответ напрашивается сам: честный работник желателен везде! Правда, одни в жизни берутся за большое, другие удовлетворяются малым, но и те, и другие нужны и полезны стране.

Пепо-кинто забрасывает сеть в «омут Петрэ», ловит трепещущих рыб... Правда, иногда среди них попадаются и змеи с лягушками, но он не боится этого... Он находит применение и тем, и другим и не бросит своего ремесла, пока не ляжет в могилу, чтобы там «возрадовать червя».

Разве истинный общественный деятель — не тот же Пепо, стоящий у омута нашей жизни? Разве его смелое и правдивое слово, пробуждающее страну, не та же сеть, в которую попадают и рыбы, и змеи с лягушками? Разве сам наш великий Учитель не избрал рыбаков первыми учениками? «Сегодня вы ловите неводом рыб, и отныне Я сделаю вас ловцами, человек к их же счастью».

Чей отличаются деятели наших шестидесятих годов от людей типа Пепо и Какули, например, С. Месхи, А. Казбеги, Г. Церетели? О своем личном «завтра» они тоже не думали, не заботились... При жизни, правда, не собирали фиалки, как Пепо, но «червя», подобно ему, возрадовали.

А разве молодые люди того времени, сочувствующие и поддерживающие их, своих друзей, не те же Какули?

Сегодня, повторяю, Пепо и Какули редко встретишь! Зато умножились и обрели твердую почву ага Арутины и Зимзимовы! Кто они, эти господа?! Интеллигенты, думающие только о своем личном благополучии; все общественное для них — повод для фальши и отвода глаз. Сегодня им еще везет, и нет нигде прежних Пепо и Какули, чтобы наказать их за фарисейство.

А если они и встречаются изредка, кое-где, то от их прежней прямоты и отваги нет и следа, и они отводят душу за бесполезными разговорами. Именно такого Пепо показал нам г-н Чхиквишвили на народной Хонской сцене. Он таким грустным голосом произносил монологи Пепо об арутин-зимзимовых, что чувствовалось, немало подобных им встречал он среди интеллигенции и их имеет в виду.

Да, «пеповство» вывело почтенного врача на сцену, где он сыграл свою роль если не мастерски, то по крайней мере искренне в назидание и пример другим.

АКАКИЙ

газ. «Иверна», 9 августа 1901 г.

Перевод Лианы **ТАТИШВИЛИ**

«НЕЖНОЙ ГРУЗИИ ПОЭТ...»

В истории русско-грузинского культурного сотрудничества начала XX века одной из ярких страниц, свидетельствующих о тесных контактах между представителями русской и грузинской литературной общественности, является высокое признание передовыми людьми России таланта и заслуг Акакия Церетели.

Акакий Церетели сыграл важную роль в формировании грузинской прогрессивной общественной мысли второй половины XIX века, в сплочении передовых сил для борьбы за национальную независимость и самобытность. В его поэзии удивительно сочетались лирическая нежность с силой и накалом страстей. Как писал академик Г. Джибладзе, Акакий «поднял грузинскую лирику на такую высоту, что еще никому из его многочисленных учеников не удалось приблизиться к достигнутому учителем».

Преклонение перед родиной, скорбь, вызванная ее страданиями, органически слились в его творчестве с любовью к грузинскому народу, его истории, традициям и культуре. Вместе с тем он признавал и высоко ценил все то прогрессивное, что отличало культуру других народов.

Некрасова, например, он называл «одним из талантливейших русских поэтов», о Льве Толстом писал как о мудреце, «гениальном художнике», «сознательном и смелом борце...» Его любимыми писателями были Пушкин, Крылов, Лермонтов, Тургенев.

В стихотворении «Памяти Гоголя» Акакий Церетели славил

...тот голос новый,
Что миру правду возвестил,
Потряс отечества основы
И краски жизни изменил.

Говоря о новаторстве, художественном стиле творений Го-
голя, Акакий высказывает мысль об общечеловеческой при-
надлежности поэтических шедевров:

Нет у искусства средостенья,
Творцы не расставляют вех,
Подобно солнцу, их творенья
По праву — принадлежность всех.

Отсюда и вывод — простой, лаконичный, пронизанный
силой убеждения:

Не может автор «Ревизора»
Чужим остаться для грузин.
(Перевод Б. Пастернака).

Искренняя любовь, признание смелого поэтического дара,
глубокое уважение и дружба характеризовали отношение к Ака-
кию представителей передовой русской общественности.

В 1908 году в Москве и Петербурге широко было отме-
чено 50-летие литературной деятельности Акакия. К этому со-
бытию было приурочено издание сборника его стихотворений
на русском языке. В 1913 году в переводе на русский язык
вышла историческая повесть А. Церетели «Баши-Ачуки» (всту-
пительная статья и редакция А. С. Хаханашвили).

Видный ученый и общественный деятель, преподаватель
Московского университета Александр Соломонович Хаханашви-
ли в своих исследованиях о литературной деятельности Ака-
кия Церетели обращал внимание русского читателя на основ-
ную тему его творчества: тему родины.

Во вступительной статье к повести «Баши-Ачуки», содер-
жавшей краткий обзор творчества Акакия, А. Хаханашвили
подчеркивал: «Одна тема варьируется в его творчестве, один
предмет приковывает его внимание, одной «милой» он увле-
кается: ей, родине, лишь отдается с упоением». «Вся жизнь
поэта с юных дней до седых волос проносится в мечтах о ро-
дине милой, — отмечал исследователь. — Патриотической ли-
рике посвящены наиболее блестящие и вдохновенные стихи
кн. Ак. Церетели».

Акакия не покидают мечты о возрождении любимой ро-
дины: поэт уверен, что она «лишь спит и вновь проснется, и
тех прославит имена, чье сердце к ней участием бьется».

Указывая на одну из тем лирики Церетели — тему друж-

бы разных народностей, А. Хаханашвили писал: «Его вдохновляет возвышенная мечта объединения народов и их преуспеяния».

В статье содержится самая высокая оценка творчества поэта: «Без преувеличения можно сказать, что в его поэзии нашли отражение все благородные мысли и чувства народа... он является его неустанным эхом, сладкозвучным соловьем».

Подлинным триумфом оказался приезд Акакия Церетели в Москву в 1913 году. Широко откликнулась на это событие русская пресса, в том числе газеты «Раннее утро», «Русское слово» и др.

Москвичи, читатели «Раннего утра», получив 10 января 1913 года свежий номер газеты, увидели в ней большой портрет Акакия Церетели. Под портретом была помещена статья. В ней корреспондент «Раннего утра» рассказывал о торжественной встрече, устроенной москвичами маститому грузинскому поэту, приехавшему в Москву из Петербурга, и приводил запись своей беседы с ним.

В беседе Акакий коротко рассказал о своем первом пребывании в Москве, а затем со свойственной ему прямоот и откровенностью поведал о тяжелом полсжении народов Кавказа, угнетаемых царским режимом. Корреспондент привел слова поэта: «В Москве я у вас проездом. Был в Петербурге по личным делам. В понедельник опять еду туда. Друзья упростили меня присутствовать на вечере грузин... Москву я помню 50 лет тому назад. Здесь, на Страстном бульваре, был у меня дом... Вероятно, сильно изменилась Москва за полвека, но я еще нигде не был. С вокзала — прямо в гостиницу. Что делается у нас на Кавказе? Ничего хорошего нет сейчас на Кавказе... Трудно, тяжело жить кавказцам. Еще при М. С. Воронцове было туда-сюда. И тогда нас русифицировали довольно усердно, но никто не посягал на наш язык, наши обычаи. Правда, Катков не упустил случая обвинить Воронцова в государственной измене.

Те дни прошли, и теперь...

Впрочем, вы сами хорошо знаете, что на Кавказе широко применяются репрессии».

Другая столичная газета «Русское слово» поместила на своих страницах статью, в которой говорилось:

«Грузинский поэт Церетели находится в настоящее время в нашей гостеприимной Москве. Долг передового русского общества — приветствовать его как представителя благородного народа и сказать ему, что русский народ искренне стре-

мится к единению «двух сестер», основанному на взаимном доверии и свободе».

Подготовка к встрече Акакия Церетели началась задолго до его приезда в Москву. Бурную деятельность развила молодежь — студенты московских вузов, особенно те, кто приехал на учебу из Грузии. Где бы они ни встречались, речь шла только об одном — приезде любимого поэта. Готовился к встрече и московский «Литературно-художественный кружок». 13 января в его помещении был устроен в честь поэта большой банкет. В нем приняли участие видные представители передовой московской общественности: А. Сумбаташвили-Южин, В. Брюсов, В. Гиляровский, Н. Телешов, П. Боборыкин, композитор М. Ипполитов-Иванов и многие другие.

По сообщениям газет, приехавший на банкет Акакий был встречен возгласами «Ваша!»¹, «Ура!» и дружными аплодисментами. От лица присутствующих Е. М. Суходольская (урожденная Чавчавадзе) преподнесла поэту букет красных роз, А. Сумбаташвили-Южин, приветствуя Акакия Церетели, попросил его занять место почетного тамады.

Крупный общественный деятель, драматург, режиссер и актер Сумбаташвили-Южин со свойственной его горячей натуре искренностью любил Акакия. В его поэзии он находил отражение души, мыслей и чаяний грузинского народа и вместе с тем проблем общечеловеческого значения. Об этом он говорил и на банкете, особо отмечая, что Церетели — достойный продолжатель традиций величайших поэтов, что он «унаследовал их божественное свойство переживать всем своим вдохновением мечту Пушкина о временах грядущих, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

На банкете в очень теплой, дружеской обстановке представители московских литературных кругов, грузинская, русская и армянская молодежь сердечно приветствовали выдающегося поэта и в его лице его замечательную родину — Сакартвело.

Одним из тех, кто особенно тепло говорил о Грузии, о творчестве Акакия, был известный русский писатель и журналист В. А. Гиляровский. Узы истинной дружбы связали Акакия Церетели и Гиляровского в 1908 году, когда отмечалось 50-летие творческой деятельности грузинского поэта. Для сборника, который издавался в Москве в связи с юбилеем, Гиляровский перевел несколько произведений Акакия. Ему же он

¹ «Ура» (груз.).

посвятил свое стихотворение-экспромт, прочитанный на юбилейном вечере поэта 15 декабря 1908 года. В стихотворении автор выделил черты, наиболее характерные, по его мнению, для творчества Акакия: правдивость и народность, смелость и искренность:

Вдали от каменных палат,
Под сенью бедных горных хижин,
Ему пастух был друг и брат,
Он был с простым народом сближен.

Правдив и искренен поэт,
Прекрасны смелые порывы,
Любовью, а не злобой, нет —
Звучат могучие призывы.

В его строфах то зной любви,
То грозных ледников метели.
Пиши, работай и пиши,
Поэт, Акакий Церетели!

Тогда же «король репортажа», как называли Гиляровского москвичи, подарил Акакию фотографию и книгу «Были». На второй странице титульного листа он написал две строчки из собственного перевода стихотворения Акакия «Ответ сердца», свидетельствующие о том, как импонировала поэзия Церетели думам и стремлениям Гиляровского:

Восторги мимолетных грез
Я слил с борьбою за свободу!

Для Гиляровского Акакий Церетели был певцом гордого и свободолюбивого народа. Сама Грузия казалась ему олицетворением свободолюбия. Эта мысль прозвучала и в стихотворении «Акакию», прочитанном Гиляровским на вечере в 1913 году:

От страны, где снег и вьюга,
Я горячий шлю привет,
Светлый гость, посланник юга,
Нежной Грузии поэт.
Здесь с тобой в снегах печальных
Вижу снова выси гор,
Тополей пирамидальных
Тепло-бархатный убор.

Звезд горящих хороводы,
Неба Грузии лазурь,
И дыхание свободы
В переливах горных бурь.

Это стихотворение вместе с портретом Акакия Церетели было напечатано на почтовой открытке, выпущенной в Москве в том же 1913 году по случаю приезда в столицу грузинского поэта.

С приветственным словом, обращенным к Акакию Церетели, выступили на банкете Валерий Брюсов, писатель Николай Телешов. От имени кружка по изучению грузинской литературы и искусства гостя приветствовал студент Г. Лагидзе. Выступили и другие представители студенческих организаций. От русской молодежи поэта приветствовал В. Кронин. Он высказал уверенность, что «русское молодое поколение будет идти нога в ногу с передовым грузинским поколением по пути к братству народов».

Один из участников банкета армянский поэт Ваан Терьян рассказывал впоследствии, что, слушая выступления студентов, поэт светлел лицом, губы не покидала ласковая, радостная улыбка.

Молодые ораторы, окончив речь, подходили к Акакию и целовали ему руку, а поэт целовал их в лоб. «Все время царили удивительный покой, искренность и непосредственность, — вспоминал В. Терьян. — Словно это был не банкет, а семейный ужин, где собрались многочисленные дети и внуки вокруг своего седовласого деда-патриарха и беседовали с ним».

Под конец слово взял Акакий:

— Я рад, что вижу здесь не только артистов и писателей... Все это говорит нам: близка и не за горами та весна, которая своими живительными и теплыми лучами согреет не только вас, но и нас. Я всегда верил, что скоро придет обновленная, молодая Россия, а вы, здесь присутствующие, — первые ласточки новой России... Итак, провозглашаю тост не только за вас, как за первых ласточек этой весны, но и за тех, кто придут вслед за вами не с колючками в руках, но с букетом, сотканным из братства, равенства и любви».

Обращаясь к студенческой грузинской молодежи, приехавшей в русскую столицу за знаниями, он, как бы предчувствуя близкую смерть, давал ей свои последние наставления. Умудренный жизнью поэт звал молодых друзей крепить братство.

интернациональную дружбу между народами. Он говорил: «Шовинизм, то есть извращенная любовь к родине, такая любовь, когда своей стране приносят в жертву счастье и благоденствие других — отвратительна». Прекрасно сознавая, что подлинный интернационализм своими глубочайшими корнями уходит в патриотическое чувство, что уважение и любовь к другим народам немыслимы без любви и верности своему народу, своей родине, Акакий Церетели напоминал:

— Кто не любит собственную мать, не способен полюбить и чужую. Кто не служит своему немногочисленному народу, тот не может быть полезен и человечеству. Через служение родине человек служит миру... Не забывайте, что будущее принадлежит вам и что родина ожидает от вас того источника бессмертия, который должен исцелить не только ее, но и все человечество. Живите счастливо, и пусть вместе с вами победит Грузия.

Эти слова были адресованы не только участникам вечера, но и всей грузинской молодежи, все решительней поднимавшейся на борьбу с царским произволом и национальным угнетением. И молодежь, читательская общественность Грузии с воодушевлением восприняли их: номер газеты «Тэми», в которой была напечатана речь Акакия Церетели, разошелся в Грузии необычайно быстро.

...Печальная и почетная миссия публикации в русской прессе статьи, посвященной Акакию Церетели в связи с его кончиной, выпала на долю студента Московского университета — молодого Тициана Табидзе. Эту забытую статью нам удалось разыскать в шестом номере журнала «Рампа и жизнь» за 1915 год.

Тициан Табидзе писал:

«Телеграф принес весть о кончине маститого грузинского поэта кн. Акакия Церетели... Смерть Акакия является тяжелой утратой для многострадальной Грузии. В лице его сходит в могилу последний из могикан славной стаи шестидесятников, деятельность которых в Грузии, как и в России, отмечена терниями и неугасаемым светом подвижничества. Кн. Акакий, как без фамилии называли его грузины, приобрел право на бессмертие тем, что выстрадал судьбу Грузии и воплотил свои переживания в перлы творчества. Чарующие, сверкающие проникновением стихи Акакия воспитали несколько поколений и закрепили за ним славу учителя поэзии.

Из-под пера поэта вплоть до последних дней лились стройные стихи, овеянные юношеским дыханием...»

„ЕДИНСТВО — НАША СВЯТЫНЯ“

Выдающийся грузинский поэт Акакий Церетели относится к тому ряду общественных деятелей, которые, возглавляя национально-освободительное движение, своим пером боролись против социальной несправедливости. И в творчестве, и в общественной деятельности А. Церетели проводил идею единства и добрососедских отношений между кавказскими народами. В своем стихотворении «Совет», написанном в период армяно-татарской резни, он призывает народы покончить с враждой и объединиться.

Брось меч, кинжал,
Подай братски руку!..
Не смотрите друг на друга
вражески и отчужденно!¹

А. Церетели хорошо понимал, что разобщенность закавказских народов выгодна только их врагу, который, разделяя их, легко утверждает свою власть. Поэтому он призывал к единству и сплочению в борьбе против внешнего врага:

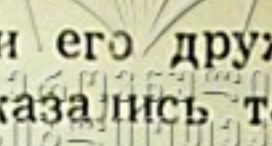
Объединитесь, братья, помиритесь,
Подайте друг другу руки
И встретьте внешнего врага
Смело, мужественно.

Еще будучи студентом, Акакий Церетели, как отмечал исследователь его творчества Леван Асатиани, заинтересовался бытом, культурой и языком азербайджанского народа. Позднее он неоднократно посещал Баку и даже посвятил ему одно из

---

¹ Здесь и далее переводы стихов подстрочные.

своих стихотворений. Интерес Акакия Церетели и его дружеское расположение к азербайджанскому народу сказались также в том, что он один из первых среди грузинских писателей обратился к творчеству великого азербайджанского писателя XIX века Мирзы Фатали Ахундова и перевел его пьесу «Везирь Ленкоранского ханства». Как известно, всю свою сознательную жизнь Ахундов провел в Тбилиси. Здесь он создал свои замечательные произведения и здесь же в 1853 году вышла его первая книга на русском языке. Именно этим русским изданием воспользовался А. Церетели и в 1898 году в своем «Сборнике» опубликовал грузинский перевод пьесы Ахундова, который назвал «Ханский везирь». Перевод предваряла небольшая статья, знакомящая грузинского читателя с автором. «Эта драма написана Мирзой Фатали Ахундовым, писателем, творившим во времена Воронцова. Он выступил на литературной арене вместе с нашим Георгием Эристави и выказал большой талант. В его произведениях, как в зеркале, отразилась жизнь турок». Грузинская драматическая труппа осуществила постановку пьесы Ахундова 31 января 1898 года. Пьеса была бенефисной. «В грузинском театре часты были бенефисы, — вспоминал Иосиф Гришашвили. — Один из бенефисов устраивался в честь кассира грузинского театра Симона Калабегишвили. Бенефицианты обычно старались выбрать пьесу, которая принесла бы хороший доход. В театре прошел слух, что Акакий написал новую пьесу. Его не было в городе, и кассир, не спросив у него, выбрал к бенефису «Ханского везиря». Афиши и все четыре тбилисские газеты («Ивериа», «Цнобис пурцели», «Кавказ», «Новое обозрение») сообщили общественности, что в честь бенефиса Калабегишвили грузинский театр ставит новую пьесу Акакия. О Мирзе Фатали Ахундове не было сказано ни слова, так как полагали, что пьеса Акакия соберет гораздо больше зрителей.

Поэт узнал об этом только в день премьеры. Было уже поздно печатать опровержение в газете, весь его гнев пал на руководство театра.

После премьеры в газете «Цнобис пурцели» появилась статья Ак. Церетели, в которой он давал высокую оценку творчества М. Ф. Ахундова, соглашаясь с критиком Ап. Григорьевым, назвавшим Ахундова «азербайджанским Мольером». Мы, грузины, — писал Ак. Церетели, — ничего не знали об этом писателе, равно как и о жизни нашего соседа — азербайджанского народа, поэтому я взял пьесу «Ханский везирь» и почти слово в слово перевел ее.

Пьеса была переведена так, что читатель принял ее за оригинальное произведение. Азербайджанский картвелолог Дилара Алиева сравнила перевод А. Церетели с русским вариантом пьесы, который тот считал оригиналом, ибо он был выполнен самим автором, и пришла к выводу, что грузинский перевод очень близок к оригиналу, в нем сохранены все его особенности, найдены соответствующие грузинские идиомы и народные выражения...

О популярности Акакия Церетели в Азербайджане свидетельствует хотя бы то, с какой любовью было отмечено там 50-летие творческой деятельности «некоронованного царя» Грузии.

Мусульмане Закавказья выразили свою любовь и уважение к поэту сперва на юбилейном вечере в Грузии а затем в Баку. В грузинской, русской и азербайджанской прессе была опубликована масса поздравлений.

Юбилейный вечер был назначен на 7 ноября 1908 года. С приближением этой знаменательной даты все более росло число желающих принять участие в грузинском национальном торжестве. Что было этому причиной? Прежде всего, очевидно, главный нерв творчества Акакия Церетели — идея освобождения родины, которая была одинаково близка сердцу грузина и негрузина. Во всех уголках Закавказья все, кто был знаком с творчеством поэта, знали, что для Акакия не существует национальных различий, ему люб человек любой национальности, если тот является патриотом своей страны и заботится о ее благоденствии.

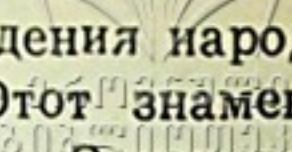
«Большая любовь к родине рождает большую любовь к человечеству», — говорил Иакоб Гогешашвили, — и действительно, как славен путь от «Рассвета» до «Интернационала»¹, «неумолимое совершенствование» сильной, гордой души, охваченной «неистребимой мечтой» о свободе трудящегося человека, мыслящей такими великими гуманистическими категориями: «Родина — моя икона, молельня — целый мир». Он не проповедовал уникальности своей родины, он мыслил ее в единстве с другими странами. Это — традиция великой грузинской литературы, традиции Руставели»².

Юбилейный вечер Акакия Церетели, отмеченный 7 ноября, как писала газета «Торговый путь», вылился в нацио-

¹ Акакий перевел «Интернационал» на грузинский язык.

² Т. Чиладзе, предисловие к I тому пятитомника А. Церетели, «Сакартвело», 1990.

нальное торжество. Это был день Грузии, пробуждения народа, его самосознания, «воскрешения из мертвых». Этот знаменательный день представители остальных народов Закавказья восприняли как собственный праздник. Для передачи поздравительного адреса юбиляру мусульманское благотворительное общество Кавказа избрало почетную депутацию: Джалила Мамеда Кулизаде, Назарбека Султанова, Мамеда Хасана Имамова и Юсубека Хонбудагова.

Со словом на вечере выступил Дж. М. Кулизаде, известный беллетрист, редактор юмористического журнала «Молла Насреддин». Он был активным участником акций, направленных против армяно-татарской резни и, подобно Акакию Церетели, призывал к единению закавказских народов. «В течение многих веков три наших народа — грузины, азербайджанцы и армяне — живут бок о бок. Судьба навеки связала их, но, к сожалению, не позаботилась, чтобы они были близки друг другу не только по месту проживания, но и духовно. Я говорю об этом потому, что перед глазами еще стоит страшная картина армяно-татарских столкновений и кровопролитий, которая всем трем закавказским народам принесла одни потери... Гораздо полезнее и плодотворнее для всех нас, если мы будем жить в мире и рука об руку идти по пути просвещения, культуры и света. Воодушевленное этой высокой целью мусульманское благотворительное общество Кавказа в нашем лице приветствует вас и желает всех благ вам, уважаемый князь Акакий, как лучшему борцу грузинского народа за процветание своей родины, ее счастье и просвещение. Ваш призыв к возрождению родины глубоко запал в наши сердца и вместе с вами, уважаемый поэт, мы повторяем: «Не умерла она, просто спит, и вновь она проснется».

Мы глубоко убеждены, уважаемый Акакий, что это пробуждение будет результатом не разобщенности народов. Придет время, и лучшие сыны всех трех наших народов вместе с передовыми силами народов России вместе повторят: Да здравствует поэзия! Да здравствует просвещение! Да здравствует прогресс! Да здравствует Единство!».

В дни юбилея из Азербайджана поступило огромное количество поздравительных телеграмм, среди них телеграммы от мусульманского духовенства и просветительского общества «Саадет», редакции газеты «Терек» («Прогресс») и издательства. В одной из них читаем следующие строки: «Деятели, подобные Акакию Церетели, принадлежат всему Кавказу, и изу-

чение их произведений — лучшее средство для единения сынов нашей общей Отчизны».

Все газеты Баку откликнулись на юбилей грузинского поэта. Но мы отметим лишь статью известного азербайджанского литератора бей Кочарли. Подробно рассказав о творческом пути А. Церетели, он особо отмечает его теплое, дружеское расположение к азербайджанскому народу и огромную заслугу перед своей страной. Отмечая роль благословенного поэтического слова Ак. Церетели в деле единства и побратимства кавказских народов, Ф. Кочарли пишет: «Основная тема для Акакия Церетели — братство и дружба. Его мечта — союз и единство народов. Она вдохновляла поэта и возвышала его устремления. Своим острым пером он бичует врагов единения и дружбы народов, тех, кто сеет между народами вражду. Все нации для Церетели одинаковы, все для него — братья».

Тут же отметим, что Ф. Кочарли еще при жизни Акакия Церетели перевел его «Сулико» и даже опубликовал в прессе, но, к сожалению, мы не смогли обнаружить этот перевод. Долгое время азербайджанский народ пел «Сулико», будучи уверен, что эта песня народная. Приветствия юбиляру были опубликованы в «Вестнике Баку», «Кавказском обозрении», «Каспии». Газета «Каспий», в частности, выражала сожаление по поводу того, что кавказские народы не знают толком друг друга, в том числе и литературы своих соседей. Но, подобно другим газетам, выражала уверенность, что «национальное торжество грузин послужит основой для лучшего узнавания и дружбы между кавказскими народами».

Ежедневная экономическая, политическая и литературная газета «Торговый путь» с радостью отмечала, что на юбилей поэта в столицу прибыли люди не только из различных уголков Грузии, но не осталось народов, живущих от Черного до Каспийского морей, представители которых не протянули бы братской руки грузинам в эти торжественные дни. Праздник Акакия заставил забыть былые распри, раздиравшие кавказские народы, став символом их единения, братства и любви.

Акакий Церетели получил огромное количество подарков, депутация из Баку преподнесла ему ковер, а грузинская труппа из Баку — позолоченное серебряное перо.

Поэт благодарил всех и, обратившись к азербайджанской депутации, в частности сказал: «Ваше здесь присутствие меня вообще радует. Если в прошлом между нами и вами лежал натовченный меч, то в наше время благодаря просвещению и

прогрессу, этот меч превратился в связующее звено, основой которому служат единство и любовь.

Мы ждем света с мусульманского Востока и готовы не смотря на различие в вероисповедании, встретить его с открытой душой. Да будут благословенны отныне единство и любовь между нами!»

И хозяева, и гости юбилейных торжеств в честь Акакия в один голос признавали интернациональный характер их. В те дни «представители различных народов получили возможность протянуть дружескую руку друг другу, вернее, различные народы протянули руку дружбы грузинскому народу, которому чужды какие бы то ни было шовинистические устремления и большинство которого научено жить в мире с другими народами».

Таково было общее мнение: юбилей Акакия приобрел характер глубоко содержательного, национального и интернационального торжества.

21 декабря начались юбилейные торжества в честь Акакия в Баку. Рабочий клуб не мог вместить всех желающих. Сюда пришли азербайджанцы, грузины, проживающие в Баку, русские, армяне, украинцы, евреи, греки — представители рабочих и интеллигенции. Лились звуки «Мравалжамиер», и юбиляр со светлой улыбкой на лице слушал восторженные речи грузин и негрузин. В бакинской прессе были опубликованы выступления различных deputаций.

Смерть Акакия Церетели потрясла всех. Вместе с грузинским народом его оплакивал азербайджанский народ. И его сочувствующий голос, обращенный к одетой в черное Грузии, звучал как глас надежды. Газета «Кавказская речь» писала: «Друг познается в беде, и кавказские мусульмане, которые являются истинными друзьями Грузии, разделяют ее горе. Со всех концов нашего края мусульмане спешат выразить соболезнование грузинскому народу... И если дружба народов не является пустым звуком, то здесь, перед открытой еще могилой грузинского певца, можно увидеть реальное проявление братства между грузинами и мусульманами Закавказья».

В Тбилиси поступило множество траурных телеграмм из Баку, Нухи, Елизаветполя (нынешней Гянджи), Нахичевани и других городов Азербайджана.

«Сегодня весь грузинский народ оплачет в столице своего великого поэта, и здесь же предаст его земле в пантеоне под лазурным небом, — писал Самсон Кипиани в статье, опубли-

кованной в газете «Самшобло», — этот день для грузин — день великой скорби, но, видя, что вместе с грузинами оплакивают русские, турки, персы, армяне, лезгины, осетины, евреи, что они разделяют их горе, поневоле испытываешь некоторое облегчение, ощущаешь какую-то надежду. Воистину, как говорил поэт, единство для нас святыня, а для врагов — гибель».

Перевод произведений Ак. Церетели на азербайджанский язык начался в основном в 30-х годах нашего столетия. К столетнему юбилею поэта было создано немало статей и исследований. Стихи А. Церетели переводились известными азербайджанскими поэтами — Самедом Вургуном, Мамедом Рагимом, Расулом Рза, Сулейманом Рустамом и другими.

В нынешнем году к 150-летию со дня рождения поэта выйдет его «Избранное», основная часть которого переведена азербайджанским картвелологом Диларой Алиевой.

Бондо АРВЕЛАДЗЕ

Акакий Церетели и Армения

Выдающийся грузинский поэт и общественный деятель Акакий Церетели с глубоким уважением относился к братскому армянскому народу и его прогрессивно мыслящей интеллигенции. В ряде поэтических и публицистических произведений грузинского поэта лейтмотивом проходит тема любви к армянскому народу. В этом плане представляют интерес стихотворения Акакия Церетели, посвященные основоположнику армянской драматургии Габриэлу Сундукяну. Первое стихотворение, посвященное Г. Сундукяну, было опубликовано в «Иверии» в 1901 году. Стихотворение озаглавлено «Другу», подзаголовок: «Посвящаю Г. Сундукяну». По убеждению поэта, человек в первую очередь оценивается не по национальному признаку, а по своим человеческим качествам.

Независимо от роду и племени,
Желаю добра всем тем,
Кто — настоящий мужчина,
Чье сердце пылает правдой.

Я предпочитаю всему
Единство и братство с таким человеком!..
И удвоение сил от подобного союза
Я почувствовал давно*.

Передовые сыны всех народов во все времена призывали к укреплению добрососедских связей. И грузинский поэт был

---

* Здесь и далее переводы стихов подстрочные.

верным поборником этой благородной мысли, но он отмечал, что братский союз между дружественными народами не должен быть односторонним.

В 1910 году Акакий написал стихотворение «Г. Н. Сундукяну», исполненное братской любви. Основная мысль и идея его, как драгоценный дар, завещаны грузинскому и армянскому народам.

Ты армянин, а я грузин,
Но мы с тобою братья,
Сыны одной земли,
Одной окрестности, одной горы!

Великий и гордый Кавказ
Сделал гордой твою природу.
И цветущие твои окрестности
Приятно окрасили твои страсти.

В этом стихотворении отчетливо звучит братская любовь грузинского народа к дружественному армянскому народу и к одному из лучших ее сынов — Г. Сундукяну.

Волнение буйных страстей
Ты щедро вплел в свои записи,
И бессмертие навсегда
Обрел и сроднился с ним.

К чувству и желанию грузинского народа
Я присоединю и сокровенные свои мысли,
Я преклоняюсь пред тобой, великий деятель,
Как младший брат перед старшим братом...

Акакий Церетели, очевидно, имеет в виду возрастную разницу, называя Г. Сундукяна своим «старшим братом». Он был моложе его на пятнадцать лет, но это не мешало их тесной дружбе. Вот что писал И. Гришашвили: «Акакий был большим другом Сундукяна. Кто не встречал в свое время этих двух мужчин, прогуливающих под руку по проспекту Руставели? Кто знает, сколько говорили они и мечтали об истинной братской дружбе своих народов».

В одном из воспоминаний Акакия Церетели о Г. Сундукяне, опубликованном в газете «Тэми» (1912, № 4), армянский драматург предстает перед нами как человек нежной, чувстви-

тельной души. Ранним весенним утром прогуливаясь по Муштаидскому саду, Акакий как-то увидел Г. Сундукяна, неподвижно стоящего на коленях под буйно цветущим персиковым деревом. «Я вздрогнул, — пишет Акакий, — решил, что он помешался...» Но поэт не рискнул нарушить его уединения, сел на скамью в отдалении. «Спустя полчаса появился восторженный Габриэл и обратился ко мне: «Акакий-джан, что ты здесь сидишь, пойдем, я тебе покажу кое-что, — схватил меня за руку и потащил к тому персиковому дереву, — видишь? Почему ты не падаешь ниц и не преклоняешься прекрасному? Я каждое утро прихожу сюда и молюсь».

Как видно, Г. Сундукяну не было чуждо пантеистическое мировосприятие. Об этом свидетельствует еще один рассказ о Г. Сундукяне Ил. Зурабишвили, который, впрочем, передает его со слов Якоба Тутадзе, друга семьи Г. Сундукяна: «Каждое лето наши семьи проводили в Боржоми. Я заметил, что перед отъездом, когда все ждали экипажа, чтобы отправиться на вокзал, Габриэл, как правило, куда-то исчезал и появлялся через час, а может и больше, как раз тогда, когда мы садились в экипаж. Так повторялось из года в год.

Однажды, это было наше последнее лето в Боржоми, перед отъездом Габриэл как обычно исчез. Подъехал экипаж, мы сложили багаж, оба семейства расселись по местам, а Габриэла все нет. Его жена попросила меня отыскать его. Я направился к лесу, так как заметил, что он уходил в сторону леса, поднялся по кратчайшей тропинке на холм, чтобы оттуда обозреть окрестности, и вдруг заметил его на опушке: он стоял под огромной сосной и восторженно смотрел на нее, затем несколько раз обошел ее, приблизился к ней, обхватил ствол руками, поцеловал и пошел к дому.

Поравнявшись со мной, он понял по выражению моего лица, что я все видел, и с улыбкой произнес:

— Знаешь, Якоб, тут есть одна сосна, воистину королева всех деревьев! Я с ней прощался...

Я был так ошеломлен, что не смог произнести ни звука. Что-то подсказывало мне — на моих глазах свершилось какое-то таинство».

Акакий Церетели тяжело пережил кончину Г. Сундукяна. Печаль и думы, навеянные скорбью, он выразил в своем стихотворении, написанном в 1912 году, которое пронизано огромным уважением и любовью к армянскому драматургу.

Г. Сундукян родился и вырос в старинной тбилисской семье. Языком общения в ней был грузинский. Более того, бу-

дучи студентом Петербургского университета Г. Сундукян переписывается с матерью на грузинском языке, и их переписка составила увесистый том. Если принять во внимание, что Г. Сундукян сам переводил на грузинский язык свои пьесы, то становится понятной особенная любовь драматурга к Грузии и чувство дружбы и любви к нему со стороны Акакия Церетели. На юбилее, посвященном Р. Эристави, Г. Сундукян сказал: «Мы, рожденные в Грузии армяне, возвращены грузинской землей. Мы разделяем все ее радости и горести и будем разделять всегда».

Акакий Церетели принимал участие в грузинской постановке пьес своего друга. Пьеса Г. Сундукяна «Еще одна жертва» была поставлена на грузинской сцене в 1876 году. В спектакле Акакий исполнил роль «тергдалеули» Михэила. Газета «Дрозба», рассказав о постановке, отмечала актерский талант Акакия.

Обширную статью Акакий Церетели посвятил грузинской постановке «Пепо». «Пепо» была поставлена в Хони 25 июля 1901 года местными театрами-любителями. На этом спектакле присутствовал и Акакий. Поэт был пленен как пьесой, так и ее исполнением.

Акакий рассматривает идейно-художественное содержание «Пепо», ее социальный характер наводит его на глубокие размышления. Поэт верно замечает в образе Пепо добросовестное трудолюбие и искреннюю честность. Такие люди нравятся поэту, за ними он видит будущее.

Значительное место в творчестве Акакия занимают публицистические статьи о литературе, истории и вообще культуре армянского народа. Среди этих статей особый интерес представляют: «Нужно походить на себя» («Дрозба», 1875, № 7), «Что сказали мы и что говорят они» («Дрозба», 1875, № 9), «Тбилиси 5 февраля» («Дрозба», 1880, № 29) и др.

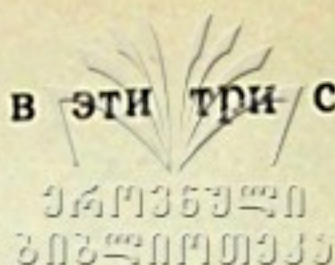
В стихотворении «Совет» поэт выступил против столкновений армян и мусульман в Закавказье, и в частности в Тбилиси, в 1905 году:

Отбросьте саблю... кинжал,
Протяните руки друг другу по-братски!
И лучше встречайте врага внешнего
Смело... Мужественно.

В 1911 году поэт пишет стихотворение: «Братство, единство и любовь», которое призывает к согласию и дружбе между

народами. Поэт проклиняет тех, кто не верит в эти три священных слова:

Во всем мире среди людей
Будь проклят тот,
Кто не верит и не хочет
«Братства, единства и любви».

Прочный международный союз —
Это учение и заповедь Христа
Навеки для всех —
А не кратковременный сон.

Акакий считает, что те, кто истинно верит в «братство, единство и любовь», отличаются высокой гражданственностью.

Кто истинно верит
И истинно проникнут этим,
На него снизойдет подобно манне
«Братство, единство и любовь».

Поэт справедливо думает, что для некоторых фарисеев эти слова — пустой звук.

Кто произносит пустые слова,
Держа при этом в душе иное,
Напрасно сказанное им:
«Братство, единство и любовь».

На страницах армянской периодики публиковалось немало интересных сведений об Акакии. Эти сведения значомят армянского читателя с творчеством грузинского поэта. В газете «Мшак» («Рабочий») за 1908 год (№ 271) армянский литератор Т. Фирумьян писал, что Акакий Церетели «систематически сотрудничает во всех журналах и газетах. Он пишет стихи и поэмы, беспощадные фельетоны, рассказы, статьи об истории, фольклоре, короче говоря, его произведения очень популярны. Немало стихов Акакия положены на музыку, его лира выражает сокровенные мысли людей, и поэтому Акакий самый народный поэт в Грузии».

Рассказав о творческом и жизненном пути Акакия Церетели, Т. Фирумьян завершает свою статью следующими словами: «Лира Акакия многогласна, но ее основной мотив — пат-

риотизм. Чаще всего он изображает любимую Грузию прекрасной, но оскорбленной возлюбленной, которую без устали воспевают. Акакий никогда не повторяется, каждое его стихотворение отличается каким-то новым нюансом. Это обстоятельство сослужило имеретинскому крестьянству огромную службу и разбудило его».

Здесь же надо отметить, что Т. Фирумян, говоря о том, что поэзия Акакия разбудила имеретинское крестьянство, не совсем прав, так как поэтической лире Акакия внимала вся Грузия. И сам он был категорически против такого узкого, местнического понимания его поэзии:

Грузия — это чонгури,
Мы все ее струны,
И если хоть одна оборвется,
Ей немедленно надо помочь.

Акакию Церетели посвящена статья известного армянского публициста Ал. Каландари «Юбиляр». Ознакомив своего читателя с местом и ролью поэзии Акакия в грузинской литературе, Ал. Каландари отмечает: «Наряду с великолепными стихами у Акакия встречаются и слабые стихи, но если сегодня обозреть творческий путь юбиляра, то убеждаешься в неизмеримой заслуге поэта перед грузинской литературой и общественной жизнью».

От имени армянской писательской общественности А. Каландари искренне поздравил с юбилеем патриарха грузинской лирики.

Горячо поздравил Акакия Церетели с семидесятилетием и известный армянский публицист А. Аракелян. (Газ. «Мшак», 1902, № 272). В обширной информации он подробно рассказал о юбилейном вечере, состоявшемся в Тбилиси 7 декабря 1908 года. «Юбилей подобного масштаба не проводился ни для одного писателя и общественного деятеля», — заключает А. Аракелян.

Армянская общественность с глубокой скорбью приняла известие о кончине Акакия Церетели. Свидетельством тому являются опубликованные в армянской периодической прессе объявления, письма и статьи, в которых выражено искреннее сожаление армянского народа и его передовой интеллигенции в связи с кончиной великого грузинского поэта. Здесь же отметим, что во время болезни А. Церетели армянскую общественность регулярно информировали о состоянии его здоровья,

систематически публиковали бюллетени (газ. «Горизон», № 13, «Мшак», № 4, 7, 8, 10, 11).

В связи с кончиной поэта в газете «Мшак» (1915, № 28) была напечатана передовая под заголовком «Скорбь грузинского народа», в этом же номере опубликована статья Г. Мирагяна о творчестве Акакия. Г. Мирагян дает высокую оценку творческому пути, пройденному А. Церетели, называя его «первым поэтом» грузинской литературы. Газета «Мшак» публиковала телеграммы, выражающие соболезнование в шестнадцати своих номерах, а «Тараз» два номера почти полностью посвятил памяти Акакия.

Вообще в армянской периодической прессе (до 1921 года) публикуется много сведений о творчестве Акакия: например, во внутреннем обозрении журнала «Мурчи» («Молот») за 1889 год (№ 6), о творчестве грузинского поэта говорят В. Лусянян и А. Арасханян; в журнале «Тараз» («Мода») за 1891 год (№ 35) помещена информация о басне Акакия «Кот и Лев». В газете «Ардзаганк» («Эхо») за 1896 год находим сообщение об издании Т. Саховяном «Крылатого слова Акакия» и др.

Советская армянская периодическая пресса продолжила эту традицию, публикуя на своих страницах немало статей и информации о творчестве Акакия. Активно откликнулась армянская пресса и на 100-летний юбилей поэта. Орган армянской секции Союза писателей Грузии «Аршав» («Натиск») (1940) посвятил специальный номер юбилею грузинского поэта (этот альманах выходит сейчас под названием «Камурджи» («Мост»). В передовой «Акакий Церетели» обзереваются жизнь и творчество поэта. В этом же номере — статья профессора Л. Меликсед-бега «О творчестве Акакия Церетели». Л. Меликсед-бег, в частности, поясняет армянскому читателю этимологию слова «Баши-Ачук» и прослеживает следы его в грузинском, итальянском, русском и армянском исторических источниках. «Баши-Ачук — турецкое слово и означает «непокрытую голову». Так называли имеретинцев (жителей Западной Грузии) в XVI—XVII в., а прозвали их так потому, что вместо шапки они покрывали головы маленькими круглыми тряпочками, что создавало впечатление непокрытой головы. Так описывает имеретинцев итальянский путешественник Пьетро Делла-Валле, который побывал там в 1623 году. Согласно трудам профессора М. Полиметова (1928, 1937), в русских источниках XVII века имеретинский царь называется «Башачинский царь».

В том же альманахе («Аршав», 1940) опубликовано также воспоминание Мариам Туманян об Акакии Церетели. М. Туманян вспоминает: «С Акакием мы познакомились в 1887 году. Он часто бывал в нашей семье, но чаще всего посещал Анастасию Эристави - Хоштария. Анастасия тогда еще не была замужем за Георгием Церетели.

Анастасия была детской писательницей и видным общественным деятелем. Она издавала грузинский детский журнал «Джеджили» («Всходы»). У нее был литературный салон, который и посещал Акакий. Если бы даже Акакий не представлялся, в нем с первого же взгляда можно было угадать необычного человека. Его внешность производила огромное впечатление на окружающих. Он был достаточно высок, широкоплеч, с кудрявой, львинообразной головой. Лицо подвижное, глаза умные, выразительные. Своим появлением он как бы вносил живую струю, всех охватывало какое-то оживление».

Во втором номере журнала «Советакан граканутиун» («Советская литература») за 1961 год опубликована статья известного армянского критика В. Мнацаканяна «Дружба», в которой описаны дни юбилея (120-летие) Акакия Церетели в Тбилиси, Сачхере и Схвители.

Особенно приятно отметить уважение и любовь к Акакию, проявленное известным армянским поэтом Ваганом Терьяном.

В. Терьяну принадлежат воспоминания об Акакии Церетели, которые были впервые опубликованы в газете «Мшак» (за 1915 г., № 166). Воспоминания интересны тем, что в них описывается встреча поэта с грузинским студенчеством в Москве в 1913 году.

В. Терьян был первым переводчиком Акакия на армянский язык. Он перевел стихотворение Акакия «Песня кинто». Дата перевода неизвестна. При жизни поэта этот перевод не публиковался. Стихотворение, по всей видимости, было переведено в 1914—1915 годах, ибо, как известно из биографии Терьяна, в 1913—1916 годах он с особым прилежанием занимался изучением грузинского языка и литературы.

Наводит на размышления то, что прежде чем взяться за перевод вступления поэмы Ш. Руставели (В. Терьяну принадлежит великолепный перевод вступления «Витязя в тигровой шкуре»), армянский поэт сперва перевел стихотворение Акакия «Песня кинто». Возможно, это было сделано с целью приобретения навыка в художественном переводе с грузинского на армянский.

Над переводом стихотворения Акакия Церетели В. Терьян

работал с присущей для него дотошностью и высоким профессиональным мастерством. Поэт старается сохранить форму оригинала и цельность его содержания. В Ереванском литературном музее им. Чаренца, в личном фонде поэта хранятся черновые рукописные материалы, связанные с работой над переводом этого стихотворения. Они представляют собой 10-листовую тетрадь. На первой странице написано стихотворение на грузинском языке, затем — на русском, очевидно, для более ясного понимания содержания. А на следующей странице идет армянский текст стихотворения. Армянскому переводу стихотворения предпослана строфа собственного сочинения.

В своем стихотворении Акакий Церетели для воссоздания образа кинто использует лексику армянской ашугской поэзии, благодаря чему в армянском переводе сохранен художественный дух и колорит оригинала. Шестую строфу стихотворения В. Терьян не перевел, считая, видимо, что она не играет особой роли для выражения основной мысли стихотворения. Так что отсутствие шестой строфы в переводе — не результат небрежности переводчика, а глубоко продуманный ход.

С 20-х годов нашего века перевод творчества Акакия Церетели на армянский язык принял широкий и систематический характер. Были переведены его поэмы, стихотворения, рассказы.

В 1961 году в Ереване вышел сборник «Избранные страницы грузинской литературы». В этот сборник вошли образцы поэзии Акакия. Особого внимания заслуживают переводы Ав. Исаакяна: «Кутаиси», «Больной поэт», «Знатокам апелляции» и др. Интересны также переводы В. Терьяна, С. Таронци, В. Боряна, В. Норенца и других.

В заключение можно сказать, что Акакий Церетели пользуется у армянского народа такой же любовью и популярностью, как его армянский друг Г. Сундукян — у грузинского.

* * *

Единственная женщина
или одна из многих?
Сердцем этого не решить
и познания — недостаточны.
В самой жизни
и вне ее
стремятся они друг к другу
из своих вечностей, но не дотянуться им
все-таки
до рукопожатия;
им препятствуют ниспадающие
каскады необузданных сил,
крушения неведомых эпох
отделяют их друг от друга
и меня от них,
а я стою и смотрю, замороженный,
как сгорает маска этого хрупкого
и волнующего образа —
теряюсь в море
ее внутреннего света,
в хмеле ее женственности голубом
или в себе самом?

* * *

Они сверкают рыбками в воде
в своей сентябрьской лазури.
Цветы их влажны и атласны,
прозрачны листья пальм
и корни фикусов глубоки.

И там

По инициативе мэра г. Палермо Леолука Орландо в Италии готовится к печати книга произведений Ильи Чарчавадзе, над переводами которых вместе с другими итальянскими и грузинскими коллегами работает и известный итальянский поэт Марио Луци.

Наша читательница из Палермо Эмилия **САХАРОВА** предлагает свои переводы из книги М. Луци «На крещении наших осколков».

Палермо вам свое лицо покажет
с чертами и арабов и норманн,
арабов и анджойцев,
или предстанет вдруг
суровым Кьярамонте.
И все, что есть у них
они тебе подарят, и прозрачность утра...

* * *

Во сне или наяву —
эта радость, это возникновение?
Как воспринять их, в каком значении?
Светом и тенью

играют

Друг с другом

Два источника:

света и песни.

Или все та же это вода
вливается в нас вечным потоком
и в нас — разделяется,
и мы — различны?

Новеллы

**Одиннадцать мужчин
и одна женщина**

В пятницу по заводу пронесся слух, что односельчане Котэ Лория приглашают заводчан на его девяностолетие. Рабочие по сей день помнили и почитали этого замечательного человека, и нет ничего удивительного в том, что многим хотелось поехать на юбилей, вспомнить о славных трудовых делах дяди Котэ, помянуть его добрым словом, сказать теплые слова его многочисленному потомству.

— Раз нас приглашают, это не значит, что мы должны ехать всем миром. Но послать человек десять, причем самых почетных, необходимо. Такой прекрасный человек, каким был наш дядя Котэ, заслужил это, — сказал директор.

После обсуждения решили, что поедут двенадцать человек, те, кто работал с Котэ, его бывшие ученики, ныне почетные люди завода — одиннадцать мужчин и одна женщина — Натиа Маргалитадзе.

— Ой, а почему именно я? С дядей Котэ работали и другие. Неловко как-то... Кто-то может даже обидеться, — смутилась Натиа.

— Ну хотя бы потому, что когда этого замечательного человека и большого мастера провожали на пенсию, да будет земля ему пухом, он передал свой станок тебе как самой молодой и трудолюбивой! — сказал директор.

— А разве я не оправдала его надежд?

— Вот поэтому-то мы и посылаем тебя. Что тут непонятного? — в один голос заговорили мужчины.

— Поедем автобусом? — поинтересовался заместитель директора Роин Дидебулидзе.

— До Кутаиси — самолетом, а там автобусом — до села.

— Делегацию от завода возглавишь ты, Роин, и надеюсь... А вы, мужчины, ухаживайте за Натией, пылинки с нее сдувайте, ведь она — единственная женщина!

— Это хорошо, что только она одна, а то, известное дело, там, где собираются две, или того хуже — три женщины, я, конечно, извиняюсь, но начинается такая трескотня, что голова пухнет, — усмехнулся главный инженер.

— Соломонович, а вы, оказывается, отстали от жизни, — ответила женоненавистнику Натиа. — Теперь мужчины опередили женщин в этой области, куда нам до них, такое наворочают, такое наплетут, ай да ой...

Раздался приглушенный смешок.

Главный инженер хотел было съязвить, но увидев улыбающееся лицо директора, сдержался, сделал вид, что не расслышал сказанного.

— Председатель месткома с минуты на минуту принесет подарок, — продолжил директор. — Ты, Соломонович, преподнесешь его главе семьи и произнесешь достойный тост. Конечно, и мой заместитель скажет пару приличествующих событию слов, а остальных попрошу говорить коротко и лаконично. Да, и что самое главное, не увлекайтесь вином... Берегите престиж завода!

— А кто возьмет билеты на самолет? — прохрипел Кикнавелидзе, начальник цеха, в котором дядя Котэ проработал всю свою жизнь.

— Ты, главное, не опоздай на самолет, а об остальном есть кому позаботиться, — сказал директор и встал. Все последовали его примеру.

В воскресенье, точно в назначенный час, в аэропорту собрались все двенадцать путешественников — одиннадцать мужчин и одна женщина.

Председатель месткома, Коки Ушверидзе, держал в одной руке довольно объемистую, полную подарков сумку, а в другой — огромный букет цветов.

Натиа тоже пришла с букетом. В нарядном пла-

тье она выглядела гораздо привлекательнее, чем обычно.

Соломонович не удержался от комплимента.

— Если бы ты всегда была бы такой красивой, клянусь, от женихов не было бы отбоя.

— Эх, Соломонович, наши мужчины на работе ничего не видят, кроме станков, а за воротами завода — кроме своих «Жигулей» и «Москвичей»...

— Послушай! — покраснел главный инженер, — ты не первый день на нашем заводе работаешь, а до сих пор не знаешь, что старшим не перечат?

— Соломонович, так ведь то на заводе, разве там я бы посмела сказать хоть слово? Но тут... — улыбнулась Натиа, и мужчины поддержали ее дружным хохотом.

— Посадка начинается, как бы не опоздать, — промямлил Кикнавелидзе.

Вскоре все пассажиры разместились в салоне самолета, и воздушный лайнер отправился в Кутаиси.

Время пролетело быстро во взаимных комплиментах и в воспоминаниях о годах, проведенных рядом с дядей Котэ.

— Как хорошо, что мы вот так, вместе, приедем туда и помянем добрым словом этого почтенного человека, — сказал кто-то.

— Золотые у него были руки, — проговорил другой.

— Не пристало, конечно, радоваться причине, собравшей нас, но можно же собираться всем вместе и по радостному поводу, например, в день рождения? — заметил Михако Путкарадзе.

— Пусть от имени коллектива выступит Натиа, — неожиданно предложил Дидебулидзе.

— Что вы, что вы?! — взволновалась Натиа. — Нет, батано Роин. Там я и словечка не смогу вымолвить. Провозглашать тосты за столом не женское дело.

— Я представляю тебя присутствующим. Именно ты должна произнести пару теплых слов. Женщины это умеют, а ты что, не можешь сказать такое, чтоб там все всплакнули?

— Да, да, так будет лучше! — прохрипел Кикна-

велидзе, у которого из-за простуды совершенно пропал голос.

— Дядя Котэ тебя так любил, Натиа. И к тому же ты работаешь на его станке. Его родня и близкие должны знать об этом. Зачем же мы тебя в таком случае взяли с собой?

— Придумай что-нибудь, Натиа! Времени еще много.

— Друзья! Мы уже в Кутаиси. Вон, я вижу дома... — воскликнул Михако. — Красавец-город, а сколько зелени! Смотрите, храм Баграта в лесах, значит восстанавливают памятники старины.. Молодцы! Ну, что — двинулись к выходу?

На аэродроме они сели в автобус и вскоре въехали в родное село Котэ Лориа.

Родственники дяди Котэ разволновались — как же это, мол, не дали знать, чтоб встретить дорогих гостей в Кутаиси. А затем пошло по цепочке, от соседа к соседу, известие, что из Тбилиси приехали гости почтить память Котэ Лориа.

Собрался народ, двор заполнили родственники, соседи, приехавшие из соседних селений.

Вынесли огромный портрет дяди Котэ, букеты цветов, гости и родственники выстроились в два ряда и двинулись к кладбищу. Там, как и положено, всплакнула родня юбиляра, вспомнили о его заслугах, о славном трудовом пути и вернулись домой.

Во дворе их взору предстал огромный, без конца и начала, стол, вокруг которого расселись мужчины и женщины. И началось застолье.

Было сказано много тостов, много добрых слов. Хозяева соревновались в красноречии, благодарили приехавших за честь, которую они оказали родным и односельчанам Котэ Лориа.

Наконец наступил черед гостей. Они лицом в грязь не ударили. Соломонович так хвалил директора и его заместителя, что ушам не верили даже те, которые считали, что хорошо знали руководство завода.

За тостами последовали песни и даже танцы, так, мол, завещал дядя Котэ, а то разве сейчас до песен, до танцев, хоть и юбилей, но ведь его-то, дяди Котэ, нет...

Вдруг раздался крик Натии:

— Ой, господи! Мы опаздываем на самолет!
Все посмотрели на часы. Замечание Натии было признано справедливым, все как по команде встали из-за стола и направились к машинам.

— Э-эх! А тебя-то, Натиа, гордость нашего завода, я забыл представить... — Еле ворочал языком, изрядно нагрузившись, Соломонович. — Не надо было столько пить, нехорошо... Забыл представить нашу гордость...

— Не надо переживать, вы ведь не умышленно забыли... — печально улыбнулась Натиа.

— Добрая ты... Если позволишь, пожалуй, я вздремну...

— Да, конечно, вон некоторые уже давно спят...

Однако все настолько были разгорячены, что вокруг еще долго не смолкали возвышенные речи.

— Надо помнить предков, надо... Доброе это дело, — напыщенно произнес Дидебулидзе.

— Это уж мы умеем, дорогой Роин! — поддержал его главный инженер.

— Жаль только вот, что поздно в Тбилиси приедем, домой трудно будет добираться, — вновь заныл охрипший Кикнавелидзе.

— Меня будет ждать машина, и я могу подкинуть тех, кто живет в моем районе, — сказал Дидебулидзе.

— И меня будет ждать сын, так что от всей души рад услужить... — проговорил проснувшийся Соломонович.

— А в Тбилиси дождь! — воскликнула Натиа.

— Пусть идет, Натиа, дорогая, нам-то что. Машины подъедут к самым воротам, не растаем — не сахарные, — ласково обратился к ней Роин Дидебулидзе.

* * *

В Тбилиси действительно шел дождь. Пассажиры быстро сбежали по трапу и бросились к выходу. То ли из-за ненастья, то ли из-за позднего времени на площади у аэропорта было безлюдно.

Когда машина главного инженера уже сворачивала с площади на трассу, ведущую в город, Соломонович заметил съезжившуюся Натю, одиноко стоявшую на пустой площади. Он приказал остановить машину и спросил девушку:

— Натиа, ты что тут делаешь?

— Жду автобуса...

— Что это, для тебя места не нашлось? Глав-
ный инженер оглядел битком набитый мужчинами салон машины. — А у меня, как видишь, и яблоку негде упасть, а то взял бы тебя...

— Пусть это вас не беспокоит, Соломонович. Я привыкла ездить автобусом. — Натиа тоже взглянула на машину, набитую мужчинами. — Езжайте, а то уже поздно, завтра рано просыпаться...

— Надо же... И дождь некстати... — пробормотал Соломонович.

— Да, было б лучше, если бы он не шел... — Натиа тоскливо глянула на небо и тяжело вздохнула.

— Что ж ты не захватила зонтик? — раздраженно буркнул Соломонович.

— Утро-то было ясное, зачем мне был зонтик? Кто мог подумать...

— М-да... — тяжело кивнул головой Соломонович. — Если бы человек знал, когда будет дождь или снег... Тяжко! Ну, мы поехали...

— В добрый путь... — Слезы душили Натию, и она повернулась спиной к машине.

Удар

Семья Кахиани готовилась торжественно отметить день рождения сына.

Несмотря на занятость, Гено загодя начал подготовку к этому событию. Почти все необходимые продукты были закуплены заранее и размещены в холодильнике.

Забот хватало и у Ламары.

Освободившись от кухонных хлопот с помощью ближайшей соседки Гуранды, она начала освобождать столовую от мебели и так украшать гостиную, чтобы у приглашенных гостей дыхание перехватило от ее антиквариата.

Она ложилась поздно, но и тогда не успокаивалась, обзванивала знакомых и друзей и, словно бы между прочим, приглашала в субботу на день рождения Дачи.

— Ему исполняется двадцать лет. А это бывает раз в жизни, не так ли? С нетерпением ждем вас, она заканчивала со всеми разговор.

И вот наконец Ламара пробежала глазами длинный список провизии, в котором еще многое не было вычеркнуто, и возмущенно воскликнула:

— Осталось три дня, всего три дня, а дома до сих пор нет вина!

— Завтра утром мне его привезут из Кахети.

— А если не привезут?

— Привезут! Мой друг — человек слова, не подведет.

— Боже мой, как ты всем доверяешь, Гено, будто с луны свалился. А я... если б ты знал, как я волнуюсь. Знаешь ведь, какие люди к нам приглашены! Все должно быть на высочайшем уровне.

— Эх, если бы до этого дня дожили мама и папа. Как они любили Дачи... Мальчику уже двадцать лет. Как стремительно пролетело время, как незаметно подкрались годы, Ламара... Увы!

— На тебе годы не сказались, да и что для мужчины значит сорок пять лет? То-то женщины не дают тебе покоя...

Гено искоса взглянул на жену, ничего не ответил, отпил чаю, попробовал варенья, вытер губы салфеткой и уверенно произнес:

— Завтра утром вино будет, к тому же двух сортов! Ты лучше присмотри за своими делами.

— У Гуранды золотые руки, мы с мамой тоже ей поможем. Ты ведь знаешь, какие мама печет хачапури. Ты только не забудь пригласить квартет. Гости должны повеселиться на славу. Одним словом, наша семья должна быть на высоте положения, как этого заслуживаем мы оба, — улыбнулась Ламара.

На кухню вошел Дачи.

Гено посмотрел на сына и, вздыхая, сказал:

— Твоя мать задумала нечто грандиозное. Слишком уж она старается показать себя. Ты часом не собираешься представить нам невесту?

Дачи молча взял сыр и ломоть хлеба, налил себе чаю, стоя выпил его, и когда шагнул к двери, мать сказала ему:

— Да, сынок, если у тебя есть кто-нибудь на при-

мете и ты считаешь ее достойной нашей семьи, то пригласи ее и познакомь с нами.

— Да будет вам... — Дачи схватил лежащую перед отцом пачку «Мальборо», в знак прощания поднял руку и вышел из дому, грохнув дверью. Ламара с обидой проговорила:

— И это вместо благодарности! И в кого он такой уродился?! Говорят, яблоко от яблони недалеко падает. Все ложь! Мы с тобой, слава Богу, не белоручки, а он хлеба в дом не принесет. Странно, что сегодня он сам налил себе чаю. Лодырь!

— Это наша вина, что он такой. Слишком мы его баловали. И английский, и скрипка, и разные курорты, модная одежда... Не знаю, что из него получится... Ведь для тебя не секрет, что из уважения ко мне его все время тянут в институте, — сказал Гено.

— Ладно, Гено, не надо, ведь я тоже возмущаюсь его поведением, но что делать? Он наш единственный сын. Для кого и для чего еще мы так стараемся? Создали семью, выбились в люди, пользуемся уважением...

— В его возрасте я выступал с докладами на совещаниях студенческого научного общества, а он... не сумел сдать анатомию, гистологию, часто пропускает практику, мне сообщают об этом. Слушает магнитофон и смотрит видео. Бог знает еще, что за фильмы!.. Ничего не читает. А ты ему день рождения справляешь. Его профессора будут хихикать за твоим столом, и поделом нам. Мы превратились в мещан, обывателей, одного сына не смогли воспитать как следует!

— Сейчас все такие. Ну скажи, чьи дети убиваются из-за учебы?

— Ламара! Что ты говоришь, подумай!

— Чтобы пробиться в жизни, Дачи достаточно твоих заслуг, да и я не стою в тени, да, да!

— Все свое время ты отдаешь хору, повсюду едешь с ним и думаешь, что другой цели у тебя в жизни нет! Сын, сын—продолжатель нашего рода... Плохо мы его воспитали, пойми наконец!

— Не всем быть Нико Мусхелишвили и Захарием Палиашвили.

— Вот поэтому у нас должен был быть не один сын, а трое, четверо, чтобы хотя бы один оказался человеком! Мальчик или был в садике, или же на попе-

чении бабушек. Ты ни разу не повела его в кукольный театр, зоопарк, не прочитала ему ни одной книжки, вот он и... Всю жизнь поешь для других, а сыну ни разу не спела колыбельную. Теперь же удивляешься, что он равнодушный, неблагодарный. Сына надо было воспитывать!

— Ну вот и воспитал бы, кто тебе мешал? Или ты не считаешь, что ты тоже родитель?.. Да, я люблю свое дело, и извини, что не зачала на кухне и не возилась с пеленками, — зло бросила Ламара мужу. — А этот ужин нужен и тебе и мне. Нельзя все время ходить в гости к другим. У нас семья, мы тоже занимаем в обществе определенное место. После смерти твоих родителей прошло пять лет, не хватит ли, до каких пор нам жить так замкнуто? Вот и бегают сын по чужим квартирам слушать пластинки, смотреть видео...

У Ламары на глаза навернулись слезы. Некоторое время она сидела тихо и вдруг взорвалась:

— Думаешь, я не знаю, какие разговорчики идут за моей спиной, и не без оснований. Да, да! И я хочу, чтобы все узнали, что ты находишь время и для семьи, что у меня еще есть муж...

— Ламара... — Гено начал было оправдываться, но жена не предоставила ему этой возможности, гордо взглянув на него, вышла из кухни.

* * *

По дороге в больницу, сидя за рулем машины, он вспоминал каждое слово из разговора с Ламарой. Больше всего его раздражало то, что она как бы оправдывала лень сына, его циничное отношение ко всему и ко всем. Перед глазами встали молодые врачи его отделения, их заинтересованность делом, чувство ответственности... Наверное, разговор на кухне между супругами стал бы еще острее, да только Ламара не дала ему и рта раскрыть — и он застыл, как застигнутый на месте преступления вор.

Да, он был увлечен Мелитой, мог часами молча слушать ее. Мелита была на двадцать лет моложе Гено. Но он совершенно не чувствовал разницы в возрасте и это тоже считал заслугой Мелиты. У них были общие интересы, схожие взгляды, и теперь, хотя Гено и чувствовал, что ведет двойную жизнь, что не красит

его, он уже не мог представить свою жизнь без Мелиты. Во всяком случае хотя бы до тех пор, пока от сложившихся между ними отношений не отказалась бы сама Мелита.

«Она молода, красива, в конце концов до каких пор будет продолжаться наша связь? Однажды она встретит своего ровесника и тогда... только б она была счастлива, и я готов пожертвовать своей любовью...» — не раз думал Гено и всегда со страхом ждал этого дня.

Но он, конечно, не предполагал, что Ламара так припрет его к стене и к тому же в самый неподходящий момент.

Еще никогда его так не беспокоила совесть.

Гено в подробностях вспомнил день, когда познакомился с прелестной Ламарой на дне рождения своего друга. Потом была свадьба... И вскоре рождение сына... Он баловал Ламару подарками, исполнял любое ее желание, что доставляло ему истинное удовольствие.

«Куда все ушло? Куда канула любовь? Ведь мы живем под одной крышей как чужие — и я, и Ламара, и Дачи. Даже лодке необходим причал, и вот Мелита стала для меня той самой тихой пристанью. И в этом виновата сама Ламара. Да, она... Все время поглощена своей работой.

Но может быть я виноват в этом? О, как сложны складываются взаимоотношения между людьми... Не что я могу сделать? Ничего! Я не могу разрушить мой райский сад, не могу, нет... Даже из-за моего обожаемого Дачи, хотя и понимаю, что не подобает мне, отцу двадцатилетнего сына, быть таким легкомысленным...»

День был не операционным, и Гено вместе с врачами и медсестрами обошел палаты, выслушал отчеты врачей о состоянии больных, заменил некоторые старые назначения. При выходе из последней палаты старшая медсестра, извиняясь, сказала ему:

— Доктор, вы нездоровы? Вы мне кажетесь уставшим и бледным.

— Старею, вот и вся причина, — пошутил Гено. Но он чувствовал, что неприятный разговор с Ламарой не прошел бесследно.

Он собрался войти в операционную к Мелите, од-

нако уже подойдя к дверям, внезапно остановился, повернулся и пошел к своему кабинету.

Когда Гено стал у раковины мыть руки, он невольно посмотрел на свое отражение в зеркале и вдруг вспомнил слова старшей медсестры. Действительно, так оно и есть: он очень бледен, лицо утомленное, глаза печальные.

«Почему я во всем обвинил Ламару?! Я и сам уже давно никакого участия не принимаю в воспитании сына... Было то одно увлечение, то второе. Как неприкаянный, то к одной прилипал, то к другой. И вот уже два года, как я себя не помню, не вижу никого, кроме Мелиты, Ламара все знает... Это как выстрел в упор, я не могу успокоиться... Да, это совесть меня гложет... Ламара не заслуживает такого отношения, нет...»

Неприятные мысли неотступно следовали за ним. Чтобы прийти в себя, он плеснул в лицо воды. Неожиданно в кабинет вошла Мелита. Она подошла к нему совсем близко, поцеловала в еще влажную щеку и села в кресло, затем внезапно подняла на Гено глаза и, надув губы, сказала:

— Где ты был ночью? Ты что, не спал? Какой бледный...

— Да вот готовлюсь ко дню рождения сына... Ему исполняется двадцать лет... Я отец взрослого сына, возможно вскоре стану дедом.

— Ты дед? Не представляю, --- расхохоталась Мелита.

— Разве ты об этом никогда не думала? — посмотрел ей в глаза Гено и тоже сел в кресло напротив Мелиты. — Ведь я на двадцать лет старше тебя.

— Гено, что это за разговор? Ты не в настроении, что случилось?

— Сказать?

— Конечно!

— Ламара все знает... И сейчас, перед моим уходом... Одним словом, она поставила меня в очень неловкое положение...

— Ламара знает, что ты ее давно уже не любишь, и ее не удивили бы наши с тобой отношения. Просто ты все усложняешь.

— Мелита, я очень тебя прошу, не говори так о моей жене. Она мать моего сына, и я уважаю ее.

— Пстой, погоди... Ты так со мной никогда не говорил... В чем дело? Ты сегодня какой-то другой, я ведь вижу, и лицо другое... Что произошло, Гено? — Мелита подбежала к нему, обняла и заглянула ему в глаза.

— Я ведь сказал, что случилось.

— А что в этом необыкновенного? Вот и отлично, что она все знает. Это еще больше развязывает нам руки и в конце концов произойдет то, что должно случиться.

— Мелита, я на двадцать лет старше тебя. К чему тебе связывать себя? Через десять лет ты снова будешь порхать как бабочка, а мне захочется сидеть у телевизора с газетой в руках.

Мелита не сразу догадалась, на что намекал Гено, и только потом неожиданно взорвалась, в глазах сверкнули огоньки.

— Хочешь меня бросить?! Хочешь разрушить мою мечту?! А вчера, вчера ты забыл о своем возрасте, когда после ужина во Мцхета мы поехали ко мне... Ты лгал мне?! Обманывал?!

— Клянусь могилой матери, ты для меня дороже жизни, но сыну уже... — бессмысленно бормотал Гено и сам удивлялся тому, что вообще затеял этот разговор.

— Опоила тебя твоя Ламара проклятым зельем, вскормила тебе ослиные мозги, и ты потерял разум, — зарыдала Мелита. — Опомнись, что с тобой? Приди в себя Гено, умоляю... Мы должны быть вместе!..

— До каких пор?

— Ты что же решил, что мы должны расстаться?!

— Клянусь, когда я ехал сюда, я даже не думал об этом... Но раз мы начали об этом разговор... Пойми, я не о себе забочусь, о тебе думаю, о твоём будущем, о твоём счастье.

Мелита быстро вытерла глаза, распрямила плечи, посмотрела на Гено, хотела что-то сказать, но неожиданно в кабинет вошел Дачи. Мелита и Гено на минуту как бы окаменели, они даже не смогли поздороваться с ним, но из этого неловкого состояния их вывел сам Дачи.

— Я был тут поблизости, вот и заглянул... Не помешал, папа?

— Разве ты можешь мне помешать, сядь. Хотя пре-

жде познакомься с нашим анестезиологом Кипшидзе. А это мой Дачи...

— Очень приятно.

— Он — будущий врач, терапевт, — постарался улыбнуться Гено.

— А хирургом вам не хочется стать? — улыбнулась и Мелита.

Дачи как замороженный смотрел на женщину, даже не смог ответить ей и лишь слегка кивнул головой.

От взора Мелиты не ускользнула внезапная растерянность Дачи. Она усмехнулась, нежно обняла вздрогнувшего юношу и сказала Гено:

— Какой он застенчивый. В этом он наверняка не похож на тебя. — Игриво подмигнув, она вышла из кабинета.

— Что с тобой, парень, никогда не видел красивой женщины? — рассердился Гено и жадно затянулся сигаретой.

— Разве я растерялся? — пришел в себя Дачи.

— Где ты был? — быстро перевел Гено разговор. — Что-нибудь случилось?

— Я пришел к тебе... нужны деньги.

— Деньги? Что за деньги? — теперь Гено был застигнут врасплох.

— Деньги, о которых обычно говорят, что они не пахнут, — попытался пошутить Дачи, но, посмотрев в удивленные глаза отца, не выдержал и опустил голову.

— Зачем тебе? Если ты хочешь что-нибудь купить, скажи и я куплю тебе. Ведь ты не пришел из-за рубля или десятки. Я ведь знаю, карманные деньги тебе дает мама.

— Мне необходимо сто рублей, папа...

— Для чего, я могу узнать?

— Я хочу... преподнести букет гвоздик одной девушке.

— Сторублевый букет?

— Полевые цветы не достойны ее. Например, ты же не пожалел бы роскошный букет для этой Мелиты? А хороший букет стоит больших денег.

Гено показалось, что сын нарочно упомянул Мелиту, слова сына больно отозвались в груди. Он достал из кармана бумажник, бросил на стол две пятидесятирублевки и уставился на сына.

— Ты что ничего не ешь или в чем дело? Выглядишь очень похудевшим и бледным. Все, решено: этим летом мы всей семьей отдохнем в Боржоме или Шови. Горный воздух пойдет тебе на пользу. Так что приготовься.

— Спасибо, папа, а теперь я пойду.

— Пойдем вместе, поможем маме, у нее столько забот.

— Нет, отец, я должен увидаться с одним человеком. Скоро начнется сессия, надо заготовить конспекты, да и успеть купить цветы.

— Ну что ж, постарайся не опоздать!

Дачи помахал рукой и убежал, а Гено еще долго сидел в кресле и не мог разобраться в калейдоскопе событий, происшедших за один день.

Теперь больше всего его волновала Мелита, то, что она ушла и не вернулась. Он встал из-за стола совершенно разбитый, быстро вышел из кабинета, так же быстро сбежал по лестнице и, когда уже садился в машину, внезапно в голове пронеслась мысль:

«Не ограбил ли я себя и не отказался ли от большой любви, которая пришла, наверное, в последний раз?»

Он сел за руль и по дороге больше ни о чем не думал. Гено очень обрадовался, когда дверь ему открыла теща. Он принял душ, зашел в спальню и прямо в пижаме без сил упал на постель.

* * *

Наступила долгожданная суббота — день рождения Дачи.

Как только Дачи проснулся, Ламара преподнесла ему новый летний костюм. Гено тоже его расцеловал и благословил:

— Главное, будь настоящим человеком и мужчиной, всегда и во всем. Тогда и себе принесешь пользу и нас с мамой порадуешь, и дело, которому ты посвятил себя, принесет тебе славу!

Когда они позавтракали, Дачи надел новый костюм и прошептал матери на ухо, что хочет пройтись, встретиться с ребятами, ведь имеет же он право пригласить двух-трех друзей.

— Да, дорогой, только бы они были приличные. Ты

ведь знаешь, какие люди у нас будут. Знай, гости со-
берутся к семи часам, не пропадай.

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
საქართველოს

Дачи поцеловал мать и убежал.

Стали собираться гости, а Дачи все не было видно. Ламара очень волновалась, но старалась сдерживать себя, боясь упреков Гено.

Наконец Дачи появился с двумя товарищами.

Ламара облегченно вздохнула. Гено пригласил гостей за стол и взял на себя миссию тамады.

— Хочу, чтобы этот день запомнился всем, и думаю, вы не осудите меня за то, что руководство праздничным столом я хочу взять на себя, — сказал, улыбаясь, Гено и произнес тост за Дачи.

Гости дружно запели. Зазвучали здравицы в честь юбиляра.

За тостом следовал тост, за песней — песня, за танцем — танец, и никто не заметил, как Дачи вышел из дому. И лишь потом, когда он предстал перед гостями вместе с Мелитой, только тогда очнулись Гено и Ламара.

Ламара с упреком посмотрела на мужа, думая, что это по его инициативе сын привел на ужин его любовницу.

Поступок Дачи так потряс Гено, что он потерял дар речи.

— Папа, прошу тебя произнести тост в честь калбатони Мелиты... Папа! Мама! Тетя Гуранда, чистый прибор сюда, для калбатони Мелиты, — спокойно сказал Дачи, потеснил гостей и устроился в центре стола рядом с Мелитой.

«Горе мне... Ишь, как эта маленькая хищница отомстила мне... Она хочет руками родного сына уничтожить меня», — подумал Гено, но сейчас у него не было другого выхода, на него смотрели гости, а среди гостей были и врачи из его отделения. Он поднял бокал, собираясь приветствовать гостью, но вдруг кто-то из гостей воскликнул, что Мелита обязательно должна спеть. Раздались аплодисменты.

— Вы поете? Прошу вас, я прошу, Мелита, — прошептал Дачи, поцеловал улыбающуюся женщине руку и посмотрел на нее горящими глазами.

— Просим, просим, Мелита!.. — слышалось со всех сторон.

— Честно говоря, сегодня мне что-то не хочется петь... Но отказать Дачи, герою этого праздника, не могу, — сказала Мелита и попросила гитару. Настроенная инструмент, она искоса взглянула на Гено, наиграла несколько тактов и красивым бархатным голосом спела известный романс — «Мы оба лжем».

Всю душу вложила Мелита в исполнение романса. Восторгу гостей не было предела, и Мелита вынуждена была спеть еще. На этот раз она исполнила старинную грузинскую песню и по настойчивой просьбе гостей Гено во второй раз провозгласил тост за Мелиту.

Ламара стояла у дверей кухни бледная, уничтоженная, она уже не в силах была смотреть в сторону Гено. Глаза ее уставились на сына. Она была поражена его поведением. И это в награду за ее любовь, преданность! И это сделал Дачи — ее единственный сын, который так беспощадно расправился с родителями!

Гуранда была в смятении. Она не могла понять, что происходило в семье Кахиани, но чувствовала, что после прихода Мелиты и Гено и Ламара уже не похожи на себя.

А пиршество продолжалось. Снова произносились тосты, снова звучали песни...

Гено было трудно не только говорить, но и стоять на ногах. Если б не обязанности хозяина и присутствие гостей, он просто разорвал бы Дачи. Он не желал даже смотреть в их сторону, но взгляд не подчинялся ему и то и дело возвращался к Мелите и Дачи.

«О, женщина, воистину, коварство тебе имя!» — все время твердил Гено про себя, боясь, как бы выдержка не изменила ему и он не закричал бы, не избил Дачи тут же в присутствии гостей.

— Тамада! Ты что затягиваешь тосты, дружище, может, сменить тебя? — усмехнулся Сандро и тут же запел. Он хорошо знал, какой огонь пылал сейчас в душе Гено, и хоть как-то хотел помочь ему.

— О, простите меня, дорогие гости, думал, что буду достойным тамадой, но увы... — извинился Гено и попросил всех заполнить бокалы вином. — Я хочу предложить тост за талант, который необходим в любом деле. За талант!

— Великолепный тост, — поддержал тамаду Сандро и, прежде чем гости высказались бы по этому по-

воду, вспомнили бы наших талантливых соотечественников, Сандро попросил молодых певцов квартета спеть «Сулико».

Воспользовавшись удобным моментом, Гено обвел взглядом стол. Когда он увидел места Дачи и Мелиты пустыми, у него чуть не разорвалось сердце.

«О, горе мне, мальчик совершенно потерял голову, облил грязью и меня и семью. А Мелита, небось, хочет. О, как она смеется надо мной», — вытер Гено платком со лба холодную испарину и, уже не сдерживаясь, решительно направился к спальне сына, но в это время в столовую вбежала разъяренная Мелита и, как пулями, изрешетила его словами:

— Ну и молодец, Гено Кахиани, ничего не скажешь, хорошего сынка ты вырастил...

— Мелита... — Гено покрылся мертвенной бледностью, и слова будто примерзли к губам, голос не подчинялся ему, он лишь схватился за сердце, взглядом моля женщину, чтобы она замолчала, но Мелиту теперь уже никакая сила остановить не могла.

— Что случилось? В чем дело? — гости с любопытством уставились на Мелиту.

— Не смотри, Гено, на меня так грозно... Да, я пошла туда с Дачи, чтоб отомстить тебе. Знаю, что это омерзительно и безнравственно, то, о чем я говорю, то, что я задумала! Но не дрожи — оказывается, твоим сыном двигали совершенно иные цели и намерения. Да, да, и вместо любви он предложил мне деньги, чтобы я снабдила его наркотиками! — сказала Мелита и бросила Гено в лицо две пятидесятирублевки. — Людям пыль в глаза бросаете, кутите, а сына лечить надо!

— Что ты сказала? — мгновенно пришел в себя Гено, увидев пятидесятирублевые купюры. В голове промелькнула горькая мысль: «Вот, оказывается, какие цветы собирался купить мой сын...»

Гости сразу же вскочили со стульев, растерянно смотрели они то на Мелиту, то на Гено.

На шум из кухни с блюдом в руках выскочила Ламара.

— Что происходит в моем доме! Я... — но она еще не закончила фразу, как из комнаты Дачи раздался выстрел.

— Дачи, сынок... мальчик мой, Дачини... — нечеловеческим голосом проревел Гено.

— Нет, нет, я не хотела его смерти, нет! — закричала Мелита, но на нее уже никто не обращал внимания. Все бросились вслед за обезумевшим Гено в комнату Дачи.

— Горе, о какое горе... Погибли Ламара и Гено... — запричитала Гуранда.

Ламара некоторое время стояла как каменная, и только потом, внезапно поняв, какой удар обрушился на нее, она вскрикнула:

— Дачи...

Блюдо выпало у нее из рук, с грохотом разлетелось на мелкие осколки. Она без чувств рухнула на пол.

— Чего ты стоишь тут, Мелита, уходи, уходи! Иди своей дорогой, — брезгливо бросил Сандро прижавшейся к стене Мелите и бросился на помощь к Ламаре.

Перевод Маки ИМНАДЗЕ

ЗИНЕТ

НОВЕЛЛА

— **З**наю, что ты обо мне думаешь. Чувствую. Пройдет время и ты все поймешь, поверь мне, старику. Если умом не дойдешь, так внутренний голос подскажет.

— Да?

— Хороший ты человек, добрый. По глазам вижу. Все в них читается, и хорошее, и плохое. Как в открытой книге.

— Разве это хорошо?

— Для тебя нет... На твоём месте я бы тоже так думал.

— Как?

— Я же сказал тебе, что все твои мысли читаю. Уже рассказали тебе все, да? Ничего не утаили, да? Такой-сякой, мол, с ума спятил старик... Молчишь?

— А что мне сказать?

— Все вы правы, все!

— Я так не думаю...

— Что я хотел тебя спросить?.. Ах, да. дети у тебя есть?

— Двое.

— Мальчики?

— Девочки.

— Ну и... что думаешь?

— Такое сейчас...

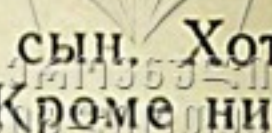
— Что сейчас... время?

— Вот-вот...

— Боишься? Боишься, да? И не стыдно? Люди фашистов не испугались, а ты третьей девочки боишься. Делом займись, де-лом, понял? И не пожимай плечами. Хорошо иметь девочек, но сын есть сын.

— Знаю, дед, знаю.

— Двое моих детей в городе. Дочь и сын. Хотя какие они уже дети, внуков сколько имеют. Кроме них, еще шестеро у меня. Две дочери в соседних селах живут, замужем они там. Четверо сыновей — здесь. Вон их дома.

— Счастливый вы человек!

— А как же. Приеду в город, обоих навещу. Оба рады отцу. Но... понимаешь, к дочери сердце тянется больше. Почему, знаешь?

— Нет.

— Ласковые они, дочери. А что мне, старику, еще надо? Мой сын, который в городе живет, большой человек. Знаешь его?

— Да. знаком.

— Его все знают. Когда я к ним приезжаю, старшая невестка, младшая невестка, внуки и правнуки окружают заботой. Я очень доволен ими. Ни один из детей и внуков не пошел по плохому пути. И правнуки не пойдут.

— Я тоже так думаю.

— Хочу, бывает, с сыном поговорить... Ну, как ты, сынок, спрашиваю, что нового на свете... Не успевает ответить, — кто-то звонит ему по телефону, или ему нужно срочно позвонить. Не до меня ему. К черту такой разговор! Но... я отец и он мне сын, и душа льнет к нему. Большая у него должность, трудно ему. Очень трудно. Потому что время сейчас сложное. Э-эх!

— Да, очень сложное.

— Наверное, думаешь, зачем это я столько болтаю?

— Ну что вы.

— Думаешь... А во всем старость виновата. Что-то я хотел еще сказать... Да, вспомнил. Три-четыре недели назад был я в городе у дочери. Груши привез правнуку. Груша-батони называется. Крупные такие.

— Потому и называются батони?

— Нет. Вы, городские, фрукты только есть любите. Батони мы их уважительно называем.

— Красиво звучит.

— Да-а!.. А сладкие какие!.. В августе подходят. Вернее, в конце июля. В августе уже совсем спелые. А кругом такой аромат — голова кружится. Объяснить

это невозможно, надо самому увидеть, попробовать. Очень любит их мой правнук, очень. Хороший мальчик. Такой смышленный!.. Но больше не хотят детей. Говорят, не в моде. Мода на детей? На де-тей?!

— ...

— Ты только учись, говорю ему. Правнуку, конечно. А я тебе буду приносить груши-батони. Хорошо, — отвечает озорник, — пока ты приноси мне, а потом, когда вырасту, я буду приносить... Что, груши-батони? — спрашиваю. Смеется, смеется, прямо заливается. Откуда, говорит, у нас груши? Я жвачку принесу. Такой у нас уговор: я ему — груши, он — мне — жвачку. Ты чего ухмыляешься. Думаешь, вот эти зубы искусственные? Ошибаешься...

— Завидую вам.

— Сижу в автобусе, возвращаюсь в деревню. Автобус так набит, что иголке негде упасть. Всегда так бывает на нашей линии.

— Везде так.

— До нашего села девяносто километров. Как только выехали из города, началась болтанка. Из канавы в канаву. Потому что дорога у нас такая. Сейчас ремонтируют как будто. Но конца не видно. Десять лет уже возятся. Десять!

— Да, долго еще будут...

— Чувствую, спать хочется. Но как заснуть? Или соседа ударишь головой, или в проходе растянешься. А рядом женщина сидит, старуха. Тоже уставшая, хочет заснуть, но тоже не получается... Смотрю, Зинет!.. Ты знаешь Зинет?

— Нет... Но слышал... гм-гм...

— Не смейся, сынок, не к лицу это тебе. Сперва послушай, хорошо послушай, а потом уж смейся.

— Извините.

— Вижу, значит, Зинет сидит рядом. Она когда-то жила в нашем селе. Затем вышла замуж и уехала в соседнее село. Шестьдесят лет минуло с тех пор. Хорошенькая была — как спелая земляника. Нет теперь таких девушек. На теперешних раньше и не посмотрели бы. Девушка без плоти и крови разве девушка? А? Скажи откровенно, скажи.

— Кому как.

— Ты наших девушек не видел и потому так гово-

ришь. Бывало, встречал ее... О Зинет, говорю, ... и сердце начинало так стучать, так стучать!.. Ты любил?

— Много раз.

— Я о настоящей любви спрашиваю. Ну, которая ни сна, ни покоя не дает.

— Не знаю, наверное, нет.

— Значит, ты напрасно живешь на этой земле.

— Простите, я вас не понял.

— И не поймешь.

— А я постараюсь.

— Не получится.

— Почему?

— Потому что ты никогда не любил.

— Что делать, значит мне просто не повезло.

— Нет, такой уж ты человек.

— Какой.

— Эгоист. Смотрю и... жалко мне тебя.

— ?!

— Думаешь, образование тебе поможет? Ошибся я, другим ты человеком оказался. Прощай.

— Вы меня гоните?

— Да.

— Что ж...

— Обиделся?

— Да нет.

— Я же вижу. Лицо у тебя такое, на нем все написано.

— Прощай, дедушка.

— Уходишь?

— ...

— Сядь. Сядь, говорю.

— То иди, то сядь...

— Не обижайся на старика, сынок, прошу тебя. Садись и слушай дальше. Сажу рядом с Зинет с закрытыми глазами. Она дремлет, я — нет. А автобус заносит, словно пьяного. Чувствую прикосновение ее волос, потом головы. Заснула бедняжка. Видно, устала очень. Вдруг... остановилось сердце у меня. И дыхание остановилось. От радости. От большой радости, понимаешь? Смотрю на Зинет сквозь опущенные ресницы. С головы у нее соскользнул платок и вижу... седая она стала совсем. Где ее прежние волосы? Где ее золотистые волосы?! Больно мне стало, очень больно! И нео-

жиданно радостно. Шестьдесят лет спустя она вновь сидит рядом со мной. Сидим словно влюбленные. Грехи семнадцатилетнего юноши наконец-то сбылись. Хоть и поздно, но ведь сбылись же. Ее волосы щекочут мне шею, лицо. Вдруг вспорхнуло мое сердце. Вспорхнуло и взлетело. Взлетело — и, э-ге-ге-эй! — полетело. Чувствую, я тоже лечу вместе с ним.

Две головы, два уставших, дряхлеющих и уснувших тела прислонились друг к другу... В автобусе все шепчутся и хихикают. Пусть, думаю, смеются, зато мы вместе. Спасибо тебе, Боже! Я готов был умереть на месте от счастья. Умер бы не задумываясь, даже с удовольствием. Сколько мне осталось? Жить, думаю, сколько осталось? Пять? Восемь? Десять лет? Сижу, не шевелясь, и думаю. А ты думаешь, она спала? Хотя может быть и спала моя Зинет, но как только коснулась моего плеча, уже не спала, понимаешь?

— ...

— Не могу же все сказать тебе. Женщина сна все-таки. С внуками, правнуками, праправнуками...

— А муж...

— Умер он. Давно умер. Говорят, хороший был человек. А свою жену я еще раньше похоронил...

— Любили?

— Кого?

— Жену.

— А как же.

— ?!..

— Но Зинет... Любил я жену, но Зинет!.. О-ох!..

— Простите, дедушка, я вас не понимаю.

— Я тоже... И тогда не мог понять, и сейчас не понимаю. Чувствую, ее рука лежит совсем рядом с моей. Дрожат наши пальцы. Наши уставшие, мозолистые пальцы дрожат. А в автобусе все, наверно, смеются. Смейтесь, думаю, смейтесь над стариками. Разве вы знаете, какая была Зинет? Каким был я?

— Наверно, славным были парнем.

— Дураком. Да, да, дураком был я. Зачем уступил ее? Хорошенькая была Зинет. Она и теперь хоть куда. Нет, скажешь? Ты образованный и должен понять. Если не понимаешь, твое образование — фью...
Грош ему цена.

— ...
— Не обижайся, сынок. Ты должен понять меня. Душа у тебя светлая. Если и ты не поймешь, кому тогда верить? Вижу, жалеешь меня. И Зинет тебе жалко. Спасибо за это. Кто мы теперь? Я и Зинет, говорю, кто теперь. Наша молодость — э-ге-ге-э-эй!.. Может быть, что-то и можно вернуть в жизни, но молодость не вернешь. Пора и тебе понять это. Седеешь уже.

— Да-а...

— Чувствую, капля упала на мою руку. Может, показалось? — думаю. Нет, не показалось. Еще упала... Еще, еще... Плакала Зинет, понимаешь? Плакала, говорю, Зинет, понимаешь?

— Понимаю, дед, понимаю.

— Не понимаешь, нет. Понимаешь, но — по-своему. Потому что молодой еще и... Никогда не любил. А ты по-моему пойми!.. А в автобусе тишина. Страшная тишина... Может, они тоже плакали? Что делать? — думаю. Сижу с закрытыми глазами и думаю, — как нам дальше быть? Мужчина я, в конце концов, и что-то должен был сделать. Или сказать. Но что?..

Плакала Зинет. Ее слезы капали и капали на мою руку.

Что ты хотел от нас, Боже. Шестьдесят лет мы жили каждый для себя. Шестьдесят лет.

А теперь? Как нам быть теперь, а?..

Перевод автора

Корабли, вернувшиеся из дальнего плавания

РАССКАЗ

Захожу в отделение.

— Как дела? — спрашиваю у дежурной фельдшерицы.

— Ничего особенного. Поступил новый больной.

Беру у нее историю болезни, открываю дверь своего кабинета. Сажусь к столу.

Первым делом читаю диагноз: «Галлюцинационный психоз». Интересуюсь возрастом: — «Двадцать четыре года». В этом возрасте подобные заболевания случаются чаще всего. Судя по всему рядовой (обычный) больной. — «По профессии художник». Вероятно, наблюдаются псевдореминисцентные явления, думаю я вслух и продолжаю читать подробную историю болезни. «С детства отличался замкнутостью, чувствительностью. Подвержен алкоголю. В последнее время каждый день напивался. Пьяный поднимался на кладбище, где неизменно просиживал часами у могилы девушки, скончавшейся пятнадцать лет назад (надгробие простое, выложенное черными мраморными плитами, на небольшом обелиске горельеф девушки)». Мало, что ли, в городе красивых женщин, зачем надо было непременно влюбляться в ту, что скончалась пятнадцать лет назад? Странные бывают люди. Интересно, что он скажет мне во время беседы? А впрочем, ничего он не скажет, мелькает у меня в голове. Читаю дальше: «Как правило, в половине восьмого вечера он поднимался на кладбище. Однажды у него были гости. Ровно в семь, уже сильно пьяный, он встал из-за стола. «Куда ты?» —

спросил один из гостей. Больной ответил, улыбаясь: «К самому близкому мне человеку». Гость иронически поинтересовался: «Разумеется, к женщине?» И тут же в него полетела бутылка. В другой раз приятель вздумал подтрунивать над его причудой и едва не поплатился за это жизнью. В последнее время больной отдался от всех, проводит дни и ночи у могилы. Придя сегодня утром на кладбище, увидел, что служитель счищает снег с могильных плит. Больной выхватил у него метлу и жестоко избил его (крича при этом: «Как ты посмел нарушить покой моей Циури?»). Служитель рассказывал нам: «Какая еще Циури, что за Циури, я же знаю близких покойной, они звали ее Анико». Оказал сопротивление милиции. Попытался ранить себя карманным ножом. На машине скорой помощи...»

Прекращаю чтение — все ясно. Мое предположение подтвердилось, налицо реминисцентные явления.

Только сейчас обращаю внимание на фамилию и имя больного: Картлос Арчвадзе. Приступаю к составлению плана предстоящей беседы. Звонит телефон.

— Слушаю.

— Багваш, это ты? Поднимись ко мне! — Главный врач кладет трубку, не дожидаясь моего ответа.

Сейчас попросит сопроводить очередных гостей. Однажды я сболтнул, что собирался стать историком, и с тех пор всех гостей навязывают мне — приходится возить их по историческим местам.

Захожу в палату. Картлос Арчвадзе лежит в углу, натянув простыню до подбородка. Светло-русые усы очень красят бледное удлиненное лицо. Глаза у него покрасневшие, пряди длинных прямых волос падают на высокий лоб.

— Здравствуй, Картлос. Как ты устроился?

Не отвечает. Улыбается, словно хочет сказать: разве в этом заведении принято спрашивать у больного о чем-нибудь? Понимаю, что сейчас бессмысленно пытаться вступить с ним в контакт. Выхожу.

Велю дежурной фельдшернице снять больному энцефалограмму и поднимаюсь к главному врачу.

...Двенадцать часов ночи. Полчаса назад я проводил гостей до гостиницы. Устал зверски. Мечтаю добраться до постели и заснуть.

Звонит телефон. Кто бы это мог быть?

— Слушаю.

— Попросите Багваша.

— Это я, Отар, — узнаю голос дежурного ^{врача} ~~врача~~.

— Багваш, новый больной покончил с собой.

— Как? — ору в трубку что есть мочи.

— Повесился. Привязал простыню к трубе в туалете.

— Еду.

* * *

Зажигаю свет. Четыре часа. Значит, я ворочался в постели два часа. Пепельница полна окурков. Пачка пуста. Кажется, в кармане пальто остались сигареты... Лучше одеться, все равно уже не заснуть.

Быстро одеваюсь. Провожу левой рукой по лицу. У меня такое ощущение, словно я уже давно потерял что-то очень дорогое, но только сейчас понял, что именно — душу. Если так, то я обманщик. Бездушный психиатр — где это слыхано? Бездушный мясник — еще куда ни шло (хотя в общем-то тоже неприемлемо), но бездушный психиатр — это и вовсе ужасно. И кто же? Я, кандидат медицинских наук Багваш Кахаберидзе, привыкший к горячим рукопожатиям многих и многих благодарных исцеленных больных и их близких, — психиатр без души?!»

«А ты сам что думаешь?» — спрашивает внутренний голос.

«У меня один недостаток — я холост. Вот женюсь весной на Марине, и все будет в порядке».

«Врешь! Порядка не было и не будет! Сам знаешь, что все это показное. Вот ты упомянул о своей профессии. Ты хороший ремесленник, но никак не хороший психиатр. Ты же никогда не задумывался, почему люди придумывают для себя новый, болезненный мир, а только пытались разобраться, как возникает этот мир. И знаешь, почему? А все потому, что ты страшишься собственной души. Что же до исцеленных больных, то я уже сказал — ты хороший ремесленник».

«Но ведь все, чего я достиг, достиг ценой огромного труда. А факты, как известно, вещь упрямая».

Смех. «Верно, факты — упрямая вещь. Так что отправляйся спать, опустошенный ты человек».

«А Марина?»

«Марину ты тоже выдумал, чтобы заполнить пустоту».

«Кто же я, по-твоему?».

«Ты — опустошенный человек».

«Ничего не поделаешь — такова жизнь».

«Теперь я не сомневаюсь, что не обманывался на твой счет».

«Почему?»

С улицы доносится звук резко тормозящего автомобиля. Прихожу в себя. Кажется, я спорил с собственным «я». Опустошенный человек? Смеюсь, потираю лоб, тереблю волосы. Что ж, может, так оно и есть.

Впервые за столько лет у меня возникает желание выпить. Мысленно вновь возвращаюсь к случившемуся.

По возвращении из больницы я продолжал думать о Картлосе Арчвадзе и постепенно пришел к заключению, что, безусловно, дело здесь не только в психическом расстройстве. Мне не давал покоя вопрос, зачем понадобилось ему искусственно создавать образ любимого человека? Неужели нельзя было влюбиться в реально существующую девушку, а не выдумывать себе предмет для поклонения?

Этот вопрос выбил меня из колен. Вопросы возникали один за другим. Интересно, если бы Картлос Арчвадзе не покончил с собой, стала бы его история болезни для меня чем-то большим, чем описание психического расстройства, или осталась бы просто еще одним случаем псевдореминисцентных явлений? Попытался бы я найти разгадку того, почему Картлос Арчвадзе создал в своем воображении самого близкого человека, или удовлетворился бы выяснением того, как он создал его?

При расстройстве психосенсорной функции нарушается правильное детальное усвоение процессов восприятия, так как психосенсорная функция представляет собой дальнейшее углубление процессов восприятия. Я работаю над этим не один год, но в процессе работы упустил из виду главное — сознательную сторону процессов восприятия, увлекшись их физиологической стороной. Спрашивая о чем-либо больного, постоянно пом-

ню, что их ответы тесно связаны с их внутренними переживаниями, пытаюсь выяснить, что порождает эти переживания, найти причины, их вызывающие, но, как видно, забываю о необходимости поиска предпосылок, обусловивших возникновение этих причин и извративших правильное восприятие реальности.

Забывал или хотел забыть?

Устал я, однако. Сколько вопросов!

И все же, почему Картлосу Арчвадзе понадобилось создавать другую действительность? Да, но ведь и я свою сегодняшнюю действительность начал создавать в том же возрасте. Зачем мне это понадобилось?

Сколько лет прошло? — Семь.

«Память является главным материалом личности, посредством которого при необходимости происходит прием, хранение и повторное применение (использование) экзогенных раздражений», — вспоминается определение, заученное еще в годы студенчества.

Да, при необходимости, при необходимости, при необходимости!..

Лента памяти разматывается.

* * *

Конец осени. Вокзальные часы показывают полночь. Поднимаю воротник пальто, стараюсь идти ровным шагом, но ничего не получается — пошатываясь, взбираюсь по лестнице.

Окидываю взглядом пассажирские поезда. Людская суета раздражает меня. Беру в ларьке две бутылки пива, нагибаюсь, пролезаю под вагоном, усаживаюсь поодаль на пустые ящики, отрываю фильтр у сигареты и закуриваю, затем наполовину осушаю бутылку.

«Надо ей позвонить», — мелькает у меня в голове.

Ищу двухкопеечную, набираю номер. Долго слушаю гудки, наконец в трубке раздается голос Наты

— Ната, ты? Это Багваш... — и, не дожидаясь ответа: — Выйди, поговорить надо.

— Что-нибудь случилось?

— Случилось, — меня всего колотит. — Жду тебя через пятнадцать минут у вокзала.

— Надеюсь, ничего страшного не стряслось?

— Ничего страшного, но приходи поскорее...

— Все же что случилось, Багваш? Багваш, что с тобой? — в голосе Наты слышится волнение.

— Приходи — узнаешь.

Ната молчит.

— Ты меня слышишь? — ору в трубку.

— Слышу, — мне чудится холодность в голосе Наты.

При мысли, что она не придет, кажется, сойду с ума.

— Приходи непременно, не заставляй меня ждать.

— Хорошо!

Пятнадцать минут кажутся вечностью. Сжимаю в зубах сигарету. Наконец из такси выходит Ната. Расплачиваюсь.

— Что случилось, Багваш? — она явно волнуется.

— Узнаешь.

Веду ее в укромное место.

— Где ты была вчера вечером?

— Дома.

— Нет, до того, — пытаюсь придать лицу саркастическое выражение, но ничего не получается.

— Ты пьян. Поговорим завтра, — Нату охватывает нервная дрожь.

— Где была, я тебя спрашиваю! --- кажется, я кричу.

— Тише, кругом люди.

— Плевать мне на людей. Где ты была?

Едва сдерживаюсь, чтобы не ударить ее, мечусь, как бешеный, отсутствующим взглядом провожаю поезда. Останавливаюсь. Смотрю на Нату помутневшими глазами. Нервно смеюсь.

— Поехали на море. Захотелось море увидеть.

— С ума сошел?

— Почему? — притворяюсь удивленным. — Меня потянуло на море, и я хочу поехать вместе с тобой.

— А что я дома скажу, мои с ума сойдут.

— Да брось ты.

— Умоляю, Багваш, успокойся, поговорим завтра.

— Да, завтра, но на море! — в моем голосе слышится угроза. — Пошли.

Не дожидаясь ответа, хватаю Нату за локоть, тащу к кассе, окидываю бешеным взглядом стоящих в очереди...

— Здравствуйте. Мне нужно попасть к морю. Когда ближайший поезд?

Кассирша изумленно смотрит на меня.

— Через двадцать минут, — отвечает она машинально.

— Дайте два билета в международном вагоне, — протягиваю пятидесятирублевку. — Сдачи не надо, — улыбаюсь как можно обаятельнее.

— Я дам вам билеты до Гагра.

— Как угодно. На каком пути стоит поезд?

— На первом.

Прячу билеты в карман. Покупаю в ресторане две бутылки коньяка, велю завернуть стаканы и шоколад, кладу все в сумку Наты, направляюсь к поезду.

Расстилаю тюфяки, передаю Нате постельное белье, сажусь, откупориваю бутылку коньяка, наполняю стакан до краев и залпом выпиваю.

Как только поезд трогается, пью за нашу счастливую поездку. В стакане и на этот раз не остается ни капли.

В третий раз наполняю стакан, наливаю и Нате. Пью до дна за наше здоровье. Ната тоже отпивает немного. Она не смотрит на меня, чувствую, что уже не нервничаю. Не знаю, как долго мы едем, я потерял чувство времени. Ната целует мою руку, лежащую на столике. Я обнимаю ее. Ната, улыбаясь, тянется ко мне губами, голубые глаза ее сияют. Однако сияние это кажется мне неискренним, я замахиваюсь левой рукой, лицо Наты дергается от удара. И все же она пытается улыбнуться, хотя по щекам текут слезы. Я снова ударяю ее, теперь правой рукой.

Лицо Наты заливают кровь, хлынувшая из носа. Глаза ее безмолвно молят о пощаде.

Не могу я ее простить. Самые большие надежды у меня были связаны с этой женщиной. А она оказалась шлюхой! (Мне нелегко дается это слово, будто кто-то в глубине сознания спорит, не соглашается со мной, уверяет, что это не так, а мне сейчас очень хочется, чтоб это было именно так, тогда легче справиться с горечью, терзающей душу. В общем-то я и сам толком не знаю, чего хочу, скорее всего просто оплакиваю потерю чего-то близкого, дорогого. Но я не хочу и окончания мук, ведь утраченного не вернуть).

Ната забила в угол постели, припав головой к стене; лампочка освещает ее измученное лицо, печальные, полные страдания глаза. Сердце у меня сжимается от боли. Готов пустить себе пулю в лоб.

Укладываю Нату в постель, кладу ей под голову подушку. Достāju из кармана платок, отираю кровь с лица. Отрываю кусок от простыни, смачиваю его в воде и прикладываю Нате ко лбу. Присаживаюсь рядом. С силой провожу по лицу запачканной в крови рукой. Ната открывает глаза, всматривается в мое искаженное страданием лицо, пытается улыбнуться.

Хочется сказать что-то хорошее, но догадываюсь, что сейчас любые слова прозвучат фальшиво. Допиваю оставшийся в бутылке коньяк. Осторожно убираю волосы со лба Наты. Чувствую, как она дрожит всем телом. Приподнимаю ее голову, прижимаю к груди, целую в волосы. Ната безмолвно отвечает на мои ласки.

...Просыпаюсь от какой-то тяжести, навалившейся на сердце. Уже светает. Пальто Наты нет на вешалке. Выхожу в коридор, заглядываю в оба туалета, возвращаюсь, запираю дверь купе. Все ясно.

Не знаю, что делать. Остаюсь Ната со мной, я бы и не вспоминал о вчерашнем, но теперь... Смотрю в окно, море беззаботно катит волны. Беспокойство душит меня. Схожу на первой же станции.

В Тбилиси возвращаюсь под вечер. Прошу первую встречную женщину позвонить Нате. Отвечают, что Ната плохо себя чувствует.

Все кончено. Точка.

* * *

Не знаю, когда и зачем вышел из дому. Брожу по улицам в пальто с поднятым воротником, равнодушно гляжу перед собой. От меня так и веет зимним холодом. Навстречу идет Темо, пытаюсь избежать встречи с ним, но поздно. На вопрос о себе он раздраженно отвечает:

— Наплевать на это, скажи лучше, выпить хочешь?

— Куда поедем?

— К Сеньоре.

— Привет, мальчики! — буфетчица Сеньора издали заметила нас.

— Привет. Что предложишь?

— Для вас — все аристократическое, — угодливо улыбаясь, отвечает Сеньора.

— Тогда — жареную картошку, шашлык, соленья, ну и коньяк, разумеется, — говорю я.

Стол уже накрыт.

— Что ж, выпьем горького в надежде на сладкое, — говорит Темо. Он явно не в духе.

— Что с тобой, чего это ты с раннего утра заведенный?

— Ничего, просто так.

Догадываюсь. Очередная стычка с женой.

— Будем здоровы.

— Я развожусь с женой.

Ничего не отвечаю, только невольно улыбаюсь. Раз сто уже слышал это от него.

— Нет, на этот раз всерьез.

Интересно, что стряслось? Ни о чем не спрашиваю. Если захочет, сам скажет...

Темо вертит в руках стакан, не решаясь начать. Потом, с силой сжав стакан, отставляет его в сторону. Значит, скажет.

— Она опять сделала аборт.

Не создана эта женщина для семьи.

— Преподнесла мне сюрприз, когда я вчера вернулся домой.

Меня разбирает злость.

— Ну, а все же, как она объясняет свой поступок?

— Обычные разговоры: одного не можем воспитать, куда нам еще второго, не стану ради ребенка бросать работу, лишать себя общества, сил моих больше нет возиться с ребенком — ну и все в таком духе... Короче говоря, дружище, если бы не моя бедная мама, пришлось бы отдать ребенка в интернат.

— Неужели у нее столько дел, что некогда присмотреть за собственным ребенком?

Я тоже хорош, чего спрашиваю, будто сам не знаю.

— Не скажи, дел у нее много; а кто будет курить, пить кофе, не пропускать ни одного спектакля, творческого вечера, ни одной выставки (она, видишь ли, искусствовед, ей без этого нельзя). Потом надо разобрать по косточкам произведение или выступление очередной «бездарности» (у них все бездарности). Вчера я вышел из себя, стал кричать, что так дальше про-

должаться не может, и ты знаешь, что она ответила? — Давай, говорит, разойдемся. Сейчас ведь можно быть разведенной женщиной — «общественницей» с ребенком.

При последних словах Темо я невольно усмехаюсь. Темо продолжает, не обращая на меня внимания.

— Женюсь-ка я на скромной женщине, способной создать семейный уют. Что касается ребенка... Впрочем, меня к нему и близко не подпустят, — он встает. — Сию минуту вернусь.

Провожая его взглядом. У него походка сломленного человека. Комок подступает к горлу. Столько лет он бегал за этой женщиной (даже имени ее упоминать не хочу), а она вышла за него лишь тогда, когда ей понадобилась печать в паспорте. Сейчас времена изменились, и ее больше устраивает положение одинокой женщины, а ребенок нужен для «общественной деятельности». И развелось же этих «общественниц», как грибов после дождя.

Перед глазами встают картины их жизни. Приглашают тебя в дом, первым делом она демонстрирует движущийся манекен: «Мой мальчик». Потом обращается к ребенку: «А теперь поцелуй маму, и бай-бай». Испуганный ребенок послушно прощается с гостями, он уже сыграл роль, отведенную для него мамой-режиссером, теперь она сама выступает на авансцену. Комнату заполняют клубы табачного дыма, появляются кофе и коньяк. Кучка бездельников болтает о «высоких материях». Одному из них ей удается вскружить голову, и он удостоивается чести разделить с ней ложе. И так без конца.

Неважно, что у ребенка развивается комплекс неполноценности. Зато мать его довольна, она — независимая женщина, а независимость в наше время высоко ценится.

— Что ты мне посоветуешь? — раздается голос за моей спиной. Оборачиваюсь, но Темо уже сидит напротив.

— Разойдись.

— А ребенок?

— Да, конечно. Ребенка суд отдаст матери, он ей необходим как атрибут.

Смотрю на Темо. Глаза у него печальные, расте-

рянные. Передо мной еще одна разбитая, искалеченная жизнь. Темо ни на что не решится, все вынесет, все стерпит. Но я помогу ему.

— Сегодня она уехала к своей матери и ребенка увезла.

— Темо, давай отложим этот разговор. Завтра обсудим все подробно.

— Где?

— Приходи утром ко мне домой.

Сегодня же непременно свяжусь с Медико, может, что-нибудь придумаем.

Темо наполняет стаканы.

— Выпьем, Багваш, что нам еще остается. Человек должен брать от жизни все.

Смех его, жалкий, беспомощный, действует мне на нервы, и я резко бросаю в ответ:

— Во-первых, человек не в состоянии взять все и потом, разве надо непременно хватать все, что подвернется?!

Темо ошеломлен. Он явно не ожидал такой вспышки. Достав из кармана лист бумаги, он протягивает его мне со словами:

— Вот это я нашел у себя на столе, когда пришел на службу.

Разглядываю рисунок. Карикатура на рогоносца. Клянусь себя за глупую тираду. И чего я набросился на него!

— Ладно, давай выпьем, — прерывает тягостную паузу Темо.

Возвращаю ему рисунок. Мы молча пьем.

Появляются знакомые. Я окликаю их, надеюсь, что они помогут разрядить гнетущую обстановку за столом.

Процедура приветствий, объятий, поцелуев. Наконец все расселись. Выпит первый стакан. Теперь надо подбросить им тему для разговора, чтобы увлеклись и минут хоть на двадцать оставили меня в покое. Какой бы вопрос задать?

— Ну, как, выиграли в этом году на ипподроме или остались в проигрыше?

— Как же, выиграешь у этих аферистов!

Кажется, цель достигнута: беседа завязалась, все перебивают друг друга.

— Что, неужели и в этом году ловчили?

— А когда они обходились без надувательства?

В разговор включается Джемал:

— Совсем совесть потеряли. В каждом забеге...

Дальше можно не слушать. Обычные жалобы и пересуды завсегдатаев ипподрома. Главное, теперь минут двадцать я могу побыть наедине со своими мыслями.

...Лента памяти разматывается.

* * *

— Сию минуту!

Из маминой комнаты доносится шум. Она тоже проснулась. Сердце мое чует недоброе. Открываю. Входят Закариа, мой дядя со стороны матери, и Торнике, дядя со стороны отца. Их мрачные лица повергают в страх маму, она тщетно пытается унять дрожь.

— Что стряслось? — у мамы от страха подгибаются колени. Чувствую, мое лицо покрывает смертельная бледность.

— Не бойся, все живы и здоровы, — отвечает Закариа и бросает взгляд на Торнике, как бы предлагая ему продолжить разговор.

Мама без сил опускается на стул, растерянно смотрит на явно не договаривающих что-то гостей. Я тоже так ошеломлен, что не могу произнести ни слова.

— Ничего страшного, — продолжает наконец Закариа, убедившись, что на Торнике рассчитывать не приходится. — Профессор отказал, не желает оставлять Багваша на кафедре.

Меня охватывает нервная дрожь.

— Что произошло? Что изменилось за один день?

Вчера меня не было в городе. А позавчера профессор был согласен.

Торнике избегает смотреть нам в глаза. Закариа никак не прикурит сигарету. Еще немного — и маме придется принять валерьянку. Молчание становится невыносимым.

— Говори правду, — обращаюсь я к Торнике. В том, что меня собирались оставить при кафедре, есть и его заслуга: профессор и дядя Торнике — старые друзья. Уж он-то знает, в чем дело.

Торнике просит у Закариа сигарету, прикуривает, ломает пальцами потухшую спичку.

— Короче, насплетничали о тебе профессору. Торнике говорит, как всегда, медленно, неторопливо, но в голосе его на этот раз чувствуется волнение... Много всякого наговорили, что пьяница ты, к женщинам на кафедре пристаешь, мать свою бедную замучил, что вообще ты много о себе воображаешь. Но это еще не беда, — Торнике запнулся, бросил взгляд на Закариа, надеясь, что тот придет ему на выручку, но, увидев, что Закариа уставился в пол, продолжил сам: профессору доложили, будто ты хвастался, что соблазнишь его молодую жену, и тогда с диссертацией будет все в порядке, — тут он посмотрел на меня и снова замолчал. Он явно сам не верил тому, что говорил. — Короче, — повторил он свое любимое слово, — короче, вчера вечером он позвонил мне, выложил все это и сказал, чтоб ты не смел показываться ему на глаза, а то он за себя не ручается.

Мама со стоном хватается за сердце. Закариа дает ей валидол. Она бросает на меня испепеляющий взгляд, словно хочет сказать: «Так тебе и надо за твою болтовню. Что заслужил, то и получил».

Если первые слова Торнике вызвали у меня только смутную тревогу, то последние фразы его рассказа напомнили мне разговор, состоявшийся дней десять тому назад.

В ординаторской нас было четверо: я, доцент кафедры Давид, Вахтанг и еще один врач из нашего отделения. Невзначай разговор зашел о профессорской жене, и тут я выступил: «Видать, он очень любит свою жену, счастье его, что она женщина порядочная, а не то...», — и прикусил язык.

Оправдываться бессмысленно. Ухожу в свою комнату, переодеваюсь. Входит Торнике.

— Куда собрался?

— Через час буду знать, кого благодарить за услугу.

— Какое это теперь имеет значение?

— Для меня имеет.

Торнике больше не возражает: он понял меня. Закариа тоже поймет. Теперь главное, чтобы они убедили мать.

Направляюсь к выходу. Мама смотрит на Торнике.

— Куда он идет?

— Оставь меня в покое.

Хлопаю дверь. Сбегаю по лестнице. Останавливаю такси. Называю адрес Давида.

Не сомневаюсь в благородстве Давида. Знаю также, что сам он ничего мне не скажет. Но в голове у меня возник замысел, не совсем, правда, честный, но другого выхода нет. Главное, выяснить правду, иначе все пропало. Дело не в кафедре, черт с ней, — уважать себя перестану. Давид — человек, склонный к аффекту, и это дает мне надежду.

Звоню. Открывает сам. Изумлен.

— Разрешите, батоно Давид!

— Заходи, Багваш, заходи!

Он ведет меня в свой кабинет. Сажусь в кресло. Закуриваю, сверлю взглядом сидящего напротив Давида. Он тоже закуривает, хотя давно бросил.

— Что случилось? — он явно взволнован.

— Почему вы сделали это, батоно Давид?

— Что? — переспрашивает он сдавленным голосом.

— Сами знаете. Когда я хвастал, что наставлю профессору рога?

Не успел договорить, как моя левая щека уже горела от пощечины.

— Убирайся отсюда, убирайся! Эти грязные разговоры побереги для подонка — своего дружка и его дряни матери. Убирайся!

Не двигаюсь с места. Пытаюсь улыбнуться.

— Говорят тебе, убирайся!

— Спасибо, батоно Давид.

Давид опешил: догадался, что угодил в подстроенную ловушку.

— Негодяй! — процедил он сквозь зубы.

— Другого выхода у меня не было, батоно Давид.

— Негодяй!

— Поймите меня. Если бы я действительно подозревал вас, то не сидел бы сейчас здесь. У меня в самом деле не было другого выхода, — пытаюсь выглядеть спокойным, но дрожь в пальцах выдает меня: Стряхиваю пепел мимо пепельницы прямо на брюки.

— О нашем разговоре никто никогда не узнает.

— Очень обяжете, — он делает паузу. — Ну и подлец же ты.

— Поймите меня, — в который раз уже повторяю я, — мне необходимо было узнать правду.

Чувствую, он понемногу успокаивается.

Молчанье кажется бесконечным.

— Что думаешь делать?

Он понял.

— Ничего. Больниц в городе много. Одного не пойму: ведь на кафедре было два места, зачем понадобилась такая грязная интрига?

— Тут сыграли роль два фактора. Во-первых, мать Вахтанга считает, что ее сын подпал под твое влияние, и ты отнимаешь у нее сына. А главное, на кафедре не будет двух мест (профессор решил твое место оставить в резерве). Так что диссертант может не опасаться конкуренции, вы же разрабатывали одну и ту же тему.

Ясно. Как все просто и четко продумано! У меня возникает новый вопрос.

— Почему профессор поверил ей?

— Увлечение юных лет сохраняет свою власть над человеком, — Давид многозначительно улыбается.

Снова воцаряется долгое молчание. Давид закуривает вторую сигарету.

Встаю, собираюсь уходить. Давид останавливает меня движением руки:

— А если попробуешь поговорить с профессором?

— Бесполезно, это только усилит его подозрения.

Давид ничего не отвечает. Он понимает, что я прав.

— Но увижусь с профессором обязательно, — говорю я.

— А с Вахтангом?

— Что с ним, с тряпкой, разговаривать.

— Это ты верно сказал, тряпка он и больше ничего, — в глазах Давида вспыхнули искры гнева.

— Батоно Давид, если хоть немного уважаете меня, не трогайте Вахтанга, человек он вообще-то не злой.

По лицу Давида пробежала усмешка.

— Вам смешно, а дело в том, что я давно знаком с семьей Вахтанга. По правде говоря, в его семье меня никогда не любили. (Я ведь сразу заподозрил Вахтанга, но не хотелось верить). Характер у его матери властный, деспотический, она никогда не мирилась даже

— Если завтра выиграем, наверняка станем чемпионами, — говорю я, наполняя стакан до краев.

— Да брось ты, чемпионами... Наполнил стакан? — спрашивает Алико.

— Мне надо идти... Будьте здоровы, — осушаю залпом свой стакан.

— Мы останемся, — говорит Алико.

— Конечно.

Выхожу ошеломленный. Не верю. Ни Ната, ни Георгий не способны поступить так со мной. Хотя что тут невероятного? Я и Георгий влюблены в Нату со школьной скамьи.

Голова кружится. Водка делает свое дело.

Потом, когда Ната стала моей, Георгий первый поздравил меня. А в душе, значит, затаил коварство.

* * *

— Багваш, вернись.

Прихожу в себя. Ловлю на себе теплый дружеский взгляд Темо. У меня возникает желание остаться наедине с самим собой. Встаю.

— Извини, мне пора, дело есть.

— Куда идешь? — спрашивает Темо удивленно.

— У меня важное дело в больнице. Прости, — Темо не возражает, он знает: если я уперся, то никому меня не отговорить.

Напоминаю Темо, что жду его завтра утром. Еще раз извиняюсь и иду в больницу.

Во дворе больницы, возле морга толпятся люди. Замечаю знакомый силуэт. Подхожу так близко, что не может не заметить меня. Увидел, отделился от остальных.

— Здравствуй, Багваш.

— Здравствуй, Тамаз. Что случилось?

— Скончался мой двоюродный брат.

— Как фамилия?

— Арчвадзе, Картлос.

— Знаю, мой больной, — понимаю абсурдность своих слов.

Быстро продолжаю:

— Мы не успели ничего сделать. Сочувствую твоему горю, — жму ему руку. Молчу. Постепенно молчание становится тягостным, надо что-нибудь сказать,

пусть даже глупость. — Как твои дела? Диссертацию, наверно, уже защитил? Помнится, у тебя было какое-то изобретение.

Лоб Тамаза бороздят морщины.

— Нет, ничего не получилось. Я ушел из института, сейчас работаю в таксомоторном парке. Ничего не поделаешь, такова жизнь.

Неожиданно я спрашиваю:

— Ты видел тот горельеф, о котором все время говорил Картлос?

— Как же, вчера видел.

— Где он, можешь сказать?

— Пройдешь приблизительно сто шагов от главного входа, свернешь направо, там и увидишь, — он отвечает таким тоном, словно хочет сказать: я тебя понимаю.

Чувствую себя неловко, поэтому говорю.

— Ладно, спасибо, тебя ждут, не буду задерживать. К тому же я спешу. Очень сожалею.

Тамаз протягивает мне руку.

— Будь здоров, Багваш.

Поднимаюсь к себе в кабинет. Запираю за собой дверь. Закуриваю.

...Лента памяти разматывается.

* * *

В купе ресторана за столиком сидим мы двое — я и Георгий.

— Три месяца тебя ищу, куда ты пропал?

— Да так, тысячи разных дел.

— При чем здесь дела, я слышал, что ты дни и ночи пьянствуешь.

— А тебе-то что? — отвечаю грубо.

Знаю, он целых три месяца разыскивает меня, но я всячески избегал встреч, а сегодня наткнулся на него случайно.

— Ничего, просто у меня дело было к тебе.

— Вот как.

— Да.

Чувствую, наша встреча не кончится добром.

— Зачем я тебе понадобился, можно узнать?

Мои слова нагнетают и без того напряженную атмосферу.

— Ты знаешь, что Ната беременна?

Горько усмехаюсь. Откидываюсь на спинку стула. Глубоко затягиваюсь.

Пускаю ему дым прямо в лицо. Улыбаюсь еще более вызывающе.

— Правда? Интересно, от кого? — Делаю паузу. Затягиваюсь еще глубже. — От тебя или от меня?

Оттираю кровь с расквашенной губы.

— Садись, — слышу голос Георгия.

На нем лица нет. Пальцы рук, лежащих на столе, дрожат.

— Сюю минуту, — и Георгий кувырком летит на пол.

Меня колотит. Сажусь. Пью, наливаю и снова пью. Георгий поднялся, вытер губы платком, сел. Смеется.

— Надеюсь, теперь ты успокоился и мы можем поговорить нормально?

Не отвечаю.

— Выслушай меня, — он с силой вдавликает в пепельницу потухшую сигарету, закуривает новую. — Знаю, что тебя взбесило. Да, три месяца назад Ната была у меня на даче. Позвонила, сказала, что хочет повидать меня. Я предложил встретиться где-нибудь, но она не хотела, чтоб ее видели. Когда она выходила из машины, ее всю трясло от волнения. Я обнял ее, чтоб успокоить. В этот момент проехал на машине Алико (мне это не понравилось, знаешь же, язык без костей). А дело у нее было вот какое, Она узнала, что тебя спихнули с кафедры, понимала, в каком ты состоянии, а между тем выяснилось, что она беременна. Вот она и попросила меня как друга (к тебе, дураку, тогда не стоило соваться), отвести ее к какому-нибудь знакомому гинекологу. Все, больше я тебе ничего не скажу. Поверишь — да здравствует дружба, нет — катись своей дорогой.

Георгий поднял бокал.

Меня окатывает горячая волна. Жжет душу. Слезы застилают глаза. Даже не пытаюсь совладать с собой. Чокаюсь с Георгием и залпом осушаю бокал.

Георгий тоже молчит. Правда сама по себе гениальна.

Молчание.

Георгий наполняет бокалы. Он улыбается мне. Рядом со мной настоящий друг.

— Знаешь, что сказал отец Рамаза Сараджишвили?

— Что?

— Слушай, говорит, даю Рамазу десятку — он возвращается пьяный, даю рубль — возвращается пьяный, даю двадцать копеек — возвращается пьяный. Объясните, где вы напиваетесь на двадцать копеек, может, и я с вами напьюсь?

Оба от души смеемся.

— Что Рамаз подельывает, давно его не видел.

— В музее начал работать, собирается совершить переворот в археологии.

— Хороший он человек.

— И человек он хороший, и дело свое знает. А про тебя, знаешь, что говорят?

— Что?

— Говорят, что ты — «несостоявшаяся премьера». Меня бросает в жар от такого оскорбления.

— Кто говорит?

— Все.

Молчание.

— Разве у них нет основания так говорить?

Ничего не отвечаю. Мне видятся мамины глаза. В них мольба и страдание.

— Ты прав, — с трудом произношу я, — засосало меня пьянство. — Хочешь скажу, почему?

Ехидно ухмыляюсь.

— Не тот ты человек, чтобы удариться в пьянство из-за каких-то там служебных неприятностей. Нет. Главное тут безмерная любовь, тобою созданная и тобою же возвеличенная. Подумай и скажи, разве я не прав?

Он попал в точку. Стараюсь переменить тему разговора. Спрашиваю:

— Пишешь?

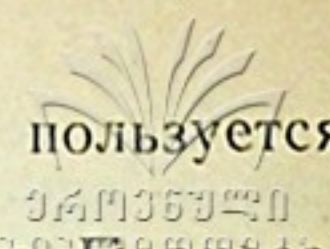
— Приходи, почитаю.

— Почему до сих пор ничего не опубликовал?

Георгий отвечает с грустью в голосе:

— Не знаю. Наверное, все это увидит свет, когда меня уже не будет.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Печаль Георгия передается и мне. Он пользуется паузой и добавляет:

— Помнится, и ты был не чужд цветов Гарриаса, — на лице его снова улыбка.

— Сам знаешь, два-три стихотворения — вот все, что я написал...

Заказываем еще вина. В зале появляются двое знакомых. Пьяные, они с кем-то спорят.

Георгий побагровел.

— Все еще в ссоре? Никак не можешь забыть? Плюнь и прости.

— Знаешь, что я тебе скажу, Багваш, — Георгий уставился на меня злым взглядом. — Ошибку человеку, конечно же, надо простить, но подлецу его подлость — никогда, потому что он расценит это как твою слабость и в следующий раз совершит еще большую подлость.

— Ну, ладно, Роберт — подлец и не заслуживает прощения, а Дато?

— Дато — дурак, а дурак — прекрасное орудие в руках подлеца. Ты, кажется, в хороших отношениях с этим негодяем?

— Чтобы лучше оценить добро в людях, иной раз необходимо испытать змеиный укус.

— Мудрая мысль, — смеется Георгий. — Кстати, вот что она мне напомнила. Вчера у нас в гостях был Нодар Микеладзе. Он просил передать тебе, что освободилось место врача-психиатра.

— Психиатра? — я не скрываю радость.

— Да, ты, кажется, не раз говорил, что в мире нет равного тебе психиатра.

Мне смешно.

— Спасибо. Завтра же пойду. Давай выпьем за здоровье всех хороших людей.

— Дай Бог им счастья.

— Багваш, не пойми меня превратно, — он смотрит мне в глаза. — Выпьем за Нату.

Георгий осушил бокал и наполнил снова.

— А теперь выпьем за нас, за нашу дружбу. Ну, я пошел, не возражай, знаю, тебе хочется остаться одному. Будем здоровы.

Он перевернул бокал, поцеловал меня, быстро от-

вернулся, но я успел заметить навернувшиеся к нему на глаза слезы.

В дверях он задержался.

— Расстались, так и не поговорив по-настоящему, — он запнулся, потом поспешно добавил: что и говорить, опьянели, — и с силой захлопнул за собой дверь.

Поднимаю свой бокал. Пью за Георгия, наполняя снова и пью за здоровье Наты.

Ната, Ната!

Три месяца прошло, а я ни на день, ни на час, ни на минуту, ни на миг не могу забыть обиженно надутые губы Наты. Каждый день прохожу мимо ее дома, каждый день обхожу те места, где мы любили гулять вдвоем. Ната, Ната!

Гнетущее чувство тревоги и беспокойства вновь овладевает мной.

Достаю из кармана конверт. Я купил его еще тогда, на море. Хотел написать Нате. С улицы доносятся шум, крики, кажется, хотят вызвать скорую помощь. Наверно, кому-то стало плохо. Выхожу — у меня темнеет в глазах. Двое незнакомых поддерживают под руки Георгия. Он весь в крови.

Сижу в приемной реанимационного отделения. Жду. Сколько времени уже прошло, не знаю. Наконец, из операционной выходит врач, бледный и подавленный. Все ясно — Георгия больше нет. Не помню, решительно не помню, как добрался до милиции. Захожу в дежурную комнату. Кто-то объясняет сотруднику милиции: «Не поздоровался. Из-за этого произошла стычка. Я не вмешался, думал, сами разберутся». Узнаю голос Роберта. Кровь бросается мне в голову. Ору, как безумный.

— Ах ты, подонок, сам не посмел встретиться один на один, как мужчина с женщиной, так другого натравил?

Бью его остервенело, изо всех сил. Роберт падает, но я продолжаю наносить удары. Меня с трудом оттаскивают. Мечтаю, чтоб на секунду, хоть на одну секунду мне в руки попался Дато.

Дальше — тоска и туман. Ната на похороны не пришла.

* * *

— Здравствуй, Багваш, — узнаю голос Медико.

— Здравствуй.

— Багваш, ты должен мне помочь.

— Что случилось?

— Полчаса назад ворвался Темо, пьяный, все в доме перебил и увел с собой ребенка.

— Дальше, — роняю ледяным тоном.

— Пусть приведет ребенка, а сам убирается и делает что хочет.

— Сука ты, Медико.

— Что-о? — слышу ее изумленный голос.

— Сука ты, говорю.

Вешаю трубку. Быстро выхожу из комнаты.

Пасмурно. Хоть бы снег пошел.

До дома добираюсь на такси. Вывожу машину из гаража.

Слава богу, идет снег.

У знакомой цветочницы покупаю красные гвоздики. Беру в магазине любимое красное вино Георгия.

«Если человек хочет жить нормально, он должен быть немного «дурачком», — приходят мне на память слова одного моего знакомого. Тогда я, кажется, рассмеялся. Повтори он их сейчас, не знаю, что бы я с ним сделал. Вспоминаю Тамаза, как его в шутку называли «генеральным конструктором». Никто не сомневался, что его ждет блестящее будущее.

Дальше?

Дальше болото.

Болото — блестящий парадокс моей жизни, жизни Темо, Тамаза; созданная нами же повседневная реальность постепенно затягивает, как болото, убивая в нас все человеческое.

Семьдесят случаев заболевания шизофренией из ста приходится на возраст от двадцати до тридцати лет. Такова статистика.

Много раз задумывался я о причинах этой трагедии и не находил ответа. Сейчас, кажется, я нашел отгадку. В этом возрасте человек еще не утратил присущего ему бунтарского духа, но чувствует, что скоро утратит и увязнет в болоте.

Большинство смиряется с этой безрадостной перспективой и катится по инерции. Те, кто лишен спо-

способности приспособиться, борются. Победившие в этой борьбе остаются людьми, а потерпевшие поражение погружаются в вымышленный, удобный для них мир.

Причин этого существует множество. Сейчас мне точно известна только одна. И я, и Картлос Арчвадзе выдумали нашу действительность из страха перед надвигающимся на нас холодом одиночества.

Человеческое тепло. Как дорого и знакомо это чувство мне и как обделен им был Картлос Арчвадзе.

Мне повезло, а Картлосу — нет.

...Лента памяти разматывается.

* * *

Кажется, скоро рассвет. Я и пьян, и устал, но все равно никак не усну. Вчера мы похоронили Георгия.

Пока Георгий был жив, мне казалось, что кроме него, у меня много друзей. И только сейчас, в этой комнате понял, как он был мне дорог. Страх душит меня, страх одиночества.

Позавчера позвонил Нате. Даже не пожелала разговаривать. Что мне теперь делать, как жить дальше? Закрываю глаза. Один за другим наплывают разные эпизоды моей путаной жизни. Постепенно погружаюсь в забытие.

Слышу звонок. Открываю глаза. В окно льется дневной свет. Наклоняюсь к телефону.

— Здравствуй, Багваш, с тобой говорит Нодар Микеладзе.

— Я узнал вас, батано Нодар. Как поживаете?

— Благодарю, не жалуюсь. Багваш, не знаю, успел ли Георгий сказать тебе...

— Успел, батано Нодар, — у меня вырывается тяжелый вздох.

— Тем лучше, приходи немедленно. Жду тебя у себя в кабинете.

— Спасибо, батано Нодар.

— Потом будешь благодарить. Жду.

Умываюсь. По возможности привожу себя в порядок. Выхожу из дому.

— Заходи, заходи, Багваш! — Нодар здоровается со мной за руку. — У тебя утомленное лицо. Ну, присаживайся, поговорим.

Сажусь.

— Георгий все мне рассказал про тебя. Не переживай, такое в жизни со всяким может случиться. Все образуется, в твоей порядочности я не сомневаюсь. Теперь тебе надо серьезно взяться за дело — это главное.

— Я готов, батано Нодар.

— Сегодня же собери документы, с завтрашнего дня приступишь к работе. С главврачом я уже говорил.

— Спасибо.

— Еще раз произнесешь это слово — и можешь считать, что нашего разговора не было.

— Оправдаю ваше доверие, даю слово.

— И тему тебе дам. Будешь исследовать психосенсорную функцию. А теперь иди и больше не показывайся в таком виде.

Выхожу взволнованный. Останавливаю машину, еду на кладбище. Подхожу к могиле Георгия. Слезы душишат меня.

* * *

Я, Темо и Нугзар сидим на стадионе. Трибуны уже опустели.

— Вот и золотое очко, еще немного — и снова запоем: «Сбылась мечта», — говорю я.

— Хочу сказать тебе кое-что, Багваш, — обращается ко мне Темо.

— Слушаю тебя.

— Люди говорят, что Ната дала ребенку твою фамилию.

Закуриваю. Разглядываю футбольное поле.

— Темо, очень тебя прошу, не вмешивайся в мою личную жизнь.

— Не чувствуешь, что поступаешь бессовестно? — слышу голос Нугзара.

— Послушайте, оставьте меня в покое. Знаете же, чего мне стоило совладать со своими истрепанными нервами, хотите опять свести меня с ума? Все-то вам надо знать! Не любит она меня больше. Что же я могу поделать! Я не отказывался от отцовства, — голос мой срывается на крик.

— Как он начал работать с психами, так сам свихнулся, — говорит Нугзар.

— Не очень-то я помню его нормальным, — отвечает Темо.

— Пойдем выпьем пиво. Или уважаемый Багваш не употребляет?

— Не пью. Вы пейте, а я пошел, — с этими словами я встаю.

— У меня собираемся, ребята тоже придут, — говорит мне вдогонку Нугзар.

Мама встречает меня сообщением, что звонил Нодар, будет ждать меня дома, у него какое-то дело.

Злюсь. Хотя бы в мой единственный выходной день мог бы не беспокоить. Знаю, сейчас скажет, что поступил новый сумасшедший и я должен немедленно побеседовать с ним. А завтра Нодар вызовет меня чуть свет и даст невероятное поручение, на которое в нормальных условиях требуется три месяца, а я должен буду справиться за две недели.

На остановке автобуса стоят Кетино и Марина. К несчастью, они заметили меня. Слушай теперь их болтовню.

— Что тебя не видно, Багваш? — спрашивает Кетино.

— Да так, масса разных дел.

— Ты, говорят, над темой работаешь, когда защитишь диссертацию? — иронически спрашивает Кетино.

— После дождичка в четверг, — вспоминаются слова Георгия: «несостоявшаяся премьера».

— Чего ты вскинулся, я же не хотела тебя обидеть.

— И не думал обижаться, — не хватает еще извиняться перед ней. — Мой автобус подошел, до свидания, — прощаюсь и сажусь в этот автобус, хотя он меня не устраивает. «Уже и они смеются надо мной», — произношу вслух. Пассажиры подозрительно косятся на меня. «Неблагодарный я, однако: человек печется обо мне, а я чуть не обругал его», — на этот раз продолжено уже про себя.

— Почему опоздал, Багваш? — спрашивает Тина.

— Транспорта долго не было.

Из комнаты доносится шум.

— У вас гости, калбатано Тина? По какому случаю?

— Сегодня день моего рождения, — она чуть не силой вталкивает меня в комнату.

— Знакомьтесь, это Багваш Кахаберидзе, моя правая рука, — представляет меня Нодар.

— Рог ему, — отзывается один из гостей.

— Он не пьет, печень пошаливает, — заступается за меня Нодар.

— Какое время ему за печень хвататься, пусть осушит рог! — настаивает гость. Видимо, он тамада.

— Оставь его в покое, Леван. Багваш, садись рядом со мной. У меня для тебя сюрприз. Тина, принеси стул.

— Не беспокойтесь, я сам, — пододвигаю стул и сажусь рядом с Нодаром.

— Багваш, выпей немного, если хочешь, вино хорошее, не повредит.

— Нет, спасибо.

— Как хочешь. Но если бы ты знал, какой у меня сюрприз для тебя, наверняка не удержался бы.

Я заинтригован.

— Тебе известно, что я на два года уезжаю работать в Москву. Ну так вот, ты поедешь со мной.

— Как? — я изумлен.

— Очень просто. Ординатуру пройдешь в Москве. Этот вопрос уже согласован.

Чувство радости овладевает мной.

— Если проявишь себя, — а я верю, что проявишь, — там же поступишь в аспирантуру.

Еле сдерживаю слезы радости.

— Когда едем? — с трудом выдавливаю из себя. Начни я его благодарить, отругает без церемоний.

— Сегодня воскресенье?

— Да.

— Летим в четверг. Выпьешь?

Колеблюсь.

— Нет.

— Молодец, хороший ты парень.

Под такое настроение я бы, конечно, с удовольствием выпил. С трудом сдерживаюсь. Знаю, стоит захмелеть, рвану к Нате, а увидев в ее глазах безразличие, сорвусь, и все пойдет прахом.

Беспокойство овладевает мной. Надо уйти, а то могу не выдержать и выпить.

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՆԱԿԱՐԱԿԱՆ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

— Батоно Нодар, разрешите мне уйти.

— Куда ты?

— Вы всегда понимали меня и сейчас, конечно, поймете. Хочу побыть один.

Нодар смотрит на меня с теплой, отеческой улыбкой:

— Иди, сынок, иди.

Слезы подступают к глазам. Быстро выхожу. Не могу совладать с чувством радости, очень хочется выпить или увидеть Нату. Надо прибегнуть к испытанному средству. Впервые оно помогло мне, когда я расстался с Натой.

Дома надеваю спортивные рейтузы, выбегаю на маленькую площадку для игр и начинаю бегать. Бегаю долго, борюсь с обуревающими меня соблазнами. Наконец, выбившись из сил, возвращаюсь, в изнеможении валюсь на тахту. Никаких желаний у меня больше нет. Соблазн преодолен.

* * *

Теплый, солнечный сентябрьский день. Иду вдоль набережной Москвы-реки. Думаю. Многое надо обдумать. Одно из проведенных мною самостоятельных исследований дало настолько интересный результат, что это может опрокинуть некоторые утвердившиеся в психиатрии догмы. Правда, полученные результаты требуют подтверждения, придется еще немало поработать, но главное уже сделано.

Не пойму, что со мной происходит. Вроде бы я должен быть на седьмом небе от радости, а между тем меня не покидает беспокойство.

Два года ушло на изучение вопроса. Я был так поглощен работой, что за все время об этом даже не поговорил ни разу ни с Нодаром, ни с профессором Черненко.

Вдруг я ошибаюсь, и это случайное явление. Нет, не думаю. В будущем месяце защита диссертации. Результат исследования не имеет почти ничего общего с моей диссертацией. Но не это главное. Дело в том, что полученный мной результат противоречит некоторым принципам теории Нодара Микеладзе, излагаемой им в своей книге. А книга уже подготовлена к печати.

И вот теперь я, как выскочка, стану трубить о

своем открытии! Нанесу удар в спину Нодару Микеладзе! Во всяком случае, он расценит мой поступок именно так — и будет прав. Это может убить его — ведь два месяца назад он перенес инфаркт.

Лучше промолчу.

Никакие благородные цели не заставят меня поступить бессовестно по отношению к Нодару. А сообщить сейчас о своем открытии было бы бессовестно: оно не может немедленно облегчить участь больных, к тому же нуждается в подтверждении. Лучше по возвращении в Тбилиси просто поделюсь своими соображениями с Нодаром, а потом вместе продолжим работу.

У входа в общежитие кто-то сидит на скамейке, безмятежно покуривая. Похож на грузина. Всматриваюсь пристальнее.

— Нугзар!

Нугзар встает, приближается, радостно улыбаясь. Мы обнимаемся.

— Давно ждешь?

— Не особенно.

— Тебе повезло, мне вчера привезли хорошее рачинское «Александроули».

— Разве ты пьешь?

— Изредка, но ради сегодняшней встречи сделаю исключение.

— Очень обяжешь, — смеется он.

— Пошли, пошли, потом поговоришь!

Заходим в общежитие.

— Приличная комната. Кто еще тут живет?

— Парень из Ленинграда. Ординатуру здесь проходит, — отвечаю я, накрывая на стол.

— Давай помогу.

— Не беспокойся. Угощение нехитрое, но, как говорится, от чистого сердца. Главное — «Александроули» на столе.

— Да, это хорошо. Раньше мы могли только мечтать о таком вине.

— Помнишь, как накачивались «Биле», «Саэро», особенно «Ромовой»?

— А помнишь, как мы собирали для твоей бабушки металлические рубли?

— Потом она платила мне за них по полтора рубля. Хорошее было время.

— Багваш, сколько лет ты уже в Москве?
— Шестой год. Как пролетело время, а?
— Бывал в Тбилиси?
— Всего два раза, приезжал ненадолго. Не упрекай, что не навестил. Сам ты, Бог знает, где носишься.
— Когда думаешь возвращаться?
— К новому году закончу все дела.
— Итак, новый год в Грузии ознаменуется прибытием великого психиатра, кандидата медицинских наук...

— Ладно, давай выпьем. За упокой души Георгия. Молча пьем.

— Надолго приехал в Москву?

— Пока не знаю. Фильм привезли на утверждение.

— Поздравляю.

— Спасибо. Завтра покажу тебе.

— Какие новости в Тбилиси?

— Наши все здоровы. Соскучились по тебе. Ната пока не замужем.

— Ната тут ни при чем, — делаю серьезное лицо, а на самом деле это-то и интересует меня больше всего.

— Да я так, к слову сказал. Ну, а ты что поделываешь?

— Ничего, живу — не жалуясь. Меня уважают, ни с кем не конфликтую, диссертацию написал. В общем, все хорошо.

— И долго будешь носить маску?

— О чем ты?

— Не обижайся. Прочел я твои статьи. Что-то мне в них не понравилось. Как тебе сказать... Ты словно беспощадно загнал себя в какие-то рамки. Вот смотрю на тебя и думаю: почему ты надел маску? Кого опасешься? Отчего не хочешь жить спокойно?

Слова Нугзара больно ранят мне душу. Стараюсь скрыть свои чувства.

— Во-первых, не знаю, что ты называешь маской. Опаска, осторожность, рамки, маска — называй как тебе угодно, но я следую этому правилу в жизни, мне оно нравится, и я доволен.

— Знаешь, кого ты мне напоминаешь? — улыбается Нугзар. — Волка, который дал себя приручить, но за ворота выглянуть все же боится — вдруг попадет на глаза овца. Знает свою волчью натуру.

— Брось философствовать. За здоровье хороших людей, — хватаю свой стакан и пью до дна. Стараюсь подавить разбуженные во мне инстинкты «свободного волка».

* * *

Кто более счастлив в своем вымышленном мире — Картлос Арчвадзе или я?

Не знаю, посмотрим...

Останавливаю машину у ворот кладбища. Снег падает крупными хлопьями.

Выхожу из машины. Иду вдоль могил. Кругом нетронутый снег, белое безмолвие.

Могила Георгия.

Присаживаюсь на мраморную плиту. Откупориваю бутылку вина. В сгустившихся сумерках снежинки отсвечивают серебром. Вспоминаю любимый тост Георгия, произношу его вслух:

— Да здравствует белый снег в ночи!

«Да здравствует белый снег в ночи», — повторяю про себя, впервые постигая смысл этих слов.

Я остался один, но знаю, что делать. Мой приятель, работающий в редакции, не раз убеждал меня описать свою жизнь. Мне и самому очень хотелось, но я боялся, что не справлюсь (да и доверие друга обмануть не хотелось). А теперь напишу про Георгия, про Картлоса, про себя.

Оставшееся в бутылке вино выливаю на могилу.

Иду обратно. Как сказал Тамаз? От входа направо в ста шагах.

Вот этот белый горельеф. И вправду красивая головка. Снег обрамляет ее, как седина.

«Не скучно тебе, незнакомый друг?»

Кладу к изголовью красные гвоздики. Как красивы они на фоне белого снега! Красный отсвет падает и на горельеф.

«Ты покраснела, Циури? Эти цветы прислал тебе Картлос».

Прощай, покойся с миром, «небесная»!

Выхожу. Сажусь в машину. Включаю зажигание. Теперь по этим улицам я мчусь не в прошлое, а в будущее.

Знакомый дом. Четвертый этаж.

Звоню. Дверь открывается.

Ната!

За ее юбку держится мальчуган лет шести. Он смотрит на меня огромными испуганными глазами.

«Кто там, Ната?» — доносится из комнаты женский голос.

Ната смотрит на меня, глаза ее наполняются слезами.

— Никто, ошиблись дверью.

Она пытается закрыть дверь, я придерживаю ее рукой. Между нами возникает молчаливый диалог:

«Ната, я жду тебя».

«Не смогу спуститься».

«Ты должна».

«Не знаю, посмотрю».

Дверь закрывается.

Медленно спускаюсь по лестнице. Сажусь в машину. Жду. Все равно я никуда отсюда не уйду.

Жду, жду, жду.

Вот и Ната!

Садится рядом со мной.

Машина мчится на полной скорости.

«Куда мы едем, Багваш?» — читаю вопрос во взгляде Наты.

— Меня влечет море, — говорю я, нежно пожимая руку Наты, ощущаю ее тепло и радуюсь, что не надо больше погружаться в воспоминания. Со мной моя Ната.

* * *

Раздается долгий протяжный гудок. Наверно, таким гудком приветствуют родную гавань корабли, вернувшиеся из дальнего плавания.

Перевод Игоря КАЛАШЬЯНА и
Юрия ЧЕИШВИЛИ

Мария КШОНДЗЕР

Грузия в поэзии Пастернака

Грузия открылась Пастернаку не только своей экзотикой и восточным колоритом, но в гораздо большей степени высокой духовностью и глубокой органичностью, корни которых — в особенностях национальной культуры. В одном из писем к П. Яшвили поэт дает свое философское понимание Грузии как страны, соединившей в себе национальную и историческую традицию с трезвым осознанием сегодняшнего дня, легенду и миф — с действительностью, вымысел — с реальностью, поэзию — с прозой. Это именно тот органический синтез, к достижению которого Пастернак стремился как в жизни, так и в творчестве, ибо самым сложным и в то же время необходимым для него как для художника было воспринять реальность, сделав ее поэзией и, превратив поэзию во вторую реальность, дать ей подлинную жизнь. Стремление не уходить от реальности, а идти ей навстречу, не сдавая своих принципиальных позиций, подчас не могло быть реализовано, и это создавало тот драматический конфликт с эпохой, разрешить который поэту при жизни так и не удалось.

Грузия для Пастернака была одной из ипостасей его души, в ней он видел гармонию и цельность. Это была одна из главных тем его жизни, оказавших огромное влияние на поэтическую судьбу. Его письмо к П. Яшвили от 30.VII. 1932 года — ярчайшее тому доказательство и важнейшее свиде-

тельство поэта о той роли, которую призвана была сыграть Грузия в его жизни. Внимание исследователя в данном письме привлекают несколько моментов, являющихся основополагающими для понимания существа проблемы:

1) восприятие Грузии как целостной органичной формы (в данном случае форма понимается расширительно как содержательная форма), не испытавшей «перерыва в своем развитии», соединившей в себе абстракцию и вещественность; 2) обратная связь между объектом восприятия и самим автором; т. е. воспринятая действительность настолько овладевает сознанием поэта, что начинает довлеть над ним, становясь «самостоятельным переживанием», дающим писателю новый импульс к творчеству. Это та самая вторая реальность поэзии Пастернака, которая становится первой и основной в его творчестве. Проявление этой обратной связи особенно зримо ощущается именно при восприятии инонациональной действительности. Опосредованный характер авторского мировосприятия выражается в том, что грузинская тема может проявиться в его творчестве не непосредственно, а в совершенно неожиданном ряду ассоциаций и не всегда понятных читателю аналогий. Духовная связь с Грузией, став частью поэтического «я» автора, влияет на его мировоззрение и в такой опосредованной форме воплощается не только в стихах, непосредственно посвященных Грузии, но и в общефилософских установках Пастернака. Иногда эта связь бывает столь неуловимой и тонкой, что выявить ее очень трудно, а порой просто невозможно. Поэтому высказывание самого поэта о том, что Грузия постоянно в центре его творческих интересов и что круг грузинских воспоминаний владеет им, в какой-то мере облегчает задачу исследователя, позволяет строить предположения, исходя из общемировоззренческих позиций Пастернака.

Цикл «Волны», посвященный Грузии и в то же время ставящий важнейшие для всего творчества Пастернака мировоззренческие проблемы, в полной мере является той поэтической второй реальностью, которая обретает «изначальность чуда».

Цикл состоит из отрывков, соединенных между собой не столько тематически, сколько общей идейной и художественной установкой. Стихотворения этого цикла сложны для восприятия, это чувствовал и сам поэт, постоянно возвращаясь к ним и видоизменяя. Существует несколько вариантов цикла.

Обилие вариантов и различных редакций помогает просле-

доть за эволюцией Пастернака, с одной стороны, и обнаружить сходные черты в раннем и зрелом творчестве поэта — с другой. Хотя сам Пастернак признавался в 1956 году в том, что он не любит своего стиля до 1940 года, в его поэзии явно прослеживается так называемая тема пути (термин Д. Максимова применительно к творчеству Блока), т. е. при всех колебаниях, противоречиях, доходящих порой до самоотрицания, поэтический мир Б. Пастернака и его творческая система представляют собой единство, понять которое можно только по принципу дополнительности.

Цикл «Волны», с нашей точки зрения, — один из самых цельных и органичных в творчестве Пастернака, хотя, на первый взгляд, может показаться, что он состоит из отдельных, разрозненных фрагментов, не связанных общим замыслом.

Уже первый отрывок из «Волн» определяет мировоззренческую установку автора, указывает на то, что в цикле параллельно будут сосуществовать два пласта: с одной стороны, «груз пережитого», давящий на поэта, а, с другой стороны, непосредственные впечатления от увиденного:

Здесь будет все: пережитое,
И то, чем я еще живу,
Мои стремленья и устои,
И виденное наяву¹.

Причем, эти два угла зрения существуют не независимо друг от друга, а взаимно обусловлены.

Первый отрывок из «Волн» имеет раннюю редакцию, сохранившуюся в архиве Г. Бебутова и значительно отличающуюся от окончательного варианта. Основное отличие ранней редакции от окончательной в том, что в первоначальном варианте убраны привязывающие к месту названия и конкретные биографические моменты. Стихотворение приобретает более мировоззренческий, философский характер, т. е. непосредственные впечатления уходят в подтекст, приобретая характер философских обобщений. Так, в первоначальном варианте конкретно названы время и место действия:

---

¹ Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. — М.-Л. Сов. писатель, 1965, с. 343. Здесь и далее цитируется по этому изданию.

Четырнадцатого июля
Чуть свет мы прибыли в Тифлис,
Три месяца как сон мелькнули,
Как вал над головой сошлись.

В окончательном варианте стихотворение лишается этой конкретности, становясь отвлеченнее и в то же время обретая мировоззренческую глубину:

Гуртом сворачиваясь в трубки,
Во весь разгон моей тоски
Ко мне бегут мои поступки,
Испытанного гребешки.

Их тьма, им нет числа и сметы,
Их смысл досель еще не полн,
Но все их сменою одето,
Как пенье моря пеной волн.

Сравнение бебутовского варианта с окончательным позволяет наглядно проиллюстрировать опосредованный характер восприятия Пастернаком действительности вообще, а инонациональной, в особенности: грузинская атмосфера, природа и духовная среда, пройдя через творческую лабораторию поэта, лишились своих конкретных черт, но стали частью поэтического восприятия Пастернака, выявившись в стихах на глубинном уровне — на уровне философского осознания мира. Эта связь в данном случае может быть выявлена путем сопоставления с ранней редакцией, но чаще остается невыявленной, присутствуя в стихах Пастернака в качестве органической части его поэтического мира.

В данном случае мы имеем дело с двумя редакциями, написанными приблизительно в одно и то же время, поэтому говорить о раннем и позднем Пастернаке не приходится. В верстке 1957 года изменены только две строки (строки: Их тьма, Они шумят в миноре. Прибой, как вафли, их печет, — заменены строками: Волна подаст свой голос в хоре И новой очереди ждет), причем, впоследствии был восстановлен старый вариант.

Таким образом, Пастернак периода «Волн» стремится к обобщенному взгляду на мир, к соединению вещного мира с сущностным, не теряя при этом свежести и необычности

свойственных ему образных сцеплений и ассоциативных рядов (поступки сравниваются с гребешками волн, которые бегут гуртом, сворачиваясь в трубки, сами волны символизируют преходящесть и быстротечность жизни и т. д.).

Говоря о творческом пути Пастернака, о его напряженной работе над стихом, нельзя забывать о том, что поэт постоянно находился в поиске и всегда был недоволен собой, поэтому его творчество совершенно не поддается четким классификациям и не может быть загнано в рамки какой-либо узкой схемы, будь то противопоставление «ранний — поздний период творчества», или «непосредственные впечатления и умозрительные рассуждения».

Почти каждое стихотворение из цикла «Волны» может служить примером мучительных поисков Пастернака. Наличие нескольких редакций, созданных почти одновременно и отличающихся друг от друга идейной, смысловой и эмоциональной нагрузкой, говорит о многомерности поэтического восприятия Пастернака, о сложности и неоднозначности его мироощущения. Второй отрывок из «Волн», так же, как и первый, сохранился в двух редакциях: окончательной и бебутовской.

Обнаруживая внешне непосредственную связь с грузинскими реалиями, второй отрывок продолжает внутреннюю идейно-мировоззренческую линию цикла, утверждая поэтическое кредо Пастернака:

Здесь будет спор живых достоинств,
И их борьба, и их закат,
И то, чем дарит жаркий пояс,
И чем умеренный богат.

Как видим, здесь непосредственные впечатления органично сплетены с т. н. умозрительными рассуждениями, и никакого разрыва между ними нет. Наоборот, основная мысль цикла — стремление автора донести до читателя во всей определенности свою творческую позицию, одновременно уясняя ее для самого себя, — придает как бы разрозненным отрывкам цельность, завершенность и композиционную стройность. Проблемы поисков смысла жизни, ценности поэта и его значимости в обществе, столь важные для Пастернака, в «Волнах» обретают классически четкое выражение и в какой-то мере определяют дальнейшее направление его поэзии.

Стихотворение «Здесь будет спор живых достоинств» —

одно из важнейших для осмысления темы творчества в поэзии Пастернака. Именно в нем появляется знаменитая строка о «тяжбе борющихся качеств», в контексте стихотворения, связанная к «огромному берегу Кобулет», но, как всегда у Пастернака, имеющая второй смысл:

И в тяжбе борющихся качеств
Займет по первенству куплет
За сверхъестественную зрячесть
Огромный берег Кобулет.

Здесь появляется та вторая реальность, при которой берег Кобулет очеловечивается и становится живым персонажем стихотворения, его лирическим героем. Автор проводит прямую параллель между ожившим берегом и поэтом:

Обнявший, как поэт в работе,
Что в жизни порознь видно двум, —
Одним концом — ночное Потти,
Другим — светящийся Батум.

Ассоциация построена по метафорическому принципу: бескрайний берег уподобляется необъятному, всеобъемлющему поэтическому дару. Происходит одно из чудес, свойственных поэтике Пастернака: неодушевленные предметы одушевляются, вбирая в себя всю многомерность и сложность мира. Если на первый взгляд человек в поэзии Пастернака уступает место природе, то затем, опосредованно, в образе одухотворенных явлений и предметов, философская мысль поэта возвращается к человеку как к центру мироздания. Вся композиция стихотворения построена по принципу сравнения берега с поэтом. В основной редакции говорится о сверхчеловеческой зрячести «берега-поэта», о его умении понять любое, «с чем к нему ни выйдешь», и в то же время «унять, как временную блажь». В бебутовской редакции эта строфа еще яснее указывает на двойной смысл текста:

Прямой, как одаренность свыше,
Слывущая у нас за блажь,
Обширный, как четверостишье,
Огромный восьмиверстный пляж¹.

¹ Пастернак Б. Л. Избранное. В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1985, т. I, с. 506.

В редакции Г. Бебутова стихотворение носит более личностный характер, оно эмоциональней и драматичней окончательного варианта. Особенно усиливает это ощущение мотив предательства, возникающий в последней строфе, отсутствующей в окончательной редакции:

С полудня зыблющий, как студень,
Желе купальных мокрых блуз
И, точно поцелуй Иудин,
Следы сосудистых медуз¹.

Окончательная редакция отличается более философским и отстраненным подходом к проблеме, в ней убраны чисто личные, субъективные моменты: стихотворение заканчивается описанием пляжа, который является для Пастернака как бы высшим судьей, беспристрастным и объективным. Так человеческая природа становится для поэта высшей реальностью — реальностью творчества, способной судить и своего творца. Третий отрывок из «Волн» в окончательной редакции — ностальгическое воспоминание о Москве, никак текстуально не связанное с Грузией. В редакции Г. Бебутова образ волн моря, проходящий через весь цикл, присутствует постоянно: воспоминания о Москве перемежаются с южными морскими картинами, которые в окончательной редакции исчезают.

В окончательной редакции стихотворение приобретает более обобщающий характер. Так же, как и в первом отрывке, грузинские впечатления и мотивы утрачивают географическую локальность и непосредственность, оставаясь частью мировоззрения и души поэта, хотя, на наш взгляд, строфы, навеянные Грузией, органично вплетаются в ткань стихотворения и более четко связывают его с остальными стихами цикла. Однако Пастернак решил в окончательном варианте эти мотивы убрать и сосредоточиться на московских воспоминаниях.

Последующие стихотворения цикла «Волны» непосредственно связаны с кавказскими и грузинскими мотивами. В этих отрывках проявился историзм Пастернака, обусловленный его интересом к настоящему и прошлому грузинского народа как к единому целому (об этом говорится в упоминавшемся письме П. Яшвили). Именно в этом грузинском цикле с осо-

---

¹ Пастернак Б. Л. Избранное. В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1985, т. 1, с. 506.

бенной очевидностью проявились: «черты реального и по пастернаковски своеобразного постижения истории»¹. История вписывается в пейзаж не в пафосно-публицистической манере, а в интимно-лирическом ключе.

О волнении, связанном с первыми кавказскими встречами, говорится в первой строфе четвертого отрывка, которая обращена в историческое прошлое и в то же время характеризует современный взгляд поэта:

Здесь будет облик гор в покое
Обман безмолвья, гул во рву,
Их тишь: стесненное, крутое
Волненье первых
рандеву.

Чрезвычайно интересен пятый отрывок из «Волн», в котором вновь используется характерный для Пастернака прием олицетворения природы. В данном случае лес наделяется человеческими качествами, и все стихотворение приобретает глубокий подтекстовый смысл. Восприятие отрывка происходит путем наложения друг на друга двух смыслов: непосредственного, буквального, и опосредованного, глубинного. «Лес» — это, с одной стороны, символ Кавказа, его гордой природы, его древней истории и культуры, которые, «сознавая свой интерес», пленяют, как описание, что-то знают и сообщают. Отчет поколений, служивших за сто лет до нас — это одновременно и историческое напоминание о тех офицерах и чиновниках, которые сначала по долгу службы, а затем — по зову сердца сроднились с этим краем, и в то же время выход в современность.

Грузинский материал был для Пастернака не просто точкой отсчета. Общение с Грузией — «равносильно» «крайнему творческому освобождению», поездка в Грузию была «поездкой внутрь себя», «заветной мечтой художника»². Восхищение прекрасным краем, его трудолюбием, стойким и негибким народом, органически связанным с родной природой и

---

¹ П. Антокольский. Путевой дневник писателя. — М: Сов. писатель, 1976, с. 13.

² См.: Письмо Б. Пастернака С. Чиковани от 3.VIII. 1945 — «Вопросы литературы», 1966, № 1, с. 181 (публикация Г. Маргвелашвили).

черпающим в ней источник силы, звучит в восьмом отрывке из «Волн». Если в большинстве стихотворений цикла Пастернак выражает свое отношение к Грузии опосредованно, т. е. воспринимая ее реальные черты, переосмысляет их, создает вторую реальность, то в этом отрывке подводится как бы итог впечатлениям и размышлениям поэта о Грузии. Не случайно это стихотворение не заканчивает цикл, а служит его кульминацией, эмоциональной вершиной, связующим звеном в поэтической цепи творческих ассоциаций, среди которых Грузия занимает важнейшее место наряду с такими категориями, как революция, социализм и т. д. Восьмой и продолжающий его девятый отрывки — это как раз попытки поэта осмыслить современность через историю, определить свое место в жизни. Пастернаку нужны какие-то ориентиры, ясность и четкость позиций в осмыслении «нашего» дня, «генерального плана». Сравнивая исторические события, связанные с завоеванием Кавказа в XIX веке, Пастернак приходит к выводу, что даже эти драматические страницы истории более понятны и легче объяснимы, чем сегодняшней день. Поэт мечтает обрести единство с миром, понять смысл происходящего — и тогда могла бы осуществиться его мечта о слиянии поэзии с жизнью, об их равнозначности и гармонии:

Не заподозренный никем,
Я вместо жизни виршеписца
Повел бы жизнь самих поэм.

В девятом отрывке, продолжающем идейную и мировоззренческую линию восьмого, открыто проводится параллель между сокровенными мыслями Пастернака о социализме и о Грузии как о стране, выход в которую дарует свет и устойчивое равновесие.

В стихотворении явственно ощущается стремление поэта увидеть свою страну счастливой, вне сплетен и клеветы, где женщины не одиноки, и дети не рождаются к беде, а голос новизны отзывается из будущего «весельем ребенка». Появление Грузии в данном контексте символично и замечательно, это еще одно поэтическое подтверждение неоднозначно высказываемой Пастернаком в письмах мысли о чрезвычайной значимости Грузии в его творчестве, о той особой роли посредника между прошлым, настоящим и будущим, которую при-

звана была сыграть эта страна в судьбе поэта. Подводя итог своей жизни, Пастернак в письме к Н. Табидзе называет Грузию в ряду самых основных для себя категорий: «Нина, лучший друг мой, радость моя, вот и ко всему готов в любую минуту. Но вот кончусь я, останется жизнь моя, такая счастливая, за которую я так благодарен небу, изложенная с таким тихим сосредоточенным смыслом, как книга, и что в ней было главного, основного? Пример отцовской деятельности, любовь к музыке и К. Н. Скрябину, две-три новых ноты в моем творчестве, русская ночь в деревне, революция, Грузия».

В стихотворении вновь звучит поэтическое кредо Пастернака, заключающееся в желании отдать всего себя жизни и творчеству, но не для того, чтобы разменяться на мелочи и «получить сдачу разменным бытом с бытия», и не для того, чтобы быть знаменитым, ведь «не это поднимает ввысь», а для того, чтобы в глазах людей стать тем, кто ты есть на самом деле, т. е. значить для общества только то, что ты традишь, а если ты растрачиваешь всего себя без остатка, то и отдача должна быть соответственной. Именно ощущение жизни, ее присутствие в поэзии является для Пастернака критерием творчества, а поскольку жизнь для него — это непрерывная цепь побед и поражений, обретений и потерь (все это единое целое, как жизнь природы, которая неотделима от человека), сам поэт не может отличить победу от поражения, в этом разберется только будущее. Главное для Пастернака — «ни единой долькой не отступаться от лица». Это ли не активная жизненная позиция? Это ли не акт высокого гражданского мужества? Сегодня строки Пастернака звучат как голос пророка, как голос судьбы, зовущий нас в будущее. И уже не ему нужно нам что-то доказывать, а мы жаждем хоть на миг приникнуть к этому неиссякаемому источнику мужества, искренности и непреходящей значимости. — к его поэзии.

Одиннадцатый отрывок тематически примыкает к десятому, а в композиционном отношении он как бы окаймляет цикл, перекликаясь с первым, вторым и третьим отрывками и являя собой как бы квинтэссенцию всего цикла, но уже на более высоком уровне. Если в первом отрывке поэт только намечает общую тему цикла («Здесь будет все, — пережитое, И то, чем я еще живу, Мои стремленья и устои, И виденное наяву»), то в 11-м уже подводятся итог увиденному и сказанному, причем, появляется оценочный момент, та самая категория подлинной и мнимой значимости людей и явлений, о которой идет речь

во всем цикле «Волны» и которая лейтмотивом проходит через весь творческий путь Пастернака. Это еще раз подтверждает мысль о том, что все творчество поэта пронизывает «тема пути», т. е. несмотря на различие в лексическом и стилистическом строении стиха, при всей эволюции поэта, в период написания «Волн» и цикла «Когда разгуляется» в его творчестве прослеживаются общие идеи, темы, мировоззренческие установки:

Здесь будет все, — пережитое
В предвиденьи и наяву,
И те, которых я не стою,
И то, за что среди них слыву.

Вторая строфа 11-го отрывка, перефразируя строфу из второго отрывка, вновь возвращает читателя к непосредственной теме цикла, к реалиям и атмосфере Грузии, давшей автору импульс для творческих ассоциаций и размышлений о судьбе и о художнике. Вновь появляется огромный берег Кобулет, который во втором отрывке прямо сравнивался с деятельностью поэта («обнявший, как поэт в работе»). Здесь такого уподобления нет, но в контексте стихотворения, центром которого снова является тема художника и его творчества, возникновение грузинского пейзажа закономерно, здесь даже трудно сказать, что первично, а что вторично: в цикле, посвященном Грузии, постоянно звучит тема поэта, его значимости, его роли в обществе, его полной драматических событий судьбы:

И в шуме этих категорий
Займут по первенству куплет
Леса аджарского предгорья
У взморья белых Кобулет.

В данном случае трудно говорить о каких-то непосредственных влияниях, это ассоциативные ряды, перекрещивающиеся в поэзии Пастернака и объединенные его личностным подходом. Эти, казалось бы, несоединимые категории и сущности оказываются глубоко связанными между собой, и связующим звеном является сам поэт, для которого столь разные категории — Грузия, Шекспир, революция, Скрябин... — глубоко родственны и близки друг другу благодаря месту, которое они занимают в его душе. Поэтому дорогой для Пастернака об-

раз Грузии появляется преимущественно в мировоззренческих стихах, посвященных глубоко волнующим автора темам современности, роли поэта в обществе и т. д., а в свою очередь эти темы вызывают в его стихах грузинские пейзажи и мотивы. Это и есть не прямое, а опосредованное выражение отношения лирики к действительности.

12-й отрывок из «Волн» существует в двух совершенно различных вариантах, т. е. для верстки 1957 года написан совершенно новое стихотворение. Вариант 1931 года неразрывно связан со всей стилистикой «Волн»: система образов, метафор и сравнений роднит его и с основной редакцией и с бебутовским вариантом некоторых стихотворений. В окончательной редакции 1931 года последняя строфа звучит так:

И все ж, то знак: зима при дверях,
Почтим же лета эпилог.
Простимся с ним, пойдем на берег
И ноги окунем в белок.

В редакции Г. Бебутова пятая строфа из первого отрывка почти текстуально повторяет это четверостишие:

Стоит октябрь, зима при дверях,
Тоскует лета эпилог,
А море знай хлобыщет в берег
Прибоя порванный белок.

В редакции 1957 года убраны все характерные для стиля «Волн» метафоры («тугоплавкость» все тех же «вафель — волн», «снимок лунной ночи», «лета эпилог»), т. е. изменена вся образная структура отрывка настолько, что он мог бы, по мнению Л. Озерова, войти в позднюю книгу «Когда разгуляется». На наш взгляд, вариант последнего отрывка «Волн» 1931 года гораздо образнее и интереснее позднейшей редакции.

Таким образом, цикл «Волны», задуманный как вступление к книге «Второе рождение», стал самостоятельным, законченным произведением, цельным по своей тематической, идейной и структурной направленности. Тип восприятия Грузии в цикле может быть охарактеризован как субъективный, но это особый, пастернаковский субъективизм, ибо вещный мир, мир природы для поэта — единственно реальная данность, выше которой, может быть, нет ничего на свете.

„Кроме Руставели делаю и антологию“⁶

ПИСЬМА МИКОЛЫ БАЖАНА ВИКТОРУ ГОЛЬЦЕВУ

Дорогой Виктор!

Очень рад был получить от Вас весточку, а то Вы уже меня совсем забыли. Виктор! Прошу Вас — приезжайте в мае к нам, когда и грузинские друзья будут. Поездим по Украине. Словом, про это поговорим в Москве, где я буду числа 25-го. На 28-ое предполагают устроить что-то вроде моего вечера в ДСП, так что уж наверное в Москве я буду. Привезу с собой и те грузинские стихи, о которых Вы мне пишете в торжественном послании «Худ. Лит.». Сижу все время в Киеве — работы по уши. Кроме Руставели делаю и антологию. Руставели сделал 2 000, а антологию почти кончил; понятно, переводил ее не один, но над редактурой пришлось посидеть здорово. Думаю еще книжку Чиковани сделать, но Симон не шлет подстрочников. Он сообщается только телеграммами и деликатно молчит по вопросу о подстрочниках.

Из Москвы думаю ехать в Томск собрать материалы о

Публикуемые ниже письма Миколы Бажана Виктору Гольцеву, чьи имена тесно связаны с грузинской культурой и литературой, представляют для нас интерес прежде всего потому, что и в них получили четкое подтверждение именно эти глубоко укоренившиеся контакты с Грузией. К тому же данная часть эпистолярного наследия замечательного украинского поэта охватывает драматичный период нашей истории — 30-е годы, в том числе — трагический 1937-й... Первое письмо, возможно, относится к 1936 году, ибо, как видно из него, М. Бажан планировал к двадцатилетию Октября написать первую часть поэмы о Кирове.

Несомненна ценность этих писем как документов, отражающих творческий процесс перевода поэмы Руставели на украинский язык. Они также дают определенное представление о подготовке украинских писателей к юбилею Руставели, работе над

Кирове в 5 году. Обязательно должен к XX-летию кончить поэму, но не могу сделать 1-ой части, никогда не нюхав сибирского воздуха. Думал уже недели две тому выехать, но некоторые обстоятельства задержали. Поеду туда уже после Москвы. Гайка передает Вам привет. Приветствуйте Вашу жену.

Ваш Микола

Дорогой Виктор!

Бога ради, простите меня и за молчание, и за такую задержку долга. Вот только пять дней, как я возвратился из Грузии. Сегодня же телеграфом высылаю Вам мой долг. Большое спасибо, Виктор. Ей-богу, это не невниманье — просто в Грузии мой кризис никак не желал ослабевать.

Без Вас мы ничего больше и не видели. Проехали с Сенченком и Корнейчуком по Военно-Грузинской — и только. Эта поездка чуть-чуть не кончилась катастрофой. При спуске к Арагве (Вы знаете, какие там дьявольские обрывы и повороты) на машине, в которой сидели Горгадзе, Мосашвили и Кутатели, слетело переднее колесо. Хорошо, что машина шла не очень скоро и шофер чудом успел затормозить. Мы чуть не рехнулись. Была одна незабываемая ночь — это ночь, когда нас человек 10 переносило Важа Пшавелу с Дидубе на Мтацминду. Эту ночь я не могу вспомнить без содрогания. Было ужасно и торжественно. Такое не забывается на всю жизнь. Не напишу — расскажу.

Был мой вечер. И Симон, и Паоло, и Мицишвили, и другие — все сделали, чтоб вечер прошел хорошо, прекрасно пе-

---

переводом «Антологии грузинской советской поэзии». Примечательно указание на то, как Берия мешал ее изданию.

В последних письмах ощущается и радость «спасения» (в начале 1939 года Микола Бажан неожиданно был награжден орденом Ленина, а все предыдущие месяцы 1938 года сидел дома на чемодане и ждал ареста), и чувство вины перед В. Гольцевым, которому — несколько позже — «не повезло». Что ему — «плохо», дают понять публикуемые письма.

Печать времени, зафиксированная украинским поэтом — другом Грузии, и отражение им взаимоотношений двух крупных личностей, думается, заинтересует широкого читателя.

Н. КОСТЕНКО

ревели мои стихи. И вечер был, по-моему, не по моим заслугам; что же самое удивительное и приятное — без последующей выпивки. Очень теплый был вечер, и хорошо, что его не подогревали № вторым или восьмым.

Пишите, Виктор. Думаю, что в декабре буду в Москве. Передайте привет жене и подружку Антокольских щире вітання.

Ваш Микола

Дорогой Виктор!

Вот снова уезжаю на Кавказ. Мне прямо до зарезу нужно работать (Руставели требует бездн энергии и Эверестов времени — сравненьица-то какие горские!), но должен быть на 15-летиі Армении — и отсюда шлют, и оттуда просят. Мечтаю, что больше 2 недель не задержусь.

Передам Симону лично (в Тифлисе, ведь, я его увижу), что Вы его ругаете. Конечно, отлично было бы пробираться и по тропинкам московской литературной жизни нашей незабвенной «грузино-русско-украинской бригадой», но вряд ли этс удастся устроить.

Виктор! Если Вам не трудно, зайдите в бухгалтерис ГИХЛа — пусть они вышлют мне деньги за «Красную Новь». Привет Вашей жене. Пишите.

Ваш Микола

Дорогой Виктор!

Засох я совсем в этой Ирпенской глуши, четыре месяца, как анахорет или заключенный, сижу тут, свету божьего и людей не видя. Но, кажется, уже кончилось мое великое сиденье. Ура, ура, ура! — поставил последнюю точку под Руставели. Черт его знает, что получилось, — судить не мне — но мучился, но страдал, но потел, но мозги сушил, как никогда в жизни. Свесил рукопись — оказывается, перевел почти кило стихов, да все хорейми восьмистопными, да все по четыре рифмы. Фу! — даже отдышаться не могу, голова кружится, сердце бьется, ноги не носят. Для правки, шлифовки и проверки перевода думаю: в конце месяца поехать з Тбилиси. Лишь бы только грузины пожалели и кахетинским не загнали меня в явно преждевременную могилу! Пишите, дорогой Виктор! Привет искренний Вашей жене.

Ваш Микола

Р. S. Нет у меня адреса Антокольского. Вкладываю в этот конверт письмецо и к нему. Передайте ему, умоляю Вас, и пожмите от меня руку. Еще раз прошу, милый Виктор, — пишите.

Микола

Дорогой Виктор!

Большое спасибо за Ваше дружеское, искреннее, теплое письмо. У меня к Вам просьба: как поскорее выслать и свою статью, и Иосселиановскую. Вашу статью я отдам в журнал «Критика», чтоб она вышла по-украински тоже в мае. А богобоязненный Платон нужен мне — собираю, где могу и сколько могу, материалы о Шоте.

Неужели только в августе приехать собираетесь? Лучше поздно, чем никогда — но чем скорее, тем лучше. Гаинка просто мечтает увидеть Вас и Вашу супругу. Что уж говорить о мне? Ждем.

Привет Вашей жене, Павлу и Зое.

Ваш Микола

Р. S. Что в Москве? Что в из-тве? Кто в из-ве? Рябинина? Пишите, дорогой Виктор!

Микола

Дорогой Виктор!

Виноват перед Вами за молчание я страшно, но сидел все время в Ирпене и работал, оканчивая свою «Поэму о Кирове». Кажется, кончил, но третья часть как-то меня не удовлетворяет.

Что слышно с Руставелиевским юбилеем? Отложили ли его и на когда? Тут я воюю с издательством, чтобы в декабре была книга. Обещают. Сложно с печатанием многоцветных иллюстраций, но клише уже готовы и есть пробные оттиски. Надеюсь, что книга-таки выйдет к сроку. Неприятности у меня с «Антологией груз. сов. поэзии». Книжку удалось задержать, а то неприятности были бы еще большие. Издательство написало тов. Л. Берия, чтобы он окончательно разрешил вопрос с содержанием этой антологии и, в частности, с нужными изменениями в тексте письма грузинского народа к тов. Сталину. Ответа пока нет.

Что Вы подельваете? Думаете ли продолжать свою гослитиздатовскую волюнку или бросить, в конце концов, этот крепостной труд, мешающий Вам самому писать и работать?

Здорово я обижен на Гослитиздат, что он отказался готовить том избранных произведений Леси Украинки. Ведь все почти было сделано: дали согласие свое переводить и Павел, и Б. Лившиц, и Н. Ушаков, и Н. Браун. Можно было сделать хорошую и нужную работу, да вот Тарсис передал мне, что Накоряков отказался начинать что-нибудь с переводами Леси Украинки. Почему — не понимаю. Ну, чорт с ними. Ждала Леся больше, подождет еще немного.

Как Ваша болезнь? Совсем уже себя чувствовать не дает? Как здоровье Юлии Сергеевны? Ах, Вы, не могли в Киев заехать, возвращаясь из Крыма. Ведь заняло б это так мало времени, а доставило б мне и Гаинке так много радости.

Передайте мой привет милым, хорошим Павлу и Зое. На Ирпене — осень, дождь и голый лес. Одиноко. Я вспоминаю друзей, и делается теплее. Когда мы с Вами повидаемся? Как давно это было — хевсуры, Вардзия, грозовое небо в просветах Вардзийских пещер.

Целую руку Юлии Сергеевны, жму Вашу.

Микола

Пишите!

Дорогой Виктор!

Ну, доехал я благополучно. Приехавши, сразу же побежал по делам. Все, как будто, устроил, так что специального письма от Руставелиевской комиссии нашему Союзу уже не нужно. Я рассказал про заседание, про свое выступление, и тут сразу же зашевелились. Сегодня будет утверждена Руставелиевская комиссия Украинского Союза, издательство согласно издать кроме дорогого 40-рублевого издания, еще и массовое, дешевое. По всей вероятности, перед Тбилисским пленумом в Киеве будет организован торжественный вечер Руставели. В комиссии будет координирована работа по домам культуры и клубам. Пресса уже тоже готовится и Ваши подстрочники очень и очень пригодились. Сегодня же сажусь за перевод стиха Павла. На основании всех этих материалов можно будет сделать очень хорошую страницу. Для массового издания нужна вступительная статья. Есть у меня статьи Кикодзе и Чичинадзе, но очень хотелось бы мне иметь Вашу статью «Руставели и его эпоха». Дорогой Виктор, Вы ведь обещали мне ее выслать.

Большое, большое спасибо Вам, Юлии, Павлу, Зое — ведь это благодаря Вам мне так тепло и родимо в Москве.

Хочется мне только быть достойным и, как могу, ответить на эту хорошую, искреннюю, настоящую дружбу. Еще и еще раз спасибо Юлии. Гаинка передает ей свой привет. Когда-то мы в Киеве встретимся? Скорей бы!

Ваш Микола

22:XI-37 г.

Дорогие, любимые Виктор и Юлия!

Вы думаете, я не сознаю своей вины перед Вами? Как часто в эти радостные для меня дни я обращался мыслью к Вам и кошки скребли мое сердце! Ведь я прекрасно понимаю, что я своим молчанием, тем, что не ответил на твое теплое последнее письмо, мог оскорбить тебя, Виктор, и Вас, дорогая Юлия. Разве я не чувствую, как хотелось тебе написать мне в эти дни и как ты сдерживал себя? Любий мій, я ж розумію це! Повір мені, повір щирій правді того, що я казатиму. Мне очень трудно жилось последние месяцы. Тягостно сложились обстоятельства личной жизни и только напряженными рывками рассудка и воли заставлял я себя хоть кое-как работать. Все ждал, что произойдет в жизни что-то решительное, которое очистит задушливую атмосферу последних месяцев, и я смогу писать друзьям хорошие, точные письма. Решительное это так и не пришло, но пришло негаданно и неожиданно другое, большое, радостное, значительное. Ведь не в почести дело — дело в том, что работу твою считают нужной, заслуживающей внимания, полезной для великой работы нашей страны. И это окрыляет. И мне захотелось написать тебе, тебе первому после всех тех волнений и хлопот, которые принесли мне, вместе со счастливой вестью, последние дни. Ведь мне больно думать, что я своим молчанием незаслуженно мог обидеть двух искренних, близких, родных друзей. Пусть же это моя настоящая боль будет искуплением за недружеское молчание, которое, поверь мне, совсем не от каких плохих чувств или невнимания происходило, но только от того, что я слишком был поглощен всякими драмами и драмочками, часто происходившими по собственной глупости и неисправимой склонности к психологическим напрасным розыскам и усложнениям. Я, может, уже слишком разболтался на эту небольшую тему. Перед немногими людьми я откровенен в этой области, но перед тобой мне хочется быть откровенным, чтобы ты понял, что никак не невниманием или недостойной забывчивостью моей

надо объяснить это долгое и скучное мое молчание, чорт бы его взял.

Дорогие мои! Оце вам пишу і сподіваюсь, що й від Вас одержу листа, і що темна хмарка, яка тінню пробігла над нами, безслідно зникне незавжди. Друзі мої! Пробачте оцього ледачого хохла — психоложца, три копанки чортів би йому за його мудрації, як написав би старий наш Вергілієнко-Котляревський, земля йому пухом. Не забувайте вашого щирого і незрадливого, хоч і вельми-часто легковажного, друга Миколу.

Поцелуйте за меня Павла и Зою, передайте привет мой Луговскому и Тихонову. Боже! Когда уже пройдет этот Шевченковский юбилей! Ко всяким личным осложнениям прибавились еще юбилейные хлопоты, забирающие уже абсолютно все время. Ничего не пишу, ничего не читаю — только сплошь функционирую. Я организовываю Шевченковскую выставку, но пока (а юбилей уже на носу) единственным и то весьма завалющим экспонатом этой выставки являюсь сам, как живое подтверждение Шевченковских слов о плохеньких правнуках славных прадедов. Ей-богу, с этой выставкой я с ума сойду! Вот горе!

Ваш Микола

Дорогой Виктор!

Что молчание твое значит? Забыл? Сердишься? За что? Давно я уже от тебя и весточки не имею. Как Юля? Как Павел и Зоя? Передай им мой, самый нежный привет.

Меня перед выборами совсем уже умучили. Теперь стало чуть-чуть легче. Понемногу снова привыкаю к работе, но чувствую: если буду сидеть в Киеве, то покоя и работы не будет. Куда удрать бы?

У меня к тебе и просьба, и дело. Я готовлю книгу Симона. Почти все переводы уже есть. Ему ничего не пишу — хочу сделать сюрпризом. Но тебя прошу — дай свою статью о Симоне сюда, как вступительную (сократив ее и прибавив несколько фраз о связи и о работе Симона для Украины — Шевченко и т. д.). Может, есть у тебя фото Симона? Умоляю — пришли. Клянусь, возвращу!

Если будешь видать Рябинину, то скажи ей, что Бажан абсолютно ничего против не имеет получить капельку денег. Там мне полагается и за «Кирова», и за редакцию Леси Украинки. Кстати, что это Павел мне ничего не пишет о Лесе? Я не знаю даже, получил ли он рукопись.

Целую тебя крепко, мой дорогой Виктор. Целую Юлию
обе ручки. Пиши!

Твой Микола

Да! Письмо, ведь, придет через два дня к тебе!

С Новым годом, дорогие мои! Счастья, хорошей работы, чудного настроения, всяческих благ, здоровья — чего еще? Богатства? Если от моих пожеланий ты умудришься разбогатеть, что никак не в твоём стиле, — то умоляю: разбогатеи!!! Целую, целую.

Дорогие Виктор и Юлия!

Я просто скучаю за Вами. Вот что-то заболел, третий день не выхожу (ангина) — пройдет, буду думать о том, как бы, без всяких дел и забот, выбраться в Москву. Хочется и Вас, и Павлика с Зоей повидать, а тут еще, может, ч Симон будет. Да! Я слышал, что Павлик с Алигер, Симоновым и Матусовским собирается в Киев. Правда ли это? Буду ждать его с нетерпением.

Ты, Виктор, не ленись. Сократи все-таки сам свою татью о Симоне — у меня рука не подымается. Нужно 3/4 листа. Допишу про Симоновское украиннолюбство я уже сам несколько строк, которые постараюсь сделать в Гольцевском духе. Бога ради, не тяни с этим делом — раз, раз, статья сокращена и Бажану выслана! Добре? Я с книгой Симона спешу. Хочу ее скорее закончить, а то уже и Джангар, и Церетели, и Джамбул висят надо мной, неотложные и неизбежные, как юбилейный календарь. Сдал том Маяковского — тоже работка была преутомительная!

У меня к тебе просьба. Если ты бываешь в Гослитиздате, то не трудно ли будет тебе рассказать Рябининой (а, может, кому-нибудь другому, кто финансами ведает), что Бажан решительно ничего не имеет против получить деньги в окончательный расчет за поэму о С. М. Кирове и за редактирование Леси Украинки. Деньги мне сейчас очень пригодятся, так как никакого изобилия их я не ощущаю.

Целую ручки Юлии, а тебя — в твою совершенно оформившуюся лысинку. Передай мой привет дорогим Павлику и Зое. Нина горячо Вас приветствует.

Твой Микола

Дорогой милый Виктор!

Прости, что так долго не писал тебе. Последнее время

меня, и так уже замотанного, замотали совершенно. Должен был после ряда скандалов и истерик выехать-таки в Элисту, где было вообще трогательно и иногда занятно, но куда добираться было мучительно и трудно. Потеряв на Джангаровских торжествах килограммов пять живого веса, остальное дотерял в Львове, так что вешу сейчас какую-то минусовую величину. Немножко обидно, что, превратившись в такой физический парадокс, измотав нервы и загубив время, в конце-концов и немного сделал, и ничего для себя не приобрел (не в смысле пишущих машинок или коверкотовых штанов, как это сейчас у писателей водится, а в смысле впечатлений и размышлений).

Поездка во Львов (через день после приезда из Элисты) была совсем пустая. Просидел несколько вечеров на приеме тамошних писателей в наш союз, несколько раз удивлялся, несколько раз ругался, но так и не узнал глубоко, кого же это мы в союз напринимали. Странные там люди, и хотя знаю, что нельзя их привычной мерой мерять, но иногда слово «советский писатель» по отношению к некоторым звучало странно.

Вся такая мотанина испортила мне лето. И не отдохнул, и не писал, и устал. Идет зима, которая будет для меня в материальном отношении не весьма легкая; надо работать; что-то уже выношено и щекочет сердце, но чувствую усталость и не вижу отдыха. Это немного угнетает.

Рад за тебя, что ты хотя бы короткими днями отдыха вместе с Юлией попользовался. Я просто тоскую за утренними туманами над рекой, за влажным запахом опавших листьев и даже за осенней стрекотней лягушек, за теми прелестями Ирпеня, которые тебе, Малеевскому патриоту ч варвару, непонятны. Нина сейчас в Гаграх, на днях должна приехать. Я холостякую, бегаю по заседаниям, в свободные минуты читаю польские криминальные романы и никак не могу заставить себя сесть за перевод Навои.

Высылаю тебе украинский томик Церетели. Симоч Чиковани уже, как говорят в издательстве, печатается. Обещают, что на днях выйдет. Вышлю его тебе тоже.

Где Павлик и Зоя? Поцелуй за меня Юлию в правую (и левую) ручку. Как мне хочется побывать в Москве, отдохнуть душой у вас, милых и хороших! Ввели меня в редсовет Гослитиздата, — я думаю, что хотя бы напишут из из-ства, а то, может, и на заседание позовут. Но молчат. А это было бы для меня причиной и вас повидать.

Ну, целую тебя крепко. Поцелуй за меня Павлика и Зою, а Юлии — множество самых нежных приветов и, если она разрешит, еще два поцелуя в ручку.

Твой Микола.

Дорогие Виктор и Юля!

Что это Вы молчите? Мне чего-то очень тревожно. Расстались мы с тобой, дорогой Виктор, в Тбилиси не очень весело. У меня и сейчас сжимается сердце, когда я встоминаю твое настроение, а ведь ты не хотел признаться во всей глубине его и я мог только догадываться. Конечно, тебе было очень горько и тяжело. Как же сейчас? Как настроение? Напиши мне, прошу тебя, подробно и хорошо. Я верю в справедливость и в то, что замечательная, искренняя, честная и нужная нам всем, всему нашему обществу, работа не может быть замарана. Мне чего-то кажется, что ты имеешь уже доказательства этого, и я лишь не знаю про это, ибо ты молчишь, не хочешь писать и совсем отказался от меня.

А я, приехав из Грузии, кручусь, не то как пропеллер, не то як Марко в пеклі. Взбесившись от бесконечности поэмы Навои, сел за работу — и сидел (в те дни, когда удавалось улизнуть от «деятельничанья») с утра до утра — до 4-ех—5-ти часов. Голова распухала и кровь шла носом. Позеленел. Посинел. Почернел. Кончил перевод. Ух!

Журнал — это тоже кусок волнений. Слава богу, числа 16-го выйдет первый номер. Будет, кажется, комом. Поэтому волнений не уменьшается, а увеличивается — надо хоть второй номер сделать более-менее «на уровне». А тут проклятые прозаики — не пишут, черт бы их взял! Просто горе мне с прозой для журнала...

Что Павлик и Зоя? Я уже и не надеюсь получить от него хотя бы весточку, — забыл он меня. Как его настроение? Что пишет? Ездит ли в свой Горький! Передай ему и Зое мой и Нинин горячий-горячий настоящий привет.

Нина целует Юлю и шлет свой привет. Вот кричит сейчас, чтобы я написал тебе о приезде в Киев. Юля! Умоляю Вас — приезжайте! Ждем Вас к себе, в весенний Киев. У нас жара. Начинают распускаться деревья. Приезжайте, Виктор и Юля! Какая это будет для нас радость!

Микола.

Дорогой Виктор!

Значит, в Грузии увидимся. Я, признаться, просил Абашидзе отложить «неделю украинской литературы» на сентябрь, но ничего не вышло, хотя доводы я приводил довольно основательные.

Еду в Грузию пароходом. Сейчас уже поздно агитировать тебя, а то попытался бы — приехал бы ты в Одессу, а оттуда двинули бы до Сухуми. Приятно, прохладно и вольготно. Не то, что душным и пыльным поездом, или ревущим и неустойчивым самолетом. Может, еще не поздно? А? Решай!..

Целую тебя и Юлю. Нина присоединяется к моим поцелуям. Целуем вместе вдвоем — вместе двух.

Твой Микола.

19.VI-54 г.

Киев

Публикация Н. В. КОСТЕНКО

„МОЯ ИДЕЯ КАВКАЗА“

(К. Д. УШИНСКИЙ И ГРУЗИЯ)

1. Кавказ

Окончив юридический факультет Московского университета со степенью кандидата и несколько отдохнув после учебы на просторах родной Малороссии, К. Д. Ушинский в августе 1844 года возвращался в стены «альма матер». Предстояла серьезная, напряженная работа — подготовка к экзаменам на право защиты магистерской диссертации.

«Еду в Москву, — писал он товарищу университетских лет, князю В. А. Черкасскому, — но не с твердым решением там остаться. И как ни смешна моя идея Кавказа, но едва ли она не бо́льшая действительность, чем профессорские мечты»¹.

Бо́льшая действительность... Предпринял ли Константин Ушинский попытку осуществить эту свою идею? К сожалению, мы этого пока не знаем.

В начале 1845 года он еще усердно работал в Москве, много и добросовестно штудировал сочинения Рау, Росси, Яко-

Имя Ушинского на Кавказе в большом почете. Его замечательным последователем был Я. С. Гогешвили. В наше время много сделал для правильной, достойной оценки Ушинского академик Д. О. Лордкипанидзе, с которым мне посчастливилось встретиться в 1968 году на конференции в г. Шостке (он был нашим гостем), затем переписываться.

Свою книгу «К. Д. Ушинский — выдающийся русский юрист» (Тбилиси, 1979) подарил с дарственной надписью мне С. М. Джорбенадзе — «...В. В. Терлецкому, автору ряда ценных разысканий по биографии К. Д. Ушинского и его потомства...»

Данная статья о косвенных связях К. Д. Ушинского с Грузией во многом еще не публиковавшийся материал.

В. ТЕРЛЕЦКИЙ

би, Сисмонди, Бланки, Мауренбрехера, Гегеля, Боссера, Гримма, Бомон-Васси. 23 апреля занес в свой дневник ^{выписки} из Моля. Это была последняя запись за 1845 год, которой и оборвался дневник. С того времени вплоть до 2 августа следующего года — даты утверждения Ушинского исправляющим должность профессора Ярославского Демидовского лицея — никаких сведений о нем нет. А это ни много, ни мало, промежуток в целых 15 месяцев — одно из самых больших «белых пятен» в летописи его жизни.

Чем же занимался он в этот период? Где находился?

После окончания университета его товарищи по факультету и курсу, имена которых нам сохранило время, разъехались по всей России. Ряд из них поддерживал прежние связи («получил письмо от Лосьева», — сообщал Ушинский 15 апреля 1845 года), другие — быстро забыли студенчество, перечеркнули прежнюю близость («Один за тысячу верст, — продолжал он, — другой — за две, третий — еще далее, за стеной приличий»)².

Некоторые из его сокурсников связали свою судьбу с Грузией. С 1846 по 1852 год находился на Кавказе Я. П. Полонский. Занимал должность помощника редактора «Закавказского Вестника». Писал стихи, в которых, естественно, не мог не воспевать Кавказ. В своих поэтических строках Полонский вопрошал:

Риона шум и леса тень,
Плющ, виноград и цвет граната,
Прохладный ключ и знойный день,
И воздух, полный аромата,
Кругом лесистые холмы,
Хребты, покрытые снегами, —
Надолго ль встретились мы?
Надолго ль я останусь с вами?³

После окончания университета отправился обозреть широчайшие просторы России другой сокурсник Ушинского Сергей Соковнин. Его и Константина Дмитриевича любимый профессор — наставник П. Г. Редкин в письме к другу заботливо просил: «Рекомендую тебе моего, во всех положениях достойнейшего ученика... г-на Соковнина. Он путешествует по России... Сделай его пребывание... сколько возможно полезным и приятным»⁴.

Кавказ, видимо, всецело покорил, очаровал Соковнина. Вс

всяком случае из издания «Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1848 год» (часть 2-я, с. 227) мы узнаем, что коллежский секретарь С. П. Соковнин стал чиновником канцелярии наместника Кавказа, князя М. С. Воронцова.

Да, и К. Ушинский мечтал о Кавказе. С вниманием относился к этому краю, изучал все то, что было написано о нем. 18 ноября 1844 года он занес в свой дневник программу чтений: «К путешествиям принадлежат: Паллас... по горным областям (1793-94 года)... Engelhardt und Parrot: «Reisen in die Krim und den Kaukasus» (1815)⁵. И впоследствии обращался к кавказским темам. В отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (фонд 316, № 54) автором этих строк были найдены выписки Ушинского из статьи неизвестного автора — «Из воспоминаний кавказского офицера», опубликованной в октябрьской книжке журнала «Русский вестник» за 1864 год. В ней — рассказ о черкесах, их быте, оружии, о лошадях. Рассказ об абреках (В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» так поясняет: «абрек — отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово»).

«Из воспоминаний кавказского офицера»... В этой связи невольно перелистываешь строки родословной жены К. Д. Ушинского Надежды Семеновны Дорошенко. Вспоминаешь, что ее дядя Ефим Степанович Дорошенко (1802—1878) в 1831—1858 годах служил на Кавказе. В 1821 году был прапорщиком, в 1846 — штабс-капитаном, в 1858 — в чине майора вышел в отставку. Имел саблю с надписью «За храбрость».

В свою учебную книгу «Детский мир» (часть 2-я) педагог-демократ К. Д. Ушинский ввел стихотворение А. С. Пушкина «Кавказ». Школьники всей дореволюционной России читали в его книге:

**Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.
Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады...⁶**

2. Нити связи

УДК 37.015.01

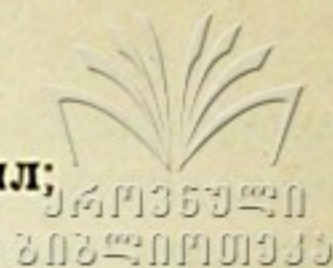
С Грузией Ушинский был связан множеством невидимых нитей. Тянулись они сюда через его друзей, знакомых, тех, с которыми довелось встретиться на жизненном пути. Проследим эти нити. Пройдемся по Кавказу дорогами жизни современников педагога.

В начале 1859 года Ушинский был назначен инспектором классов Смольного института. Его помощником по этому закрытому учебному заведению для дочерей привилегированных слоев общества (благородных девиц) был Андрей Михайлович Печкин, воспитанник Московского университета начала 40-х годов прошлого века и, возможно, знакомый Ушинскому еще с тех студенческих лет. Очень кратки и лаконичны сведения в литературе о их контактах. В письме из Гатчины 21 января 1859 года Ушинский сообщал, что получил от Печкина расписание экзаменов в Смольном институте. Да еще проскользнуло в одном из опубликованных писем воспитанницы института, что Константин Дмитриевич присутствовал на уроке у А. М. Печкина, преподавателя русской словесности. Это, отчасти, объяснялось тем, что по состоянию здоровья Печкин был вынужден оставить холодный Петербург и перебраться на Кавказ. С 1 сентября 1861 года он уже являлся директором училищ Кутаисской губернии. Нет ли среди сохранившихся бумаг Печкина материалов или воспоминаний о К. Д. Ушинском?

В 1843—1845 годах управляющим VI отделением (дела по Закавказью) императорской канцелярии являлся Михаил Павлович Позен (1798—1871), известный деятель крестьянской реформы 1861 года. За границей с ним встретился и сошелся К. Д. Ушинский, для которого Позен стал поистине неисчерпаемым источником информации. Возможно, и о Закавказье. Об этом педагог Л. Н. Модзалевский в газете «Кавказ» вспоминал так: «В Швейцарии он (К. Д. Ушинский — В. Т.) был чрезвычайно рад знакомству с весьма умным и просвещенным старцем — статс-секретарем Позеном, с которым виделся каждый день и много толковал о положении дел в России»⁷. А сам Ушинский в одном из писем уточнил обстоятельства их встречи: «Здесь (в Веве, Швейцария — В. Т.) на одной с нами квартире живет Позен, умирающий, жалкий»⁸. Тот Позен, о котором некогда в экспромте, сказанном по случаю неудачной попытки графа Воронцова захватить Шамиля, вспомнил писатель-водевильист Ф. А. Кони:

Могуч, воинственен и грозен,
В клуб английский гр. Воронцов вступил;
Хотя он Шамиля не сразил,
Зато теперь сражен им Позен!⁹

На Кавказ в 1867 году переехал из Петербурга товарищ Ушинского Л. Н. Модзалевский. Он получил место наставника-наблюдателя при детях наместника Кавказа. В течение целых 15 лет протекала здесь его большая и разнообразная административная и практическая педагогическая деятельность. Достаточно сказать, что Модзалевский был чиновником особых поручений при попечителе Кавказского учебного округа, преподавал (с 1871 года) педагогику в Тифлисской женской гимназии, затем был инспектором, директором женской гимназии, а с 1877 года исполнял должность окружного инспектора Кавказского учебного округа.

Общезвестно, что между Ушинским и Модзалевским в 60-е годы прошлого столетия велась довольно обширная, оживленная переписка. Думается, она не прервалась и после переезда Модзалевского на Кавказ. Свидетельство тому адресованное ему письмо Ушинского из Павловска от 4 сентября 1868 года: «Очень вам благодарен, что вы вспомнили меня и подарили нотами мое «Родное слово»¹⁰. Жаль, что это лишь единственное сохранившееся письмо Константина Дмитриевича кавказского периода жизни Модзалевского. И что нет в нашем распоряжении ни одного ответного письма Льва Николаевича. В них, несомненно, содержалась значительная информация Модзалевского о Кавказе, которая не могла быть безынтесной Ушинскому. Уже хотя бы потому, что его товарищ жил в Грузии активной творческой, педагогической, литературной, общественной жизнью. Находился, как говорится, в центре, гуще событий. Вот факты: Модзалевский участвовал в создании и работе благотворительного общества, открывшего в Тифлисе восемь бесплатных школ; был членом-учредителем и секретарем Кавказского музыкального общества, сочинял литературные тексты для вокальных пьес, написал либретто оперы «Тарас Бульба». Им были составлены «Памятные книжки Кавказского учебного округа на 1879 и 1880 гг.», выпущена в свет обширная работа «Ход учебного дела в бывшем Кавказском Наместничестве с 1802 по 1880 гг.» (1880). Был он постоянным сотрудником местной газеты «Кавказ». Примечательно, что одним из своих псевдонимов Л. Н. Модзалевский взял слово — Тифлисец. И, безусловно, сделал немало для

пропаганды педагогического наследия К. Д. Ушинского на Кавказе. Так, в 1881 году в газете «Кавказ» (№№ 259, 274, 281) он опубликовал статью «К биографии К. Д. Ушинского (По поводу его биографического очерка)». То есть статью-рецензию на вышедший в том же году очерк о К. Д. Ушинском его бывшего личного секретаря, а тогда инспектора Нальчикской городской школы А. Ф. Фролова. В 1881 году эта статья Модзалевского вышла в Тифлисе и отдельным изданием. И давно стала библиографической редкостью. Со страниц «Кавказа» Лев Николаевич призывал: «На друзьях и вообще на всех знавших покойного, лежит священная обязанность сообщить о К. Д. Ушинском все, что они знают и что только возможно теперь же сказать о нем». Друг педагога ясно видел перспективу и глубоко осознавал значение Ушинского, его трудов: «Будущий биограф сумеет воспользоваться всем этим материалом — и замечательная личность этого честного бойца за русскую школу восстанет пред потомством во всей своей жизненной правде, а может быть — и во всем своем величии»¹¹.

...Снова вернемся к письму Ушинского на Кавказ. Обратим внимание на цитировавшиеся строки: «Очень вам благодарен, что вы... подарили нотами мое «Родное слово». О чем здесь речь?

«Подарил нотами», то есть положил на музыку ряд стихотворений из «Родного слова» К. Д. Ушинского некто В. Чижов. Бесплезно искать о нем сведения в музыкальных словарях, справочниках, энциклопедиях. Хотя он был автором книг «Музыкальная хрестоматия для младших классов всех учебных заведений», «Музыкальная грамматика или основания музыки», изданных в Тифлисе в 1876 году. Там же в 1881 году в типолитографии Якшата вышла его работа «Школьное пение на первый, второй и третий однородных голоса для младших классов мужских и женских гимназий и прогимназий, реальных училищ, городских и начальных школ и детских приютов». Его-то хорошо знал, с ним поддерживал отношения Л. Н. Модзалевский, который, как мы видели ранее, был в самой сердцевине педагогических и музыкальных кругов Грузии.

В 1870 году «Родные напевы для развития слуха и голоса по «Родному слову» К. Ушинского» (год 1-й), подготовленные В. Чижовым, были опубликованы в приложении к номерам 6—8 журнала «Народная школа». Предисловие написал Л. Н. Модзалевский. В том же году «Родные напевы»

были изданы в Петербурге отдельным изданием. И даже замечены критикой. И. Белов в рецензии («С.-Петербургские ведомости», 1871, № 23) советовал приобрести эту книгу земствам и лицам, «от которых зависит устройство народных школ».

Еще в 1868 году Ушинский в письме к Л. Н. Модзалевскому на Кавказ сообщал, что полученные им «ноты выпустит отдельной маленькой книжкой» и немедленно вышлет «требуемый гонорар г-ну Ч/ижову/». Как видим, первая часть обещания Ушинского была выполнена. Книга вышла в свет. Можно не сомневаться, зная честность и высокую порядочность Константина Дмитриевича, что педагог выполнил и вторую часть — связался с В. Чижевым. И таким образом В. Чижев — этот музыкальный деятель Грузии — еще одна, пока мало исследованная ниточка связи Ушинского с Кавказом.

Среди сотрудников журнала «Народная школа» 1870 года (напомним: того журнала, в приложении к которому были опубликованы «Родные напевы...») нами разыскан Владимир Семенович Чижев. Не он ли автор книги, составленной по «Родному слову» К. Д. Ушинского?

В самом начале 1870 года в Петербурге с К. Д. Ушинским встретился известный деятель народного просвещения, попечитель Кавказского учебного округа Я. М. Неверов. Правда, его имя более ведомо читателям из материалов истории русской литературы и общественной мысли России. Ибо Неверов был активным членом кружка Н. В. Станкевича. Того кружка 1830-х годов, где, по словам Герцена, «отыскивая пропавшие» после 1825 года «пути мысли», вызревала «Россия будущего»¹².

Януарий Неверов встретился с К. Д. Ушинским и просил рекомендовать ему лицо, которое могло бы с успехом возглавить одну из учительских семинарий на Кавказе. Это обращение не было случайным. За Ушинского говорил не только его большой авторитет, широкая известность в педагогических кругах России, но и, несомненно, тот резонанс, который вызывали в Грузии его педагогические статьи, его практическая педагогическая деятельность.

Ушинский на пост директора Кубанской учительской семинарии (первой в Кавказском учебном округе и одной из первых, открытых в России в 70-е годы XIX века) порекомендовал Я. М. Неверову своего товарища, преподавателя Смольного института благородных девиц, затем — 2-й С.-Петербург-

ской военной гимназии Д. Д. Семенова, отъезд которого на Кавказ состоялся во второй половине того же 1870 года.

На Кавказе осуществились многие педагогические мечты Семенова.

При семинарии он организовал женские педагогические курсы (по существу — женскую учительскую семинарию), делал все для подготовки «вполне самостоятельных и образованных деятелей, разумных хозяев народной школы, действительных советников и пособников народа в деле умственного и нравственного развития».

В 1878 году Семенов был переведен на работу в Гори — директором Закавказской учительской семинарии, открывшейся двумя годами ранее. Она являлась единственным учебным заведением, готовившим учителей для грузинских, армянских и азербайджанских начальных школ. Ученик и последователь К. Д. Ушинского осуществлял реорганизацию семинарии, призывал своих воспитанников «развивать и обогащать свой родной язык и родные литературы лучшими произведениями пера». Ощущая на каждом шагу своей практической деятельности русификаторскую политику царского правительства во всей Грузии, Семенов смело требовал увеличения числа школ на родном языке для грузинских, азербайджанских и армянских детей. Велик был и его вклад в распространение на Закавказье передовой русской культуры и прогрессивных педагогических идей. Это и отметила газета «Иверия» (ее организатором и редактором был Илья Чавчавадзе) в 1902 году: «Период, когда в Горийской семинарии директором работал Семенов, является периодом возрождения и просвещения семинарии».

...Шли годы. Уже давно не было в живых К. Д. Ушинского. Но не угасала, не стиралась память о нем. В Гори, в 1896 году, вышла книга А. Италинского «К. Д. Ушинский, его жизнь, деятельность и значение». Этот труд был выполнен и как приложение к «Циркуляру по управлению Кавказским учебным округом за 1896 год» (№ 1). К слову, автор книги так рассказывал о рекомендации Ушинским Д. Д. Семенова попечителю Кавказского учебного округа Я. Н. Неверову: «Константин Дмитриевич прямо указал на Дмитрия Дмитриевича... Таким образом мы своего директора и руководителя получили из рук Ушинского»¹³.

И эта рекомендация Ушинского сослужила для Грузии большую службу. Память об этом жила на Кавказе. Когда в 1895 году в аудитории Соляного городка в Петербурге широ-

ко чествовали К. Д. Ушинского (выступали П. Ф. Каптерев, Д. Д. Семенов, Л. Н. Модзалевский, М. Л. Песковский — биограф Ушинского, муж двоюродной сестры В. И. Ленина Е. И. Веретенниковой), то пришла телеграмма на имя Д. Д. Семенова от директора Закавказской учительской семинарии Славинского. А в ней сообщалось, что память основоположника отечественной научной педагогики и народной школы в России К. Д. Ушинского широко чествуется в стенах этой семинарии на Кавказе¹⁴.

Но, безусловно, лучшей памятью об Ушинском стало то, что его идеи были подхвачены прогрессивными педагогами Грузии. Среди последователей великого русского педагога широко известно имя Я. С. Гогешашвили, сказавшего об Ушинском: «Великий русский педагог..., обладавший не только глубоким всесторонним образованием как общим, так и педагогическим, но и одаренным от природы самобытным творческим талантом и всеми без изъятия признанный патриарх русской педагогики»¹⁵.

3. «Школу дайте России!»

К. Д. Ушинский как истинный сын народа, патриот отечества, прогрессивный деятель своего времени не мог не задумываться о судьбе России. Одним из путей ее обновления он считал школу:

«Школу, народную школу дайте России, — писал педагог — и тогда, лет через тридцать, она станет на прямую дорогу!»

В 1860 году Ушинскому было предложено редактировать «Журнал Министерства народного просвещения». Педагог горячо взялся за работу «способствовать, сколько станет наших сил, образованию положительных общественных убеждений в области народного просвещения распространением всякого рода педагогических сведений, знакомством с педагогической литературой и педагогической деятельностью других народов, собиранием и опубликованием фактов, выражающих современное состояние русского просвещения»¹⁶.

В отделе «Известия и смесь» этого издания Ушинский поместил множество критических описаний воспитательных и учебных учреждений Кавказа. Вот перечень опубликованного: «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», «Положение об управлении учебной частью на Кавказе»

(1860, № 8), «Открытие женского училища в Екатеринодаре» (1861, № 4), «Отчет комитета Тифлисской воскресной школы» (1861, № 6), «Известия из Тифлиса», «Открытие народной и воскресной школ в Ставрополе—Кавказском» (1861, № 7), «Женское бесплатное училище во Владикавказе» (1861, № 9), «Об издании газеты «Кавказ» в 1862 г.» (1861, № 11).

Значительная роль в просвещении народа издавна принадлежала книге. В последние годы жизни педагога-демократа шли к Ушинскому письма из Грузии. Обращался Соломон Артемьевич Вартанов, трудившийся на протяжении почти тридцати лет (с 1847 по 1875 год) в учебных заведениях Тифлиса. Был он и учителем реального училища (1847—1849), преподавателем учебного заведения св. Нины в Тифлисе и учителем подготовительного класса в дворянской и коммерческой гимназии (1851—1852), учителем и надзирателем за приходящими учениками коммерческого училища (1855—1865), помощником воспитателя и учителем подготовительного класса реальной гимназии (1866—1871).

С. А. Вартанов (а это новое имя в ушинковедении!) просил Ушинского выслать «1500 экземпляров «Р/одного/ С/лова/ с ударениями». Однако Ушинский по многим причинам не мог выполнить этот заказ, то есть по сути издать новую книгу «в пользу кавказцев» и сообщил, что возвращает Вартанову переводной вексель на 200 рублей. В письме от 23 февраля 1870 года, черновик которого разыскан нами в отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Ушинский подчеркивал, что эта просьба не является новостью для него: «Я слышал от Льва Николаевича Модзалевского (вот подтверждение тому, что с переездом Модзалевского на Кавказ связи между ним и Ушинским не прервались! — В. Т.), что Кавказский учебный комитет хотел заказать мне особое издание Р/одного/ С/лова/ с ударением»¹⁷. Однако Вартанов, вероятно, не удовлетворился ответом Ушинского. Ибо 16 марта того же года Константин Дмитриевич был вынужден писать ему снова: «Продажу всех моих изданий я передал в настоящем И. И. Глазунову в С.-Петербурге, куда должны уже обращаться со своими требован/иями/ другие книгопродавцы как петербургские, так и иногородние». И далее сообщал такие важные для нас ныне сведения: «Примите во внимание отдаленность Вашей торговли от Петербурга, а также и то, что до сего времени Вы пользовались (подчеркивание наше — В. Т.) более значительною уступкою, я нашел возмож-

ным дозволить Вам выписывать «Родное слово» (1-й и 2-й годы) на прежних условиях»¹⁸.

Значит, и ранее шли учебники Ушинского в Грузию. Шли через С. А. Вартанова. И сейчас Константин Дмитриевич продал «Родное слово» для этого края с «более значительной уступкою» в цене, чем для иных местностей!

Несомненно, интересен вопрос: а как же учебные книги педагога принимались на Кавказе?

В «Циркуляре по управлению Кавказским учебным округом» (1870, №№ 6, 7) неким Грушевским была опубликована статья «Обзор русских азбук». Учебные книги Ушинского в этом «Обзоре» были оценены по достоинству. А Я. М. Неверов, тогда главный инспектор учебных заведений на Кавказе, высоко отзывался о «Родном слове» Ушинского и подчеркивал его полезность. Он рекомендовал всем учебным заведениям, по возможности, приобрести эту книгу. Отзывы Неверова (по сообщению директора А. Кикабидзе и научной сотрудницы Р. Горшковой) хранятся и поныне в фондах Центрального Государственного архива г. Кутаиси.

Еще один небезынтересный факт связывается с Тифлисской публичной библиотекой. В 1864 году в специальную командировку за границу для приобретения книг был отправлен один из ее библиотекарей А. Берже. В том же году приобретал книги для Тифлисской библиотеки чиновник канцелярии наместника Кавказа, библиотекарь по совместительству Г. А. Токарев.

Дочь К. Д. Ушинского Вера Константиновна, в замужестве Пото, в своих воспоминаниях об отце сообщает, что именно в те годы у них в Гейдельберге собирался «интересный кружок... например, Токарев с сестрой, Модзалевский»¹⁹.

Не о Токареве ли из Грузии В. Пото вела речь?

И дешифровка имени этого Токарева, и, несомненно, материалы Кутаисского архива, и дальнейшие поиски еще многое могут поведать нам об Ушинском. Последнее слово о его связях с Кавказом еще не сказано...

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ К. Д. Ушинский. Собр. соч., т. XI, М.-Л., изд-во АПН РСФСР, 1952, с. 140.

² Там же, с. 39.

³ Я. П. Полонский. Лирика. Проза, М., изд-во «Правда», 1984, с. 79—80.

⁴ Отдел рукописей ЦНБ АН УССР, 1П.3309, л. 13.

⁵ К. Д. Ушинский. Собр. соч., т. XI, М.-Л., изд-во АПН РСФСР, 1952, с. 17.

⁶ Цитируется по источнику: Пушкин. Собр. соч., т. II, М., Худ. лит-ра, 1974, с. 128.

⁷ К. Д. Ушинский. Собр. соч., т. XI, М.-Л., изд-во АПН РСФСР, 1952, с. 443.

⁸ Там же, с. 199.

⁹ Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1961, с. 69.

¹⁰ К. Д. Ушинский. Собр. соч., т. XI, М.-Л., изд-во АПН РСФСР, 1952, с. 191.

¹¹ «Кавказ», 1881, № 259, 26 ноября.

¹² Герцен А. И. Собр. соч., т. IX, М., изд-во АН СССР, 1956, с. 35.

¹³ А. Итальянский. К. Д. Ушинский, его жизнь, деятельность и значение. Гори, 1896, с. 22.

¹⁴ Пушкинский Дом, отдел рукописей, ф. 583, № 46, лл. 138—140.

¹⁵ Д. О. Лордкипанидзе. Педагогическое учение К. Д. Ушинского, изд. 3-е, М., Учпедгиз, 1954, с. 7.

¹⁶ Архив К. Д. Ушинского, т. I, М., изд-во АПН РСФСР, 1959, с. 15.

¹⁷ Пушкинский Дом, отдел рукописей, ф. 316, № 76, лл. 5, об. -7.

¹⁸ Там же, лл. 18 об. -19.

¹⁹ Сборник «Новое об Ушинском», Ярославль, 1981, с. 22.

„ВПЕРЕД—НАЗАД“, ИЛИ КАК РАСШИФРОВАТЬ УЖАС

«— Хочешь таблетку «Оптимизма»?

— Фу, гадость!

— В такой ситуации не возбраняется.

— Да ну ее к эону.

— Тогда немножко хлеба с ветчиной?

— Успею... Скажи, дорогой, ты помнишь?.. — И словно взвешивая, прежде чем произнести каждое слово, Ив наизусть прочитал:

Когда на сердце ночь, меня к закату тянет,

Он — сумеркам души сочувствующий знак».

Если провести своего рода опрос, уверен, не каждый читатель на вопрос, из какого по жанру произведения процитирован приведенный диалог, ответит, что речь идет о фантастике. Еще более запутывает «жанровую чистоту» отрывка продолжение:

«Так же неспешно, вдумчиво, тихо отозвался Альтэр эго:

Он говорит: «Не плачь. За полночь день настанет.

И солнце вновь взойдет. И свет разгонит мрак».

«Сумерки на Мтацминда» Николоза Бараташвили узнать в переводе нетрудно. Но то, что ответная реплика со стихами принадлежит... искусственному творению, можно догадаться лишь по традиционному для научной фантастики имени героя-робота.

Происходит все это в романе Владимира Осинского «Падение вверх».

В. Осинский. Падение вверх. Тбилиси. Мерани. 1989.

Принадлежу к поколению, выросшему на книгах Жюль Верна и Герберта Уэллса, на «Аэлите» А. Толстого и «Человеке-неведимке» Беляева. Потому, возможно, неожиданным будет признание, что лично я не поклонник научной фантастики. Как мне кажется, стремительный рост достижений науки и техники на наших глазах немало обесценил самые смелые предположения писательской фантастики в этой области. Вряд ли, что бы ни придумывал сегодня фантаст, читатель воскликнет: — «Не может быть!» В наш век все может быть. Но, с другой стороны, неоспоримо, что интерес к литературе этого жанра неуклонно растет, тиражи подскакивают в космических масштабах, а на полках магазинов эти книги никогда не достать, возникают всякого рода клубы и общества любителей фантастики. Не считаться с этим нельзя.

В чем же секрет этого бума?

Определив свое место в «категориях» читателей, сразу скажу, что произведения В. Осинского (а у него недавно почти одновременно вышли две книги — упомянутый роман «Падение вверх», выпущенный издательством «Мерани», и сборник «Маяк на Дельфиньем» в престижной «молодогвардейской» серии «Библиотека советской фантастики») воспринимаю с чисто литературной точки зрения. И потому в основном буду говорить именно о тбилисской книге писателя.

Возникает вопрос: помогает ли такому подходу «фантастическая одежда» или мешает? Органична она или нет?

Предлагаемые заметки и являются попыткой ответить на это.

Пересказывать литературное произведение «близко к тексту» — для рецензента занятие бессмысленное. Тем более, когда говоришь о фантастике. Как мне кажется, произведениям этого жанра загодя угрожает опасность рассуждениями подменить действие, рассказом — изображение. К чести В. Осинского, ему, по большей части, удастся избежать этого профессионального риска, и его роман читать просто интересно, несмотря на то, что есть в нем и рассуждения, и некоторая назидательность (так многознающие ученые и технари разговаривают обычно с нами, профанами, и, наверное, имеют на это право). В тексте романа — произведения художественной литературы! — порой споткнешься о такие, к примеру, пассажи:

«Закономерность достижения формацией УР столь совершенной фазы социально-политического развития исторически была вполне обоснована», и еще в подобном стиле. Но, по-

вторую, основная в романе стихия — художественная, избегающая, ценой немалых авторских усилий, как можно догадаться, сухого дидактизма и открытой аллегории.

Идея, замысел романа воплощается в персонажах, прежде всего — в главных героях романа: Иве Беке (как выясняется, это сокращение грузинской фамилии Бекаури, что объясняется его пристрастием к Бараташвили и Галактиону Табидзе) и Альтэре эго — «другом я» героя. Этот прием в художественной литературе, в том числе и фантастической, традиционный. Особенность Ивовского двойника в том, что это не что иное, как «личный киборг». Если такое предстоит человеку, что это — благо или проклятие? Вот на что должен ответить В. Осинский и его персонажи.

Главная мысль писателя, как я понял, состоит в том, что в вечном поступательном ходе времени, в ходе прогресса в душе человека всех будущих времен и во всем, что он создал и еще создаст, вечные нравственные ценности пребудут в неприкосновенности. И любовь, дружба, преданность, стремление к познанию истины останутся столь же ценными и важными, как в библейские времена. Может, автор хочет сказать, что нам предстоит еще возродить и восстанавливать их, чтобы в будущем они заняли то же место, что и в прошлом? Во всяком случае, он утверждает, что «процесс постижения прекраснее самого знания», имея в виду отнюдь не технические достижения.

Такая писательская установка позволяет роман «Падение вверх» (в гораздо меньшей степени — некоторые вещи сборника «Маяк на Дельфиньем») из жанра научной фантастики «перевести» в литературную традицию (именно в традицию, не сравнивая ни тематически, ни по художественным параметрам), определяемую именами Вольтера, Чапека или, если говорить о более близких по времени примерах, Замятина, Оруэлла, Лема... Что ж, это объясняет во многом отношение к роману.

Читая «Падение вверх», я с большим интересом следил не за хитросплетениями сюжета — а выстроен он по всем законам занимательного чтения, — не за приключениями Ива Бека, а за его искусственным «другим я». Его нравственный кодекс, предопределяющий все поступки и отношения с окружающими, очерчен известными законами робототехники, сформулированными Айзеком Азимовым. Правда, В. Осинскому не откажешь в писательской смелости: он пополняет постулаты этой «библии научной фантастики» этическим Принци-

пом собственного изготовления, гласящим, что «в случае, если устремления какого-либо Основного Составного и Формации универсально-разумной войдут в противоречие, Альтэр это обязан сделать все, чтобы это противоречие было ликвидировано».

Очистив этот Принцип от терминологической шелухи, навязанной жанром, получим вполне актуальный для нас нравственный тезис, способный вселить надежду, что, какой бы «универсально-разумной» ни была социальная формация общества, личность все же имеет право на самостоятельное и самоценное существование.

С отстраненно-холодным миром фантастического будущего лично меня способно примирить не только то, что люди и тогда будут влюбляться, ревновать, завидовать и мечтать, писать стихи и стесняться проявлять свои чувства, но и то, что все это унаследуют от них и созданные ими искусственные творения. Пока робот (пусть даже принадлежащий «одной довольно легкомысленной особе») может просить: «Вы не могли бы пропустить меня без очереди», а другого произведение, сочиненное Ивом Беком, «глубоко взволновало, захватило, восхитило, заставило задуматься, заняться переоценкой ценностей, задело за живое» — жизнь еще продолжается. Значит, оно еще есть, это «живое»! Значит, дело не так уж плохо — или не так уж хорошо!?

Думается, второй ключевой проблемой, занимающей авторское воображение, является категория времени, поиски ответа на вопрос: «А куда, собственно, ушли годы — вперед или назад?». Вопрос этот для писателя, а значит, и для читателя романа, отнюдь не отвлеченно-академический. От ответа на него зависит «как же нам относиться к Иву Беку — как к человеку из неведомого будущего, почтительно ожидая от него прекрасных откровений, или с заведомо снисходительной улыбкой умудренных потомков, ушедших далеко вверх по лестнице, заброшенной в завтра?» Итак, снова — вперед или назад?

Из этой реплики, и еще больше из романа в целом, становится ясно, насколько едины и неразделимы для автора две основные проблемы: время, по его убеждению, должно быть нравственным, а нравственность, мораль, этика — хронологически определены.

За недостатком места не буду говорить о свойствах стиля В. Осинского подробно, отмечу лишь свойственную ему и его героям ироничность и самоироничность. Здесь уместно рас-

шифровать одну из многих аббревиатур, которыми пестрит роман (а это непрменная черта всех произведений «из отдаленного будущего»!): «Робот грубовато сунул страдальцу наполовину пустую бутылку с ядовито-зеленым ярлыком: «Все ни по чем — УЖАС». Ядовито-зеленый цвет и залихватский эпитет не оставляют сомнения в содержимом бутылки, но что же значит второе слово? Очень просто: «Утоляющее жажду алкашей снадобье»! Как видим, и в мире отдаленного будущего человек останется не только со своими достоинствами, но и с неизжитыми недостатками.

«В отличие от людей, — говорит один из персонажей романа, — в нас преобладает стремление к сохранению вида, но не особи».

Что ж, хоть эта надежда у человека остается: сохранить-ся как особь, то есть — мы уже привыкли переводить на обычный язык «научно-фантастический» сленг — остаться личностью. Если даже киберноробот Альтэр эго — личность со своим характером и судьбой, значит есть шанс у всех, в чьих жилах течет живая горячая кровь.

Так как же, читатель, примем таблетку «Оптимизма»?..

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ

ПОД ЗНАКОМ ДОБРА

О говорюсь сразу — мне видится нелегкой задачей представить творчество писателя, издавшего на грузинском языке двенадцать книг и практически (за исключением редких публикаций в журнале «Литературная Грузия») неизвестного русскому читателю. И дело отнюдь не в количественных пока-

---

Георгий Хоргуашвили, Этот странный дядя Шио, Тбилиси, Мерани, 1989.

зателях, весомость которых давно уже воспринимается с настороженностью. А в том, что речь пойдет именно о творчестве, т. е. о проявлении духа и о метаморфозах его воплощения в слове.

В том, что Георгию Хоргуашвили подвластно слово, сомнений не возникает. Читая Г. Хоргуашвили, постоянно ощущаешь подкупающее чувство достоверности. По-челсвечески достоверны его герои, по-житейски обыденны ситуации, в которые они попадают, безыскусно образен и сочен язык, которым они говорят. Словом, «писатель идет от жизни», и в этой безыскусственности кроется причина его несомненных удач.

Диапазон творческих интересов писателя широк. Однако животворящее зерно творчества писателя прорастает на иной почве — в неприукрашенной историческими и социальными реалиями действительности, в обыденном течении жизни, не прерываемом сильными акцентами жанровых и тематических доминант, и потому естественном и художественно значимом. И тогда, когда писателю удастся избежать мишурной атрибутики, рождаются настоящие, сильные рассказы, проникнутые пафосом целительного сострадания.

«Джонга», на мой взгляд, один из самых значительных рассказов писателя. Здесь метафора, символика, аллегория являются не фундаментом или самоцелью, отправной точкой творческого поиска, а, по сути, — органичными элементами художественного повествования. Вол Джонга всю жизнь свою проводит в изнурительном и тяжком труде. Он с достоинством тянет свою лямку, ибо он величествен, могуч и добр, как сама Природа. Но существует еще и свора собак во главе с безродным псом Джгуна, которой непонятно, а потому и неприемлемо существование Джонги. Джгуне Джонга не по зубам. Но свора есть свора, и она тоже живет по своим законам, по своей природе. Хитростью, обманом свора победила Джонгу, напала на него посреди выпаса, одолела. Рассказ заканчивается на оптимистической ноте. Писатель оставляет нам надежду. И думаю, нет необходимости выстраивать аллегорические параллели между Джонгой-Добром и Джгуной-Злом и углубляться в библейскую символику тельца и фольклорность использованных автором мотивов, ибо каждый эпизод, каждая сцена написаны с той самой достоверностью, которая отвергает какие бы то ни было домыслы в отношении эксплуатации художественных приемов.

Иного колорита рассказ «Старый конь борозды не пор-

тит». Это, фактически, протокол колхозного собрания, на котором никто из присутствующих, кроме старухи Кабато, не решился дать отпор обкомовскому начальству, отстоять для своей деревни знающего и радеющего председателя и уберечь его от продвижения по высокой обкомовской лестнице. Лишь острая на язык и спорая на дело Кабато выложила все напрямую Габриэлу — своему бывшему односельчанину, а ныне председателю облисполкома. Заранее разработанный сценарий провалился. И не беда, что отмалчивались до последнего деревенские мужики, ведь нашла-таки и на этот раз Кабато, как находится всегда в Отечестве человек, которому невтерпеж помалкивать и отсиживаться в стороне.

И если с Кабато мы встречаемся в один из эпизодов ее жизни и выстраиваем как бы «за кадром», в воображении все ее прошлое (быть может, столь же тяжелое и суровое, как и ее нрав), то судьба дяди Шио («Этот странный дядя Шио») разворачивается перед нами в динамике отдельных эпизодов, подготавливающих и раскрывающих причины его духовного отчуждения. Дядя Шио (его все зовут «дядей», хотя ему нет еще и сорока) — из разряда деревенских дурачков. Над ним подшучивают, подтрунивают, ставят в неловкие ситуации, только он предпочитает отмалчиваться — пусть поговорят другие, он-то знает, что вопреки всему добро побеждает зло. Дядя Шио — неистовый правдоискатель. И хотя судьба жестоко обошлась с ним, правда все равно торжествует и каждый получает по заслугам.

В этих рассказах много непосредственности и любви к человеку.

Сильными, звучными нотами вторгается в прозу Г. Хоргуашвили социальный подтекст. И там, где абстрактный обличительный пафос не является самоцелью, а облачен в живую плоть человеческой судьбы, писателю удается создать живые, яркие, полнокровные образы.

Открытость, «незагерметизированность» проблематики в рамках сюжета — одна из характерных особенностей произведений Г. Хоргуашвили, впечатление от которых длится во времени даже тогда, когда сюжетная коллизия завершена и не оставляет возможностей для разночтений.

Для Г. Хоргуашвили характерен и обличительный пафос. Но не в виде холодного, расчетливого обвинения, звучащего как приговор. Все его рассказы проникнуты живительным чувством сострадания. Взгляд Г. Хоргуашвили суров, но не хо-

лоден, трезв, но не жесток. И невольно проникаешься подобным отношением писателя к жизни и судьбам его героев, невольно вспоминаешь о том, что, быть может, очищение, катарсис и есть одно из главнейших назначений искусства.

В рассказе «Лес велик...» лесорубы, отправившиеся на рубку бука, не добираются до места, где стоят мертвые уже деревья, и решают рубить молодые, сильные и здоровые. Расположившись в тени граба, вместе с лесничим, они устраивают пикник и произносят высокие тосты за родину, за ее природу — из тех, которые лесничему не раз приходилось провозглашать для «больших людей», приезжавших отдохнуть в эти заповедные уголья. Патетические тосты произносятся — а деревья срубаются, слова звучат — а природа гибнет. И несмотря на то, что проблематика, да и сама коллизия рассказа, не новы, в контексте других произведений Г. Хоргуашвили «Лес велик...» воспринимается как необходимое обобщение нравственно-этической платформы писателя.

Там, где герои Г. Хоргуашвили сталкиваются с социумом, там, где им приходится вступать в производственные или чисто деловые взаимоотношения, сострадательная улыбка автора сменяется саркастической усмешкой. И в основном это происходит в рассказах, где патриархальная этика села или небольшого городка оказывается вытесненной служебными взаимоотношениями внутри какого бы то ни было учреждения — будь то автобаза («Выбор») или просто контора неопределенного профиля («Черная душа»). Город, социум здесь не купринский Молох, а скорее Горгона Медуза, встретившись взглядом с которой человек обращается в камень, умирает не физически, а духовно.

«Только о великом стоит думать, только большие задания должен ставить себе писатель», — эти слова принадлежат Блоку. В них много аксиоматичности и риторики. Однако как часто в повседневной практике, за ежечасной суетой и заботами эта на первый взгляд само собой разумеющаяся истина отступает на задний план. Читая книгу Г. Хоргуашвили, об этом невольно помнишь, ибо там, где автором изначально владеет достойный замысел, где он берется за перо, ставя перед собой не сиюминутные, преходящие задачи и проблемы, где сам материал и сама идея оказываются достойны художественного воплощения, рождаются рассказы яркие, характерные, проникнутые высоким гуманистическим пафосом. А там, где во главу угла ставятся завуалированные в форму социальных

противоречий, но голые и не подкрепленные горечью истинной человеческой судьбы абстрактные понятия о добре и зле, правде и лжи, частный конкретный случай так и не получает обобщения. Но если перефразировать известный макиавеллевский постулат о том, что цель оправдывает средства, можно сказать, что художественные средства, используемые Г. Хоргуашвили, оказываются оправданы целью, ради которой он обращается к той или иной проблематике, к той или иной человеческой судьбе.

Думается, издание сборника рассказов Г. Хоргуашвили заполнило еще одно «белое пятно» на карте «русскоязыкой» грузинской прозы. Этот писатель обладает не только индивидуальным, ярким почерком, но и своеобразным, глубоким видением мира.

Д. РОБАКИДЗЕ

ПРОЩАНИЕ

Утром 28 октября не стало Колау Надирадзе — одного из замечательнейших поэтов Грузии. Человек свободного и сильного духа, рыцарь и патриот, гражданин, не умевший менять своих взглядов и убеждений в угоду кому и чему бы то ни было, Колау Надирадзе был последним из той блестящей плеяды голубороговцев, благородный отсвет которой озаряет творчество лучших грузинских поэтов последующих поколений. С ним ушла целая эпоха — тяжелая, бурная, сложная, отмеченная изощренной жестокостью и выдающимися событиями. Символично, что он умер в знаменательный для Грузии день — день первых в республике многопартийных выборов в Верховный Совет, — как бы перевернув страницу истории и донеся до нас живое дыхание тысяча девятьсот восемнадцатого — двадцать первого годов. Это дыхание Грузия ощутила, когда на исходе застойных времен в грузинскую печать, словно предвестие, непонятным для самого автора образом прошло его стихотворение «25 февраля 1921 года», написанное по свежим следам событий.

Эрудиция и утонченный литературный вкус, глубина мышления и высокая эмоциональность отличали этого мэтра поэзии.

Он был тончайшим знатоком и неустанным заботником родного грузинского языка, в то же время любой русский мог позавидовать его изысканной русской речи и глубокому знанию того, что можно обозначить старинными словами «русская словесность».

Отзывчивость и душевность особым светом согревали общение с ним. Он высоко ценил дружбу и умел ее хранить. Это Колау Надирадзе в далеком тридцать седьмом, когда погиб Паоло Яшвили, пришел на его похороны, несмотря на приказ Берия — «кроме родственников никому не присутствовать!» — и на вопрос Кобулова: «разве это ваш родственник?» твердо ответил: «Какой родственник?! Я хороню друга». Это Колау Надирадзе носил в нагрудном кармане фотографию Какуцы Чолокашвили — одного из участников восстания 1924 года, имя которого вплоть до последних лет числилось в черном списке и мало кому было известно. Без тени боязни, в самые тяжелые времена он с восхищением рассказывал о нем собеседникам.

Колау Надирадзе был большим другом и болельщиком «Литературной Грузии». Он был другом и многих из нас, сотрудников журнала. Каждая встреча с ним всегда была праздником — праздником общения с Мастером и Человеком. И можно лишь благодарить судьбу за радость долгих лет этого общения.

Камилла КОРИНТЭЛИ

ПОЭТ ОСТАЕТСЯ С НАРОДОМ

Первого ноября в Дидубийском пантеоне найдет свое вечное упокоение замечательный грузинский поэт, один из ярких представителей реформаторского ордена «голубороговцев», безупречный человек и истинный патриот Колау Надирадзе.

Со смертью Колау Надирадзе в грузинской литературе не осталось никого из того поколения грузинских писателей, которые достойно несли бессмертное знамя национальной поэзии в сложных условиях бесконечных социальных сдвигов и революционных катаклизмов.

Ушел последний из наших предшественников, и с его уходом как бы прервалась связь времен. Мы отчетливо осознали, что семейство грузинских поэтов окончательно отпочковалось от того рыцарского содружества, которое умножило величие грузинского стиха, подняло его на еще большую высоту и сделало поверенным тайн национального духа. Вдохновенные поиски этого поэтического содружества приобщили грузинскую поэзию к новым идеалам, обогатили новыми художественными формами, не отрывая ее от корней, от древних традиций и тем самым привели ее в соответствие с новым уровнем мировой поэтической культуры, радикально изменившейся эпохой. Это мужественное и мудрое поколение уберегло нашу поэзию от деградации и вовремя освободило ее от застывших, отживших свой век форм. Достойный вклад в это великое дело внес и Колау Надирадзе.

Короткий, но незабываемый период в многострадальной истории Грузии — период национальной и государственной независимости грузинского народа — не только разбудил и закалил его дремлющий дух, его национальный характер, но и спас жизнь грузинской литературе и искусству. Именно тогда сформировался Колау Надирадзе как поэт-гражданин и патриот, и никакие последующие испытания не смогли ни на йоту изменить его.

Это выдающееся время озарило небосклон нашей литературы надеждами, мятежные натуры и патриотизм тогдашних писателей и деятелей культуры сообщили грузинской литературе мобилизующий дух и вдохновенные цели, которые и сегодня стоят перед нею и служению которым Колау Надирадзе отдал всю свою жизнь.

Именно этим бессмертным традициям закладывали основы наши славные поэты и среди них последователи символистской школы, которую представляли ранние Галактион Табидзе и Георгий Леонидзе, Григол Робакидзе и Тициан Табидзе, Паоло Яшвили и Валериан Гаприндашвили, Серго Клдиашвили и Николо Мицишвили, Ражден Гветадзе и Шалва Апхандзе.

Колау Надирадзе был одним из признанных творцов и идеологов «голубороговцев». Не зря его почитали ищущим поэтом, бесстрашным первопроходцем грузинского поэтического символизма, мэтром ордена. Было время, когда символизм считался кощунством, а дань символизму чуть ли не преступлением. Кто знает, сколько предпринималось попыток очистить от этой «скверны» наших славных поэтов. Колау Надирадзе никогда не стыдился своего символистского прошлого, напротив, он гордился тем, что был членом этого удивительного по творческой потенции сообщества.

Есть поэты, чей жизненный путь, как в зеркале, отражает современную им эпоху и характерные ее черты со всеми плюсами и минусами. Такой вот творческой личностью был Колау Надирадзе. Две трети столетия он неутомимо трудился на благо грузинской поэзии, и на этом долгом, тяжком, часто мучительном пути не было случая, чтобы он изменил своим идеалам. Он с полным правом мог сказать о себе: ни нерва нет во мне негрузинского, непатриотического, непоэтического. Его писательская жизнь закончилась с остановкой его сердца, до последней минуты оставался он истинным поэтом.

Как человек твердой и негибаемой воли, он в течение долгого времени мужественно противостоял смерти, не испытывая перед ней ни малейшего страха, ведь смерти боятся лишь ничтожные люди. Колау Надирадзе слишком хорошо знал себе цену, чтобы бояться смерти. Но не только это было причиной его бесстрашия и душевного покоя: прикованный в последнее время к постели, поэт уверился, что мечта всей его жизни — полное освобождение Грузии — непременно сбудется, ее святейшая цель будет достигнута. За преданность этой мечте ему пришлось немало претерпеть в свое время (как от врагов, так и от друзей), но он не дрогнул, не сдался. Уже глубокого стар-

ца, в том возрасте, когда человек более всего нуждается в тишине, покое, поддержке окружающих и доброте, его безжалостно ранили в самое сердце, вменив ему, ни больше, ни меньше, в вину то, что составляло кредо его жизни, ее заветную цель, то, во что он уверовал еще в годы независимой Грузии и навсегда сохранил в своем сердце. То, что его старший товарищ и соратник по перу Котэ Макашвили выразил в нескольких словах: «Февраль покрыл мне инеем май», а неповторимый Иосиф Гришашвили окрестил во взрывчатом, как динамит, стихотворении «русским сапогом», завоевавшим Грузию, и положил «финку на стол» для борьбы с интервентами. Но тут же следует оговориться, грузинские поэты враждовали не с русским народом и русской культурой, но с правительством Советской России, коварно нарушившим договор с республикой Грузией, и слепо подчинявшейся ему известной своей беспощадностью оккупантской XI Красной Армией, оросившей горы и доли Грузии кровью, растоптавшей и поработившей ее народ. Сам же Колау Надирадзе, выпускник Московского университета, демократ, глубокий знаток русской литературы и русского искусства, с искренним уважением относился к русской культуре и никогда не отождествлял русский народ с кровавыми русскими большевиками, с их коммунистической идеологией.

Последние годы грузинского национально-освободительного движения Грузии убедительно подтвердили, что Колау Надирадзе не ошибался ни тогда, в двадцатые годы, ни тем более позднее. Его взгляды были так же безошибочны, как его поэтическое чутье и превосходная интуиция, без которых даже самый талантливый поэт что орел без крыльев.

Уже на древнейшем этапе развития грузинской цивилизации в сознании грузинских писателей прочно утвердилось национально-патриотическое понимание человеческого счастья. Эта концепция, объединяющая народ, несущая положительный заряд, сыграла доминантную роль в развитии нашей многовековой национальной литературы, утвердившись в ней как исходная идея. Начиная с этого времени, прогрессивные идейно-эстетические воззрения грузинских писателей, любой конкретный случай их художественного воплощения свидетельствуют о том, что счастье для грузина непредставимо без счастья его благословенной родины — всей Грузии. Такое понимание человеческого счастья стало неотъемлемым признаком нашей поэзии. И Колау Надирадзе на всем протяжении своего тернистого жизненного пути ни разу не изменил этой заповеди, с

мученической преданностью выполняя ставшее законом завещание своих бессмертных предшественников и учителей.

Если внимательно вчитаться в некоторые (отнюдь не случайные) поэтические произведения Колау Надирадзе, можно заметить, что в них тесно переплетены радостный восторг и печальная задумчивость, импульсивная надежда и нескрываемый скепсис, желание творить добро и, наоборот, отойти в сторону, философские наблюдения и бунтарский взрыв. Минор сменяется мажором, оптимизм — равнодушием с примесью сомнения, радость — печалью. Поэтому Колау Надирадзе не чужды ни монолитная твердость, ни внутренняя противоречивость, но все это не мешало ему иметь свои принципы, быть настоящим человеком, которого никому не удалось сломить и который сам никогда не пытался сделать это с другими, несмотря (а может быть благодаря) на свою величайшую образованность, высокую внутреннюю культуру и богатейший опыт. Его стихи отличаются классической простотой и эмоциональной насыщенностью, стремлением к возвышенному и идеальной гармоничностью. Он был истинным мастером стиха.

И как истинный мастер он был мудр, дальновиден, прекрасно разбирался в людях. Никогда не «воевал» за тиражи или количество томов «избранного». Не охотился за читателем и не выставлял себя напоказ. Не представлялся человеком более умным, более талантливым, чем он был на самом деле. Его как поэта и как человека отличали естественность, скромность, искренность и рыцарское чувство собственного достоинства.

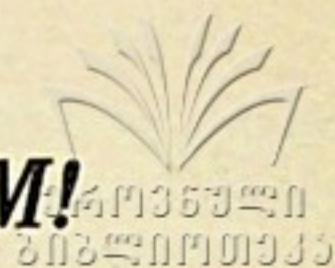
Лично я, да и не только я, многие литераторы моего поколения помнят его ободряющие слова, советы, замечания; он умел быть деликатным, умел вселять надежду.

Колау Надирадзе всегда был в курсе нашей литературной жизни, ее новостей или проблем. Когда он беседовал с тобой, казалось, ты разговариваешь с прошлым, не забывая в то же время, что твой собеседник — сугубо современный человек. Никакой старомодности ни в мышлении, ни в поведении, за исключением, может быть, большого пиетета к прошлому. Несмотря на свою романтичность, он никогда не отрывался от реальной почвы, прошлое и настоящее удивительно переплелись в нем.

Ушел от нас светлый человек, истинный интеллигент, бескорыстная и самобытная личность. Высокий патриот, нестигаемый, самоотверженный, незаурядный поэт, искренний, возвышенный. Таких людей народ не забывает — они навсегда остаются с ним.

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ!

В 1991 году журнал предполагает напечатать: романы Григола Робакидзе «Змеиная рубашка» и «Фалестра», Тамаза Бибилури «Для семи голосов и жаворонка», Михаила Джавахишвили «Разорванная цепь», Теймураза Курдованидзе «Заступник мой еси», Нодара Цулейскири «Гие-на», а также рассказы Гурама Гегешидзе, Наиры Гелашвили, Джемала Карчхадзе, Джемала Топуридзе, Годердзи Чохели и др.

Будут опубликованы стихи современных грузинских поэтов и новые переводы классиков грузинской поэзии.

Читателям будут предложены интересные публицистические материалы и литературно-критические статьи, освещающие актуальные проблемы современного литературного процесса, публикации.

В нашем журнале будет освещаться общественная и политическая жизнь Республики Грузия, вопросы новейшей истории, будут напечатаны неопубликованные труды грузинских эмигрантов — деятелей Грузинской Демократической Республики.

Журнал уделит большое внимание острым политическим проблемам современности, а также, как и прежде, вопросам литературных и культурных взаимосвязей.

Еженедельник „ЮРМАЛА“ — ВПЕРВЫЕ СТАНОВИТСЯ ДОСТУПНЫМ ДЛЯ ПОДПИС- ЧИКОВ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛАТВИИ.

Что эти латыши опять выдумывают?!

Можно ли будет впредь отдыхать на знаменитом курорте Юрмала, не имея в кармане твердой валюты?

Как в Латвии развивается рынок?

Кому будут принадлежать здравницы?

Что это значит на деле — «повернуться лицом к Западу»?

— на эти и другие вопросы читателям ответит еженедельник «ЮРМАЛА».

Газета не подчинена ни одному движению, ни одной партии, не является ничьим «органом».

Знаете ли вы, что именно корреспондент газеты «Юрмала» в августе 1988 года первым прорвал «зону молчания» вокруг опального в ту пору нынешнего Президента России Бориса Ельцина? Интервью с Ельциным, опубликованное одновременно в «Юрмале» и «Советской молодежи», перепечатали затем 140 изданий в Советском Союзе и за рубежом.

Деловым людям с подпиской на наш еженедельник открываются широкие возможности рекламировать свою продукцию в Прибалтике и за рубежом.

Годовая подписка на нашу газету, которая выходит на шестнадцать страницах, 52 раза в год, стоит всего 12 рублей 52 копейки — включая стоимость пересылки! — на 12 месяцев, 6 рублей 26 копеек — на шесть месяцев, 3 рубля 13 копеек — на 3 месяца.

Индекс нашего издания на русском языке — 68135, на латышском языке — 68136.

«Юрмалы» нет в основном каталоге, поэтому, если вы решили стать нашим читателем, — требуйте на почте специальное «Дополнение к каталогу».

На 1-ой стр. обложки: Автограф стихотворения Акакия Церетели.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор И. Зурабашвили
Корректор Т. Бадриашвили

Сдано в набор 8.10.90 г. Подписано к печати 18.12.90 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 7.300. Заказ 2160. Цена 65 коп.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в типографию Издательства ЦК КП Грузии, по вопросам подписки и доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 1.
Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Костава, 14.

64
20
65 კ.

ИНДЕКС 76117

საქართველოს
საბჭოთაო კავშირის
საგარეო ურთიერთობების
მინისტროს

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ვურნალი
„ლიტერატურული ვრუშა“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

